

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ИЮЛЬ
2004**

**ТАМУЗ
5764**

№ 7 (147)

В Талмуде тема судьбы смертных обсуждается подробно и всесторонне. Какова цель «рождения», создания человека? – спрашивают мудрецы. И дают исчерпывающий ответ: «Адам ле-амал юлад» – «Человек рождается для труда». Талмуд поясняет: труд, ради которого каждый из нас приходит в этот мир, состоит из трех вещей: «труда работы», «труда изучения» и «труда разговора».

С «трудом работы» все ясно. В Торе написано: «Шесть дней в неделю ты будешь работать». Даже если ты богат, Тора все равно обязывает тебя трудиться: ты ведь делаешь это не только для себя, любая твоя работа служит и другим людям, обществу в целом.

Под «трудом изучения» имеется в виду изучение Торы. Изучение в самом широком понимании, ибо слово «тора» на иврите – это не только «Пятикнижие», но и «наука». Человек должен учиться всю жизнь, не останавливаясь на достигнутом, не ограничивая себя знаниями, полученными в детстве и юности. Он обязан непрерывно пополнять свой умственный багаж мудростью Всевышнего.

«Труд разговора» – это молитва, «беседа с Б-гом». Именно во время молитвы мы приближаемся к Создателю, сотворившему нас, давшему нашей жизни смысл и цель. Молясь, мы отчитываемся перед Б-гом, как выполняли Его заповеди, просим

Г-спода помочь нам возвыситься духовно, дабы полнее соответствовать Его величественному замыслу.

И если смотреть на вещи с такой точки зрения, то наш личный праздник, наш день рождения (и даже юбилей) знаменует собой как бы открытие новой страницы, нового поля для трех видов труда, на коих зиждется мир Б-жий, все наше бытие. Мы, повторяю, «рождаемся заново» – получаем, словно впервые, задание от Всевышнего. Мы отрешаемся от прежних привычек, в том числе и дурных, от былых предубеждений. Б-г дает нам в этот день уникальную возможность еще раз начать все сначала. И поздравление с днем рождения есть, по существу, просьба к Б-гу благословить «новорожденного» на счастливую праведную жизнь. Вот почему оно столь дорого и столь ценно для человека.

От всего сердца спасибо всем, благословившим меня в мой день!

Āšāš ūē dāššēl Dīššē Āādē Ēāšāš

ЗА БУКВОЙ ЗАКОНА

МАЙСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Ī āī āōāī - Ī āī āē Ōī āāōōī

Īāōāēāī ī īōōū āāōīō ē āāēē-ēā

×ōī āāēīā īīēāī ēēā īā āī ēī ū Ī āāāī? Ūōī īīō Ēīēōāō ē āā īīāūī ēēīā

Ī īō-āī ēŷ īōōīā 5:20

Койрах, двоюродный брат Моше, возглавивший бунт против него и Аарона, заслужил репутацию человека, олицетворяющего любые распри. Само его имя – синоним дисгармонии и конфликта. Более того, Талмуд утверждает: «Всякий, вовлекающий в разделение, преступает запрет Б-га, ибо сказано (Бемидбар, 17:5): “Не случилось бы с ним то же, что с Койрахом и сообщниками его”» (Сангедрин, 110а). Когда Тора хочет сказать, чтобы мы не провоцировали споры и не сеяли раздоры, она говорит: «Не уподобляйтесь Койраxu».

Но Койрах не был краснобаем, смутившим чернь своими речами. Он принадлежал к одному из самых уважаемых семейств левитов, его род восходил ко второму сыну Леви, Кегату. Койрах занимал достойное положение среди своих родственников. К его мятежу против Моше и Аарона примкнули «двести пятьдесят человек, вожди общества, призываемые на собрания, люди именитые» (Бемидбар, 16:2). Разногласия Койраха с Моше носили идеологический характер: Койрах по-другому понимал связь Израиля со Всемогушим и считал, что структура общества Израиля должна быть иной.

Конфликт Койраха с Моше был очень серьезен. Казалось бы, разве можно сравнивать с Койрахом какого-нибудь мелкого скандалиста и применять к нему запретительную формулу «не уподобляйся Койраxu»? Очевидно, в выступлении Койраха против Моше было нечто, присущее всякому разладу и разрушению.

Часто противоположность определенному качеству на первый взгляд кажется едва ли не идентичной ему. Особенно часто это проявляется, когда речь идет о важнейших сущностях: мелкое различие между двумя сходными концепциями вдруг оборачивается цепью непримиримых противоречий, разделяющих мироздание.

Например, когда речь идет о таких понятиях, как «мир» и «разделение». Основа любого разделения – нечто, ложно напоминающее мирное сосуществование.

Именно фальшивая видимость мирного со-бытия разных сущностей лежала в основе идей Койраха, приведших к его падению и ужасному концу.

×āā īā īāī īī āāēāōīōāē Ēīēōāō

Что такое мирное сосуществование разных сущностей? «Как не бывают двое сходны лицом, так же не бывают сходны их мышление и характер» (Бемидбар Раба, 21:2). Природа человека такова, что люди отличаются друг от друга: у них различные облик, эмоциональный склад, разный уровень знаний и разные призвания. Различия, большие и малые, бесчисленны: именно они проводят границу между одним человеком и другим.

Часто эти различия порождают враждебность и служат причиной конфликтов, но в глубине души человека живет стремление к миру. Мы интуитивно чувствуем, что, несмотря на громадные различия между нами, состояние гармонии достижимо и желанно для всех.

Что же такое «мир»? Можем ли мы сказать, что «мир» – это забвение различий между отдельными людьми и целыми народами? Или «мир» подразумевает жизнь в обществе, где «существуют различия, но члены такого общества – равны»? И может быть, различия не выстраиваются в некую иерархию, где одни качества предпочтительнее других? Или «мир» – нечто третье?

Вдумаемся в суть конфликта Койраха и Моше. Поняв, что лежит в его основе, мы определим, где проходит черта, отделяющая истинное миролюбие от тяги к раздору.

Чего на самом деле хотел Койрах? Его требования к Моше и Аарону весьма противоречивы. С одной стороны, он ставил под сомнение институт священства, утверждая: «Ведь все общество, все святы, и среди них Б-г! Отчего же возноситеесь вы над собранием Б-га?!» (Бемидбар, 16:3). Однако из ответа Моше мы видим, что на самом деле Койрах хотел получить сан Первосвященника! («Мало вам того, что выделил вас Всесильный Израиля из общества Израиля и приблизил вас к Себе для совершения службы в шатре откровения Б-га, чтобы стоять перед обществом, чтобы служить за них <...> а вы просите еще и священнослужения?» (Бемидбар, 16:9,10).

Это противоречие отражено в мидрашах и комментариях, повествующих о мятеже Койраха. Значит, Койрах провозглашал себя поборником равенства, восставая против «классового разделения» членов общины Израиля (израилиты, левиты, священники и Первосвященник). И при этом заявлял, что именно он – наиболее достойный кандидат в Первосвященники!

А́тáу іááаи́ úа è áтáу çáи і úа

В повествовании Торы о шести днях творения рассказ о каждом дне завершается формулой: «И увидел Всесильный, что это хорошо». Но в рассказе о втором дне эта формула отсутствует: «сказал Всесильный: “Да будет пространство посреди воды и отделяет оно воду от воды”. И создал Всесильный пространство, и разделил между водою, которая под пространством, и между водою, которая над пространством; и стало так» (Брейшис, 1:6-7).

Мидраш дает этому объяснение: «Почему не сказано “и это хорошо” во второй день? Потому что в этот день творение заключалось в разделении: “и разделил между водою”».

При этом Мидраш подчеркивает, что на следующий день формула «и это хорошо» повторена дважды, ибо «работа вод», начатая во второй день, была завершена. Иными словами, произведенное на второй день разделение если и не представлялось благом, то лишь по той причине, что не было завершено. На третий день это разделение представляется благом, и о нем сказано: «и увидел Всесильный, что это хорошо» (Брейшис Раба, 4:8).

Мудрецы соотносят шесть дней творения с шестью тысячелетиями усилий и трудов человечества (см. Рамбан на Брейшис, 2:3: подобно тому, как шесть дней творения разрешаются седьмым днем, в который Б-г почил от произведения Своего, так 6000 лет усилий рода человеческого разрешатся в «дне вечной Субботы» – эре Мошиаха). Зная это, мы поймем аллюзию, заключенную в словах Мидраша: в третье тысячелетие в мир был привнесен элемент, разрешающий конфликты, порожденные разделением. Этот элемент – Тора, дарованная нам на Синае в 2448 году от сотворения мира.

Тора «была дана, чтобы принести в мироздание – мир» (Гитин, 59б; Рамбан, Законы Хануки, 4:14): примирить стремление к конфликтам в сердце человека, примирить людей, примирить народы, примирить творение и Творца.

Мидраш поясняет это качество Торы метафорой: «Когда-то жил царь, объявивший: “Римлянам запрещено сходить в Сирию, а сирийцам – восходить в Рим”. Подобно этому царю Б-г, сотворив мир, сказал: “Небеса – Г-споду”, а землю Он отдал сынам человеческим (Теилим, 115:16). Но когда Он пожелал дать Тору Израилю, то отменил свое первоначальное решение и объявил: “Нижние царства могут восходить к высшим, а высшие царства – нисходить к низшим”» (Мидраш Танхума, Возэйро, 15).

Этот раскол между мирами и первое решение, предопределившее раскол (заметим, в Мидраше использовано слово «гзейра», означающее одновременно и «решение», и «нечто отрезанное, отделенное»), были вызваны «разделением вод» во второй день творения и «пересмотрены» в ходе «третьего дня истории», когда было явлено Откровение на горе Синай. После Синая материальное и духовное перестали быть непримиримыми царствами: Б-г «сошел на гору Синай» (Шмойс, 19:20), а Моше «взошел к Б-гу»

(Шмойс, 24:1). Б-г снизошел, чтобы наделить мир Своей святостью, а человеку была дарована возможность приближаться к Б-гу.

Но Тора была явлена не для того, чтобы стереть различие между святым и профанным. И не для того, чтобы общество стало однородным, а различия между его членами стерлись. Вряд ли это можно было бы назвать «миром», как нельзя назвать гармоничной симфонию, написанную исключительно одной, многократно повторенной нотой.

Тора приносит мир, определяя для нас роли, основанные на различиях (мужчина и женщина, евреи и другие народы, израильтяне, левиты и козны, ученые и простые миряне), но каждая из ролей по-своему необходима для выполнения миссии, возложенной на человечество.

Когда речь идет об одной сущности или собрании одинаковых сущностей, можно говорить о единодушии, но не о гармонии. Известно, что Тора ассоциируется с числом «три». И если «единица» олицетворяет единственность, а «двойка» – разделение, то «тройка» выражает идею гармонии: если к двум различным сущностям прибавить еще одну, причастную им обеим и тем самым «снимающую» их противостояние, то две сущности оказываются различными, но гармонично сосуществующими элементами большого целого.

«Третий день» не отменяет разделения, совершенного накануне. Он вводит «третий», трансцендентный по отношению к противостоящим сущностям элемент, и с этого момента обе сущности служат ему. Это и есть внесение гармонии в противостояние, когда оно завершается и конфликт обращается во благо.

Àiá ðàç î Êîéðàðá

Если принять во внимание все вышесказанное, можно ли говорить о «высоком» и «низком» статусе в мире, сотворенном Всемогущим? Именно так рассуждал Койрах. Разве можно утверждать, что Первосвященник выше простого землепашца? Да, жизнь Первосвященника целиком посвящена духовному, в то время как «простые» израильтяне в основном заняты суетными повседневными делами. Но «с ними пребывает Б-г»: они также служат Всемогущему, и исполнение их роли в этой жизни не менее важно, чем исполнение Первосвященником своих обязанностей.

Койрах ведь не выступал против идеи разделения общины в соответствии с призыванием каждого и не утверждал, будто не существует различия между духовным и профанным. Именно духовный путь казался ему предпочтительнее, он желал сана Первосвященника, чтобы служить Всемогущему, отрешившись от земных дел. Койрах выступал лишь против того, как Моше разделил жизненные роли между членами общины.

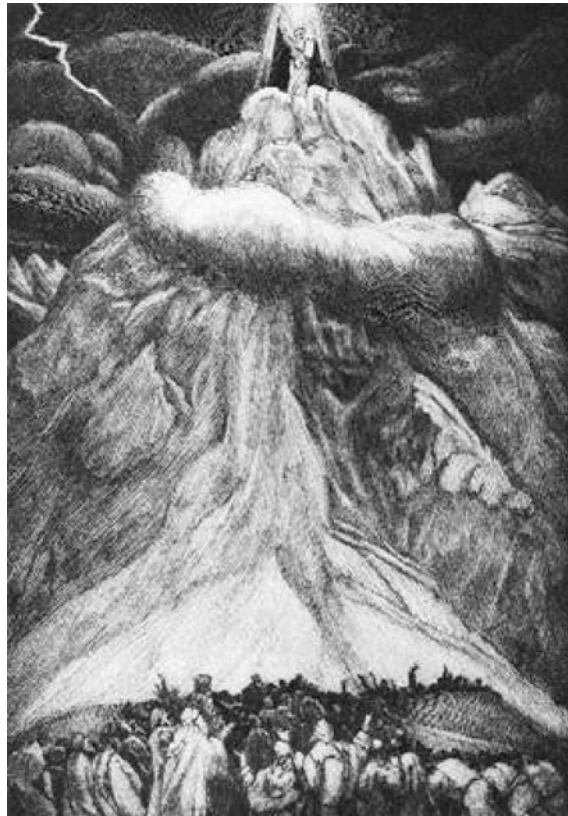
«Отчего возносите вы над собранием Б-га?» – спрашивал он Аарона и Моше. Откуда возникла эта «лестница» духовности, на которой Моше и Аарон стояли выше простого землепашца, обрабатывающего свой надел, и купца, погруженного в свои счета? Почему «простой» еврей должен видеть в Аароне того, кто олицетворяет весь народ и кто единственный наделен правом входить в Святая Святых и осуществлять связь евреев с Б-гом? Разве Б-г ближе небу, чем земле? Разве служить Б-гу, перешагнув рамки материальности, означает больше, чем преобразить эту материальность изнутри? Ведь именно в преображении тварного мира заключается миссия человека! «Дайте мне сан Первосвященника, – говорил Койрах, – и я избавлю этот сан от ореола “превосходства” и “власти”, которым наделили его Моше и Аарон. Ибо я утверждаю: и самый духовный, и самый приземленный образ жизни – это не более чем тропа к Всемогущему. Одна тропа отличается от другой, как один жизненный путь отличается от другого, – но все они ведут к Б-гу, служат исполнению Его замысла».

Казалось бы, этот подход ведет к реализации гармонии: все разнообразие отдельных элементов сливается в порыве к общей цели. Однако на самом деле такой подход оборачивается утверждением раздора, поскольку отвергает важнейший аспект представлений о мирном сосуществовании несхожих сущностей, которому учит нас Тора.

В мире, каким его видит Койрах, в условиях раздробленности каждая отдельная сущность обладает равным достоинством, и различные компоненты могут быть объединены служением высшему началу, – но между ними невозможно возникновение каких-либо уз и связей. Тропинки могут сходиться в одной точке, – но в «мире Койраха» эти тропинки разделены глухими стенами. Узы основаны на постоянном взаимодействии людей: каждый что-то дает другому, что-то получает от них, и нет предстояния людей друг другу. Когда узы отсутствуют, отдельность неизбежно оборачивается конфликтом и распадом.

Если мы еще раз вспомним притчу из Мидраша о римлянах и сирийцах, то поймем, где именно Койрах уклонился от сущности учения Торы. Различие между двумя царствами (материальным и духовным) не исчезает, оно пребывает вечно, однако обитателям этих царств дозволено пересекать границу и «навещать соседние земли». Путь из одного царства в другое открыт: значит, возможно движение и контакт между «подданными» двух царств. Римляне сходят в Сирию, а сирийцы восходят в Рим. Так же и небеса сходят на землю, а земля восходит на небо.

Тора учит: уровень духовности у каждого свой, и, соответственно, каждый занимает ту или иную ступень на духовной лестнице. Стоящие ниже в большей степени погружены в мирское и смотрят на тех, кто превосходит их в духовном отношении, снизу вверх. Стоящие выше снисходят к своим более косным братьям, чтобы вдохновить их и указать правильный путь в жизни. Земледелец дает часть от плодов своего труда кознам: в этом приношении он видит самое святое, что у него есть, к чему устремляются все его духовные усилия. В погруженном в изучение Торы мудреце свой идеал видит делец, ибо понимает, что сам он настолько погряз в земном, что Торе способен уделять лишь несколько минут в день.

Духовный лидер снисходит к опекаемой им общине, чтобы ее члены поднялись на ступеньку выше. Б-г говорит Аарону, что, кроме личного духовного служения Всемогущему, тот должен «зажигать светильники» (Бемидбар, 8:2). Под светильниками подразумеваются души людей, ибо сказано: «душа человека – светильник Господень» (Мишлей, 20:27).

И связано это не с тем, что наделенному большей духовностью отводится большая, по сравнению с его братьями, роль в планах Б-га. Напротив, Б-г сотворил этот мир, чтобы «обрести обитель в нижних», когда материальное будет преобразено и сможет радостно вместить Б-га (Мишлей Танхума, Носой, 16. См. также у рабби Шнеура-Залмана из Ляд: «Цель сотворения человека и нисхождения <его души> в этот мир: дабы были Ему жилищем именно в нижних» (Тания, гл. 37). В выполнении этой миссии центральная роль принадлежит именно тем, кто «погружен в дела мира сего», находясь на нижних ступенях духовной лестницы: они имеют дело с самыми нижними (теми, которые в наименьшей степени свидетельствуют о Б-ге) элементами мира и вовлекают их в служение Творцу.

Важно помнить: как только человек, погруженный в материальное, начинает чувствовать себя комфортно, как только он оставляет попытки преодолеть материальность, он утрачивает саму возможность возвышать материальное до духовного. И наоборот: ощущая себя на дне, но глядя ввысь, чувствуя свою вовлеченность в дела этого мира неким тягостным исполнением долга, человек может преобразить свое окружение и возвысить его.

Хотя Койрах отрицал «вертикальную» связь между духовным и материальным, сам он может служить примером пробуждения «тяги вверх». Желание Койраха добиться сана Первосвященника, его стремление подняться на верхнюю ступеньку духовной лестницы достаточно позитивно, поскольку это – стремление к более духовной жизни, нежели та, которую он вел. (Поэтому целый раздел Торы [главы с 16 по 18] назван именем Койраха: именем нераскаявшегося грешника. Мы должны помнить, что Койраха к его проступку подвигло стремление к более духовному бытию, само по себе положительное, и в этом смысле его порыв распространим и на наши жизни.)

Стремление Койраха как ничто другое может служить опровержением картины «разделенного» мира, которую он пытался навязать народу Израиля.

ÈÇÍ À×ÀÈÛÍ ÎÑÒÛ ÈΡΆΑÈ

*Àíÿééé, èòí Ìáèááááò òðáí ÿ Ìáðá-èññáí Ìúí è èá-áíòááí è, áíñòíèí áúòúá-èññá ò-áí èéíá
Ááðááí à, Ìí àíÿééé, èòí Ìáèááááò áððáí è òðáí ÿ èá-áíòááí è, Ìáðíáèòíÿ á-èññá ò-áí èéíá çèíáÿÿ
Áèèúáí à*

Ìíó-áí èÿ Ìòòíá 5: 22

Тора неоднократно подчеркивает, что Бильям противопоставит Аврааму, как зло противопоставит добру. Князя Моава пришли к Бильяму с просьбой, чтобы он проклял народ Израиля. «И встал Бильям поутру, и оседлал ослицу свою, и пошел с князьями Моава...» Раши в комментарии на этот стих пишет: «Отсюда <следует>, что ненависть нарушает заведенный порядок, так как он сам оседлал ослицу, а не слуги его. Сказал Святой, благословен Он: “Нечестивый! Их праотец Авраам давно опередил тебя в том, как сказано: “И встал Авраам рано утром, и оседлал осла своего” (Брейшис, 22:3). О Бильяме сказано “и поднялся утром”, об Аврааме сказано “и поднялся рано утром”. Авраам поднялся раньше, его порыв к добру опередил твой порыв ко злу».

Царь Шломо учил: «В день благой радуйся, а в день несчастья – узри: и то, и другое сделал Б-г» (Козлес, 7:14). Добро и зло сосуществуют во имя того, чтобы человек располагал свободой выбора, необходимой для исполнения своей жизненной миссии. Б-г сотворил реальность зла и реальность добра, зеркально отражающих друг друга: всякий благой элемент имеет соответствие в другом, сопряженном со злом. Если бы существовала некая благая сила или сущность, не подверженная порче и не уязвимая для зла, наш выбор между добром и злом был бы «асимметричен» и несвободен.

Ñááñòáí òèÿ è áèáèí Ìñòú

Однако своеобразное равенство между добром и злом существует лишь «на поверхности». В Мидраше сказано: «Горшечник не проверяет на прочность сосуда с трещиной, ибо достаточно единожды ударить по ним, чтобы они разбились; но хорошие сосуды он проверяет и обстукивает, ибо сколько ни стучи по ним, они не разобьются» (Брейшис Раба, 32:3). На уровне простого восприятия мы знаем, что должны выбирать между реальностью добра и реальностью зла. Также мы знаем, что силы добра и силы зла равны. Но стоит научиться прозревать за поверхностью явлений их суть, – иными словами, стоит проверить предстоящий выбор подобно тому, как горшечник проверяет свои сосуды, – и мы обнаружим: только добро реально и обладает субстанцией, а зло лишено субстанциональности и является лишь видимостью, мороком.

Тварная реальность была создана во имя добра, а зло существует, чтобы наши благие деяния являлись следствием морального выбора и имели смысл. Поэтому добро существует во имя себя самого, тогда как существование зла имеет вспомогательный характер и оправдано только существованием блага.

Зло не имеет собственного начала, оно является искаженным отражением блага, присущего миру. Если Бильям в ненависти мог нарушить заведенный порядок вещей, то лишь потому, что до него Авраам нарушил этот порядок своей любовью к Б-гу.

ÊÐÓÍ ÈÍ ÊÀ ÑÎËË

Êááá, ñíí Ðáéí ù, áááðéé: «Áááá ñééú ùí, éáé éáíáðá, éááéí, éáé íðáé, áúñòðúí, éáé áááéú é ì íáá-éí, éáé éáá - é òíáá òú ñ íáááú áúííéíéòú ááéð Íòðá òááá íá Íááááá». Á áúá íí áááðéé: áááéí òááòíááí áá, á òíò, éòí ñòúáéòíí, - áááò áá ñááú Ýááí á.

Í íó:áíéý íòðíá 5: 23,24

Сила леопарда в том, что он следует только порывам своей воли и ничего не боится. Будь подобен ему: делай то, что считаешь правильным, что бы ни говорили и ни думали окружающие. Но пусть своевольная наглость хищного зверя не станет чертой твоего характера. Всякому злу может найтись доброе применение, но, помня об этом, действуй осторожно. Рабби Иеуда, призывая нас быть «сильными, как леопард», осуждает тех, для кого дерзновение оборачивается дерзостью и наглостью. Достаточно крупинки соли, чтобы придать пище вкус.

ВО ИМЯ РЕАЛЬНОСТИ

Áá ááááò áíéý Ðááý, Á-áÁáááéúú úé íáé, ÷òíáú íòñòðíáí áúé Ððáí Ðáé áíéíðá, á íáéé áíé.

Í íó:áíéý íòðíá 5: 24

Мишна – чисто алохическое произведение: шестьдесят три ее трактата посвящены Закону и толкованиям Закона. Трактаты разделены по темам, образуя шесть групп. Предельно лаконичный, порой темный стиль Мишны отражает стремление в сжатой форме изложить максимум законов и правил, поэтому «удельный вес» каждого слова бесконечно увеличивается. (Заметим, сам акт письменной фиксации этих

законов был серьезнейшим отклонением от традиции, настаивавшей на устной передаче знаний от учителя к ученику. Поэтому Мишна, Гемора и раввинистические комментарии и кодексы к ним зовутся «Устной Торой» в отличие от «Письменной Торы» Моше, записанной под Б-жественную диктовку.) Способы вычленения законов из текста Мишны и их осмысления изложены в Геморе – пространным обсуждении Мишны. Даже те немногие пассажи, которые, на первый взгляд, затрагивают философские проблемы или сообщают какую-то «вспомогательную» информацию, при более внимательном анализе оказываются либо изложением закона, либо практической инструкцией.

«Поучения отцов» в этом отношении существенно отличаются от остальных шестидесяти двух трактатов: они посвящены не закону Торы как таковому, но тому, что стоит «за строкою закона». С другой стороны, «Поучения» написаны тем же лаконичным языком, и ни одно слово здесь не является случайным. И хотя многие из высказываний этого трактата описывают внутренний мир человека, связанный с его чувствами и мышлением и касающийся таких сущностей, как эмоции и характер, – тем не менее каждое высказывание «Поучений» является алохой, то есть предписанием к действию.

Это верно и в отношении слов, процитированных в качестве эпиграфа к этой главе. Казалось бы, перед нами молитвенный призыв ко Всемогущему: да ниспошлет Он Мошиаха. Однако почему этот призыв звучит после слов о том, что подобает быть «сильным, как леопард, легким, как орел, быстрым, как газель, и могучим, как лев, – и тогда ты сможешь выполнить волю Отца твоего на Небесах»? Дело в том, что рабби Иеуда бен Тейма наставляет нас, одновременно объясняя, какая истина лежит в основе веры евреев в Мошиаха и искупление.

Вера в Мошиаха предполагает не только убежденность в его приходе. Она предполагает ежедневное, ежечасное, ежеминутное ожидание его прихода. И что бы мы ни обсуждали, разговор может свернуть к теме Мошиаха: говоря о том, что следует всячески «торопиться» исполнить Б-жественную волю, мы акцентируем глубочайшее желание уже сейчас исполнить все заповеди. А ведь многие из заповедей могут быть исполнены только при условии, что евреи живут в Святой земле и в Иерусалиме стоит Храм. Именно поэтому в середине главы, посвященной алохе, из глубины сердца поднимается спонтанная мольба: «Да будет воля Твоя, Б-г Всесильный наш, чтобы отстроен был Храм Твой вскоре, в наши дни».

Imia imia

Тема Мошиаха и искупления составляет «сердцевину» нашей веры. Осознавая это, мы способны понять, почему постоянное ожидание немедленного прихода Мошиаха неотделимо от представлений об Искуплении, свойственных иудаизму.

В предисловии к одиннадцатой главе талмудического трактата Сангедрин Рамбам излагает тринадцать основных принципов нашей веры. Первые четыре принципа связаны с верой в Б-га: один лишь Б-г создавал, создает и будет создавать все сущее; Творец, Чье имя благословенно, единственен, и нигде нет единственности, подобной Ему; и только Он один – наш Б-г; Творец, Чье имя благословенно, бестелесен, и к Нему не относятся свойства материи, нет у Него никакого образа; Творец, Чье имя благословенно, Он первый и Он последний. Пятый принцип говорит о долге человека служить Б-гу и исполнить предназначение, ради которого он сотворен. Принципы с шестого по одиннадцатый говорят о связи Б-га с человеком: Б-г сообщил людям Свою волю; Тора, от первого до последнего слова, была дана Моше Бгом; Б-г ведает все дела и помыслы людей; Он добром воздает праведным и наказывает нечестивцев.

Последние два принципа относятся к эре Мошиаха: вера, что придет вождь, который обратит весь мир к служению Творцу, так что настанет мир во всем мире и мироздание наполнится Б-жественным совершенством. (Двенадцатый принцип говорит о вере в немедленный приход Мошиаха, несмотря на то что приход задерживается; тринадцатый принцип говорит о вере в воскрешение мертвых и наступлении эры Мошиаха.)

Что же мы имеем в виду, говоря о «принципах веры»? С одной стороны, человека можно назвать «верующим евреем», если он принимает вышеназванные тринадцать положений. С другой стороны – этих определений в Торе нет. Как пишет Рамбам, формулируя восьмой принцип веры: «... Тора, данная нам Моше, – из уст Всемогущего, то есть была сообщена ему Б-гом <...> И потому нет разницы между стихами “Сыны Хама: Куш, и Мицраим” (Брейшис, 10:6), “А имя жены его Мегейтавель” (Брейшис, 36:39), “Тимна же была наложницей” (Брейшис, 36:12), “Внимай и слушай, Израиль!” (Дворим, 27:9): все они из уст Всемогущего, все они – слова Торы Б-га, совершенные, чистые, святые и истинные <...> Мудрецы говорят: всякий, полагающий, что Тора – из уст Всемогущего, за исключением одного стиха, – еретик».

Поэтому «принципы веры» – это нечто большее, чем просто набор истин, в которые мы должны верить, – верить-то мы должны каждому слову Торы. Что касается тринадцати принципов веры, то их можно считать теми истинами, на которых покоится все остальное. Рамбам использовал для них слово «йесодос», что значит «основания». (Раздел, в котором говорится о принципах веры, Рамбам назвал «Илхос Йесодей а-Тора» («Законы оснований Торы»). Он писал свой комментарий к Мишне на арабском языке и авторизовал перевод на иврит, выполненный Шмуэлом-ибн-Тибоном. В ивритской версии в главе о тринадцати принципах веры также использовано слово «йесод».) Части некоего строения могут существовать отдельно друг от друга, но они не могут стоять без фундамента. Так же и каждый из тринадцати принципов веры является «основанием» Торы.

Иными словами, для верующего важно каждое слово Торы, но эти тринадцать принципов важны для самой веры. Рамбам, ссылаясь на мудрецов, говорит, что подвергающий сомнению Б-жественное происхождение хотя бы одного стиха в Торе – еретик. При этом человек, полагающий, что заповедь «не укради» не была дана Б-гом, а позднее «вставлена» в Тору людьми, вполне может верить в Б-жественное происхождение и истинность всего остального, сказанного в Торе. А вот без понимания истин, что Б-г существует, что Он Всемогущ, Он печется о деяниях людей, Он сообщил людям Тору, – рушится все здание нашей веры. Если убрать из иудаизма хотя бы одно из этих «оснований», все остальное теряет смысл.

Но почему вера в Мошиаха включена в число оснований иудаизма? О Мошиахе говорится в Торе (см. Дворим, гл. 30 и Бемидбар, гл. 24); множество упоминаний о нем находим у пророков. Но почему невозможно верить в Тору, не принимая грядущий совершенный мир?

Ī á á í á á á ñ ñ

Тора в мельчайших деталях указывает, как нам себя вести, регулирует нюансы поведения, довлеет буквально над каждым часом нашей жизни, описывая каждый аспект существования человека в мире. Требуется самоотверженный труд, строжайшая самодисциплина и предельная интеллектуальная, эмоциональная и духовная сосредоточенность, чтобы привести свою жизнь в соответствие с установлениями и идеалами Торы.

Возможны два отношения к тому видению жизни, которое представлено в Торе.

Можно утверждать, что уровень совершенства, заданный Торой, недостижим для большинства людей. С этой точки зрения, Тора – идеал, к которому надо стремиться: в ней явлено понимание Б-жественности мира, призванное служить ориентиром для несовершенного человека. Человек должен жаждать идеала, – утверждают сторонники этого подхода, – возможно, ему так и не удастся его достичь, но в попытке реализовать идеал человек все-таки станет лучше.

Другая точка зрения основана на утверждении Торы, что всякий может достичь праведной и гармоничной жизни. Тора – не абстрактный идеал, а практическое руководство, – своего рода чертеж, по которому мы должны строить здание нашей жизни.

Однако Тора не оставляет сомнений, какой из этих подходов правилен: «Ибо заповедь эта, которую я заповедую тебе сегодня, не загадочна она для тебя и не далека она. Не на небесах она <...> и не за морем она <...> Но очень близко к тебе слово это: в устах твоих оно и в сердце твоём, чтобы исполнять его» (Дворим, 30:11-14).

Ī ṯāḏāqōi āāāi ūā nēāānō āēy

Эти точки зрения отражают разные понимания сути Б-жественного творения. Если человек от рождения зол или зло отчасти присуще ему, то очевидно, каким путем он последует. Разве можно верить в его желание достичь праведности? И можно ли верить, что праведность в принципе достижима? Но тогда человечество, посвятившее себя добру, где каждый стремится к реализации цели, ради которой был сотворен, – это лишь мечта наивного оптимиста, совершенно утратившего контакт с «реальностью».

А если человек действительно верит в то, что мир изначально хорош и добр; что Б-г наделил свое творение способностью отражать присущее Ему абсолютное благо и совершенство? При таком взгляде наша жесткая реальность – это ненормальное состояние мира, а реальность, которая придет с наступлением эры Мошиаха, – наоборот, наиболее естественное состояние мира.

Поэтому отношение к приходу Мошиаха раскрывает отношение ко всему, написанному в Торе. Ведь что такое формулировки Торы: описание оторванной от жизни мечты или истинной природы творения? Если Тора – лишь теологическая утопия, у нас нет оснований надеяться, что жадность, зависть, ненависть в будущем исчезнут из нашего мира. Но если Тора отражает суть человека, мы можем верить не только в «грядущего» Мошиаха, но и в то, что мир мгновенно отзовется на его призыв и вернется к своему истинному состоянию.

Именно в этом кроется объяснение, почему вера в Мошиаха подразумевает не только «возможность» его прихода в отдаленном будущем, но и ожидание его прихода сейчас. Рамбам утверждает: «Двенадцатый принцип веры связан с эрой Мошиаха: не считать, что она наступит лишь когда-то в далеком будущем, – даже если Мошиах задерживается, следует ждать его». В Мишне Тора Рамбам говорит: «Тот, кто не верит в него, или тот, кто не ждет сейчас его прихода, отвергает не только пророков, но отвергает саму Тору» (Законы царей, 11:1).

Приход Мошиаха и Искупление, отнесенные куда-то в неопределенно далекое будущее, представляются куда менее реалистической перспективой (то есть менее соответствующей истинной природе вещей), чем реализация Искупления здесь и сейчас.

Ī deōīāā ēñōēī ū

Мы знаем, что человеку дарована свобода воли. Но выбор между добром и злом – это не выбор, какими нам быть (поскольку мы не можем изменить свою внутреннюю сущность), а выбор, как нам поступать. Наш выбор, на самом деле, либо дает выразиться в поступке некоей внутренней сущности, либо подавляет ее проявления.

В конце концов, истина все равно выйдет на свет. Поэтому, хотя человек в каждый отдельно взятый момент имеет выбор, но сама природа человека и Б-жественного творения требуют, чтобы мы желали достичь совершенства, ассоциирующегося с эрой Мошиаха.

Мошиах является залогом того, что истинная природа творения станет явной. Тогда откроется, что «зло» – это лишь видимость, оно не обладает собственной природой, а является искажением истинно благого творения. Человек способен будет избавиться от ненависти и невежества и исполнить роль, которая предназначена ему Б-гом и описана в Торе: преобразить этот мир так, что явлены будут мудрость, благо и совершенство Творца.

Мошиах – залог того, что Тора не утопия, а реальность.

ÈÑ×ÁÇĪ ÎĀĀĪ ÈĀ ĄĀĪ ÈŌĀ

ĄĀĪ èòŭŷ ĩāĭ ā āĭĭĭ ĩāōōàòŭ

Ī ū-āĭēŷ ūōōĭā 5: 25

Первый брак, о котором подробно рассказывает Тора, – союз Ицхака и Ривки (Брейшис, 24). Можно предположить, что именно в этой главе сказано о сути брачных отношений.

Обратим внимание на странность: два года перед бракосочетанием Ицхака с Ривкой будто «выпадают» из жизни Ицхака. Мы ничего о них не знаем, и складывается впечатление, что Ицхак куда-то исчез на это время.

Если внимательно прочесть повествование Торы о его жизни, возникает убежденность, что такое впечатление верно. Тора говорит, что Ицхаку было шестьдесят, когда родились его сыновья, близнецы Эйсав и Яков (Брейшис, 25:26). Мидраш уточняет, что Авраам, их дед, умер в день, когда им исполнилось тринадцать лет (Брейшис, 63:10; 63:12). Так как Авраам дожил до ста семидесяти пяти лет (Брейшис, 25:7), а сын его Ицхак родился, когда ему было сто (Брейшис, 21:5), Эйсав и Яков должны были родиться, когда Ицхак был не моложе шестидесяти двух лет. Задумаемся над этим противоречием: когда Ицхак был в возрасте шестидесяти лет, с момента его рождения прошло по меньшей мере шестьдесят два года! Или в расчеты вкралась ошибка, или два, а то и три года просто «выпали» из его жизни.

Одно из объяснений этой «неувязки», предлагаемое мудрецами, состоит в том, что три года до брака с Ривкой Ицхак провел в Эдемском саду. Он вел исключительно духовное существование, и эти три года не считаются частью его физической жизни (ср. «Семь благословений», читаемых под свадебным балдахином).

Другое объяснение: перед вступлением в брак необходимо прожить некий период, сосредоточившись на духовном поиске и почти не отвлекаясь на мирские дела.

«Í ààìçì í àéí í á» ñò ðí è ò àéüñò àí àá-í Ìñò è

На первый взгляд, брак – полная противоположность духовной сосредоточенности. Вступая в брак, человек все больше и больше погружается в суету мирских дел. Это период жизни, когда мы, в числе прочего, служим самому физическому из всех человеческих побуждений; также это период, когда мы вынуждены зарабатывать на жизнь, жертвуя ради этого стремлением к возвышенному.

Но вспомним: мудрецы называли брак «вторым рождением». В первом рождении душа «сходит» в тело и принимает физическое существование; во «втором рождении», при вступлении в брак, она еще глубже погружается в физическое бытие. Именно благодаря этому брак является «зоной реализации» того потенциала человека, который ближе всего к Б-жественному.

Традиционное благословение, произносимое над женихом и невестой, – да «построят они вечное здание» (из «Семи благословений», читаемых под свадебным балдахином). В браке супруги творят новую жизнь, способную сотворить следующую, и так – до бесконечности. В самой способности к приумножению, которой наделены люди, заключено нечто, способное свести с ума строгого логика: как конечное (то есть человек) может заключать в себе нечто, в потенциале бесконечное? На это мудрецы отвечали: «Трое соучаствуют в сотворении человека: Б-г, отец и мать» (Кидушин, 30б). Бесконечность – атрибут Б-га, и именно участие Б-га в сотворении каждой человеческой жизни делает конечное бесконечным. Б-г наделяет мужчину и женщину качеством, открытым навстречу бесконечности. В браке два конечных, смертных существа возводят здание, которое вечно.

Не случаен тот факт, что качество, максимально приближающее человека к Создателю, реализуется только через «погружение» в материальное: так же бесконечная природа Б-жественной силы с максимальной полнотой выражена в творении Б-гом материальной Вселенной.

Истинно бесконечное бытие не может быть ограничено определениями и параметрами: оно присутствует всюду, даже в самом конечном и телесном. Сотвори Б-г только духовные миры, Его бесконечные силы и могущество не получили бы должного выражения. Именно сотворение Им «нижних», конечных миров и Его «участие» в их бытии во всей полноте являют могущество Б-га. То же самое верно в отношении творящих способностей, данных человеку. Именно в силу своей Б-жественной бесконечной природы человек реализуется наиболее полно на путях максимального погружения в материальное.

Àóòí àí í á òñéí àé á

Человеку дарована свобода выбора. Поэтому, когда мужчина и женщина соединяют свои жизни, им дана возможность распорядиться Б-жественным даром бесконечности, потенциально присутствующей в их союзе. Они могут бесплодно растратить этот дар в отношениях, лишенных глубинного содержания, никогда не поднимающихся над материальной природой, но лишь замыкающих супругов в их телесной «самости». Но они могут приложить усилия и попытаться воздвигнуть «здание», которое намного ближе к вечности, чем его «биологическое основание». Они могут создать отношения, в которых доминируют отрешенность от себя и стремление давать другому. В жизни их дома и семьи может проявляться приверженность вневременным ценностям, дарованным Создателем.

В этом заключается урок истории об Ицхаке, который, прежде чем жениться, «выпал» на несколько лет из жизни материального мира. Чтобы человек подобающим образом «погрузился» в физический мир брака, он должен быть духовно готов к этому. Миссия человека – развивать и приумножать благо, заложенное в материальном мире. А это возможно только при условии, что человек должным образом подготовлен и вооружен силой духа, без которой его миссия обречена на провал.

ÁÁÄÖÀÒÈÉÁÒÈÁ ÊÀÊ ÐÓÁÁÆ

Ni yode' e'ad i'at i' de' i' a' u' o' u' y' e' i' e' f' i' e' p; i' e' o' i' o' i' a' i' e' q' o' a' o' u' i' i' a' a' i' y' o' e' e' a' o; e' n' i' t' e' i' y' o' u' c' a' i' i' a' i' e' n' o' d' e' i' a' a' o' a' o' e' e' a' o; e' q' o' a' o' u' i' o' a' e' i' a' i' - n' i' y' o' i' a' a' o' a' o' e' e' a' o. A' e' i' e' o' u' i' y' i' a' a' i' a' a' i' i' i' i' a' a' o' a' o' u' a' c' a' d' i' a' a' o' u' i' a' a' o' u' i' a' a' e' e' q' i' u' i' a' e' i' a' y' n' i' a' a' i' a' o' a' o' e' e' a' o.

I' t' o' a' i' e' y' i' o' o' i' a' 5: 25

Из этого поучения следует, что первые двадцать лет жизни человек сосредоточен на развитии личности: он обретает знания и мудрость, заботится о своем моральном и духовном росте. Двадцатилетие – рубеж, после которого человек обращается к миру, и на его плечи ложится груз житейских забот.

Поэтому Тора двадцатилетний возраст считает столь важным рубежом. Когда Всемогущий велел Моше пересчитать народ, вышедший из Египта, Он сказал: «Произведите исчисление всего общества сынов Израиля <...> от двадцати лет и старше, всех поступающих в войско в Израиле, их исчислите по ополчениям их» (Бемидбар, 1:2,3. Ср. слова рабана Гамлиэла в Поучениях отцов, 2:2: «Изучение Торы, которое сочетается с трудом – прекрасная вещь». Хотя в Талмуде говорится о людях, для которых изучение Торы – «единственное их занятие», все-таки подчеркивается, что жизнь, всецело сосредоточенная на духовном, – удел избранного меньшинства: «Мудрецы учили: написано “Соберешь ты хлеб твой”» (Дворим, 11:14). Чему сие научает нас? При том, что сказано: «Да не отходит эта книга Торы от уст твоих, и размышляй о ней днем и ночью» (Иеошуа, 1:8), я бы думал, что первый стих надо принимать буквально; он учит нас, «соберешь хлеб свой» – то есть ты должен также идти и путями этого мира. Таковы слова рабби Ишмаэла. Рабби Шимон бар Йохай говорил: Если человек пашет, когда приходит время пахать, сеет – когда время сеять, собирает урожай во время жатвы, молотит – когда приходит время молотить, и веет – когда время веять, что же станется с Торой? Но когда Израиль исполняет волю Всемогущего, работы одних делаются другими, – сказано же: «И встанут иноземцы и пасти будут овец ваших» (Ишайа, 61:5). Сказано Абаем: «Многие поступали по словам рабби Ишмаэла и преуспели; и поступали, как говорил рабби Шимон, и не преуспели» (Шабос, 356).

Тот, кто занят только духовным самосовершенствованием, не может рассчитывать на принадлежность к «войску Израиля». Чтобы исполнить свою миссию в этом мире, человеку необходим длительный период подготовки, когда кристаллизуется и развивается его личность, да и в дальнейшем ему нужны «островки времени», чтобы сосредоточиваться на развитии своего духовного «я». Но все-таки не в этом истинная цель жизни. Смысл периода жизни от рождения до двадцати лет и того времени в дальнейшем, которое человек уделяет саморазвитию, – достигнутое должно быть обращено на улучшение и освящение материального мира.

I' t' e' i' a' i' !

Это напоминание мы встречаем в первой главе книги «Дворим», когда Моше говорит, обращаясь к народу Израиля: «Б-г, Всесильный наш, говорил нам у Хорева так: “Полно вам жить у горы этой. Развернитесь и отправляйтесь в путь”» (Дворим, 1:6-7).

Гора, о которой идет речь, – это Синай, место самого важного события в истории человечества: здесь Б-г открыл Свою волю и мудрость людям.

Однако совершенствование личности человека – лишь предпосылка правильной жизни, а не цель. В своих достижениях мы должны видеть орудие, помогающее изменять к лучшему наших ближних и мир, в котором мы живем.

Как только народ Израиля услышал слова великого Б-жественного откровения, ему велено было отправиться в путь. «Полно вам! – сказано было народу Израиля. – Хватит наслаждаться духовными истинами. Развернитесь и идите в мир, – теперь он должен услышать слово, которое вы несете ему».

וְיָדָא עֵ אִי נְוֹאֲדִנְוֹאִי

דאאָע י אַעֶד אַאִדֶּע: «Eae aue, eoi epe: aao Oid daae ai nai te, aaino ae aao i i i a a <...> Epa e ae a a a a d i u ai o ca m a a o u, a a i a a d i n o u i d i n a a o e y a o e o d a q u i , i i e o : a o i y a a i i i e i a i e p , i i a d a e a p o a a i i o e a i o a o <...> Oid a a a o a i o a e e y i e a i a e p a e e i d i e o a o a e u i n o u i a n a a <...> Oid a a i c a e e : e a a o e a i c i i n e o a a i a a a i i m o a i d a i i u i ».

י יו: אֵי עַי יוֹדֵיָא 6: 1

Какую власть можно дать отдельному человеку или некоему социальному институту, чтобы это не привело к злоупотреблениям? Проблема разделения властей всегда была предметом горячей полемики. Особенно много спорили о взаимоотношениях религиозных институтов и государства: могут ли религиозные деятели исполнять властные и судебные функции и оказывать влияние на политику?

Для еврея, считающего Тору «чертежом», по которому Б-г сотворил мир, она определяет все стороны жизни и является высшим авторитетом. Но может ли человек, изучающий Тору, быть одновременно и политиком? Может ли учитель Закона на основании Писания устанавливать правила дорожного движения, определять налоговую политику государства, управлять экономикой и наказывать преступников?

Первая глава «Поучений отцов» говорит о передаче традиции и преемственности духовного лидерства – о людях, имевших высший авторитет в вопросах толкования Торы и передачи знаний следующим поколениям: «Моше получил Тору на Синае и передал ее Иеошуа, Иеошуа – старейшинам, старейшины – пророкам, а пророки передали ее мужам Великого Собрания <...> Шимон-праведник был одним из последних мудрецов Великого Собрания <...> Антигнос из Сохо получил традицию от Шимона-праведника <...> Йоси, сын Йозера из Цереда, и Йоси, сын Йоханана из Иерусалима, приняли традицию от них <...> Иеошуа, сын Перахии, и Ниттай из Арбеля получили традицию от них» (Поучения отцов, 1:1-6).

Если задуматься о роли этих лидеров, то ясно, что из поколения в поколение власть «дробится». Моше, кроме того, что был нашим наставником в Торе, также был царем, полководцем, судьей и «снабженцем» всего народа Израиля: о нем сказано, что «стал он в Йешуруне царем» (Дворим, 33:5), вел свой народ на битву (Дворим, 3), разрешал споры (Шмойс, 18) и обеспечивал Израиль пищей, водой и убежищем в течение сорока лет скитаний по Синайской пустыне (Шмойс, 15,16; Бемидбар, 11:11-13 и Бемидбар, 20:11; см. также Танаим, 9а).

Иеошуа – следующий после Моше в цепи передачи традиции – также был вероучителем и царем, духовным наставником и военным вождем. То же верно в отношении «старейшин», правивших после Иеошуа и царя Давида.

Однако в следующем поколении мы уже видим «раздробление» ролей и некоторое приближение к современной норме. Пророки были духовными вождями, а во власти царей находились

материальные аспекты жизни народа Израиля. Дальше, после эпохи Великого Собрания (IV в. до н.э.), происходит «разделение властей» внутри духовенства: в каждом поколении духовное лидерство было разделено между носии и ов бейс-дин.

Каков же идеал, предлагаемый Торой? Вся история человечества – это прелюдия к эре Мошиаха, которая должна увенчать шесть тысяч лет наших усилий, направленных на то, чтобы проступила изначально благая и совершенная природа Творения. Мир Мошиаха свободен от ненависти, зависти и страдания, наполнен мудростью, пребывает в гармонии со всей тварью и Творцом. Так какую модель лидерства предлагает Тора для этого совершенного мира? О Мошиахе – вожде, который будет провозвестником и правителем «эры полноты и совершенства», сказано, что он будет и наставником, и царем: ему будет принадлежать и духовное, и светское лидерство.

Значит, пример Моше – это пример идеального вождя. Моше воплотил самую суть лидерства: в нем реализовалось полнейшее самопожертвование и отсутствие эгоистичных интересов. В Торе о нем сказано: «Человек этот, Моше, был скромнейшим из всех людей, что на земле» (Бемидбар, 12:3). Под властью такого человека может осуществиться интеграция и гармония всех сфер общественной жизни, ибо порче подвержена не власть, но собственное «я» властителя. В последующих поколениях, когда вожди уже не могли соответствовать уровню, заданному Моше, – ибо не всегда могли противостоять эгоистическим устремлениям, – стало необходимо разделение властей.

Однако разделение жизни на «материальную» и «духовную» сферы, дробление на «мораль» и «политику» носит искусственный характер. Ведь жизнь – это единое усилие по преобразению мира в ту совершенную сущность, которая виделась Б-гу в творении и описана в Торе. А многочисленные «сферы» жизни – лишь грани единого прекрасного кристалла.

ДВА САПОГА — ПАРА

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

В пору Великой Отечественной войны, вопреки приказу, кое-кому удавалось ловить передачи немецкого радио на русском языке. Часа в два дня к нацистскому микрофону выходил «любимец московской публики, заслуженный артист республики Блюменталь-Тамарин». И звучала русская речь.

Мой интерес к «любимцу публики» объяснялся просто. До войны по дороге в школу я проходил мимо клуба «Рот-фронт», возведенного в пору господства кубизма. Он по соседству с развалюхами выглядел особенно нелепо. В клубе, так и не стяжав популярности, обосновался театрик, руководимый «любимцем московской публики...»

Скандалная слава пришла к нему в войну, когда «любимец», перебежав линию фронта и обретя поддержку Геббельса, дорвался до микрофона, намереваясь открывать глаза советскому воинству. Но время явно было упущено. Хотя даже в лучшие для себя дни противник зачастую агитировал невпопад: поздней осенью сорок первого призывал объявить Москву «открытым городом», дабы спасти столь им ценимые культурные ценности. Танков ему еще хватало, но уже давала себя знать нехватка мозговых извилин. Теперь и с танками обстояло неважно.

Паясничая перед микрофоном, Блюменталь-Тамарин сыпал убогими антисемитскими анекдотами. Но «любимец московской публики» зря ел немецкий хлеб. Потом геббельсовское ведомство прихлопнуло передачу, сам же «любимец» исчез. Если верить молве, он попал в руки партизан, положивших конец его творческой деятельности...

Не поручусь, что таков объективный закон, но давно наблюдаю за творчеством одного стихотворца. Он начинал виршами про «молодежь целинных земель, трудности и радости ее жизни» («Краткая литературная энциклопедия»), а потом, смекнув, что местечко, даже второстепенное, на поэтическом Олимпе не для него, подался в антисемиты.

Антисемитизм, взятый на вооружение оборотистым проходимцем, помогает ему строить и жить. Совершенно безбедно, между прочим. И к тому же, возглавлять журнал – не ахти какой, правда.

Обычно антисемиту присущи пороки, коими он наделяет евреев.

Блюменталь-Тамарин предал родину, когда над ней нависла смертельная опасность. Бывший же воспеватель целины дискредитирует страну, которая, благодаря его собратьям, вызывающим всеобщее презрение, не получает необходимой поддержки, дружеского внимания мировой общественности.

P.S. Заметка эта написана не только ради изобличения проходимцев-антисемитов, но и ради нарушения благостного настроения, царящего на страницах «Лехаима».

УРОК, ДАННЫЙ АЛМАЗАМИ

Симон Джекобсон

Ḥḥāāē-ḥēē Ḥḥāā īī āḥēdāāīīyī āī āōīōē īīēāēīā āīy īāī-īī ḥōīyē ō āāāē ḥāāā ēāēīāōā īdeāōḥōāy ē āēāḥēīāēyū āīā, ēōī īdeōīāēē īīāēāōīy ḥīēī. īāāāēī Ḥḥāā ḥōīyē ōāē -āīāī ē, īīōīī ō -ōī ēḥāē ēēē ē īāī ō īāēīī-āāī īē -āāāīē. Ḥāī īīīāā āēāāēē īīēō-ēōīī āēāāḥēīāīēā Ḥḥāā ēēē āīēīōāōū āī ḥāāō īī ēāēīī ō-ōī ēē-īīī ō āīīōīī, ēēāī ḥī āī īīī īūīḥ īāāyēēīī dāḥōēōū āēēī āī īī āāēī ḥḥ ḥāāā-ā

Однажды у Ребе спросили: откуда у него берутся силы простоять на ногах целый день – иногда по 6–8 часов подряд, и уделять внимание каждому, кто бы к нему ни пришел?

Ребе просиял улыбкой и ответил:

– Когда считаешь бриллианты, не устаешь.

Некий хасид как-то поинтересовался у знаменитого своей мудростью Ребе Рашаба:

– Почему вы всячески акцентируете добрые качества и ценность простых евреев? Разве же можно сравнивать этих невежественных людей с уважаемыми учеными или ставить их в один ряд с благочестивыми единоверцами нашими?

Зная о том, что этот хасид был торговцем бриллиантами, Ребе Рашаб, прежде чем ответить на вопрос, попросил показать ему несколько бриллиантов различной ценности.

И хасид выполнил его просьбу, правда, она удивила его. Однако же он знал, что за всеми словами великого мудреца-раввина обычно скрывался глубокий смысл.

Ребе Рашаб некоторое время рассматривал принесенные бриллианты, а потом взял один из них и воскликнул:

– Ах, какое чудо вот этот! И наверное, именно он – самый ценный из всех! Я угадал?

Хасид промолчал, – видимо, просто не захотел противоречить мнению столь уважаемого всеми мудрого раввина, хотя камень отнюдь не был самым ценным. Тем не менее, Ребе Рашаб продолжал настаивать на его утвердительном ответе:

– Скажи, угадал ли я? Да или нет?

Хасид, наконец, все же решился возразить:

– Нет, Ребе! Вы не угадали.

– Как же так? – продолжал настаивать на своем Рашаб. – Это невозможно! Он же такой красивый, такой большой и блестящий!

– Дело в том, – вынужден был пояснить хасид, – что только наметанный глаз может определить подлинную ценность алмаза. Неопытному же глазу невозможно оценить по достоинству ни ценности камня, ни степени огранки, ни точного веса драгоценности, как и меры чистоты кристалла и насыщенности его цвета.

Ребе Рашаб в ответ удовлетворенно улыбнулся и заключил спор такими словами:

– Дорогой друг мой, то же самое, и даже в большей степени, относится и к душам человеческим! На взгляд ценность той или иной души не определишь! Требуется большой опыт, чтобы усмотреть подлинную ценность души...

В обеих историях, казалось бы, уместно задать вопрос: если речь идет о душах людских, тогда при чем тут разговоры об алмазах, бриллиантах?

Дело, однако, в том, что каждое высказывание Ребе попадает в самую точку. Почему же он выбрал именно эту метафору – с алмазами? Видимо, чтобы попытаться наиболее ярко и доходчиво продемонстрировать, что Всемогущему ценна каждая человеческая душа?

Ответ станет ясен, если рассмотреть природу алмазов и процессы, используемые и в их добыче, и в производстве из них драгоценных камней – бриллиантов.

Алмазы так же стары, как сама Вселенная. Большинство алмазов находят глубоко в недрах земли. Их приходится извлекать из расплавившихся в далекой древности скальных пород алмазных месторождений, именуемых кимберлитовыми трубками. Для того, чтобы извлечь всего один алмаз, приходится переработать в среднем до 20 тонн кимберлитовой породы.

Необработанные алмазы и есть именно то, что остается после размельчения и удаления пустой породы, окружающей эти драгоценные кристаллы. Алмаз разрезают на части, распиливая или раскалывая вдоль имеющихся трещин, разломов, неровностей. Затем эти куски вставляют в держатель быстро вращающегося вала станка, – и драгоценный камень подвергается черновой огранке с помощью резца с алмазным наконечником.

После этого следует процесс «брутинга» – зачистки, когда камням придается округлая форма. В заключение этого процесса алмазы полируют, чтобы выявились все их грани. А затем камень вновь помещают в держатель и отсекают от него все лишнее – так происходит огранка. Делают это с помощью вращающегося диска, смазанного пастой, изготовленной из алмазной пыли и оливкового масла. Для шлифовки каждой грани драгоценного кристалла требуется точнейшим образом изменять положение камня в держателе.

Окончательный продукт обработки принимает вид блестящего кристалла – бриллианта, отражающего, преломляющего и рассеивающего свет. Большинство алмазов имеют форму многогранников,

которые в процессе шлифовки дробятся на еще большее количество граней. Наиболее популярна доныне так называемая «классическая бриллиантовая огранка», насчитывающая 58 граней.

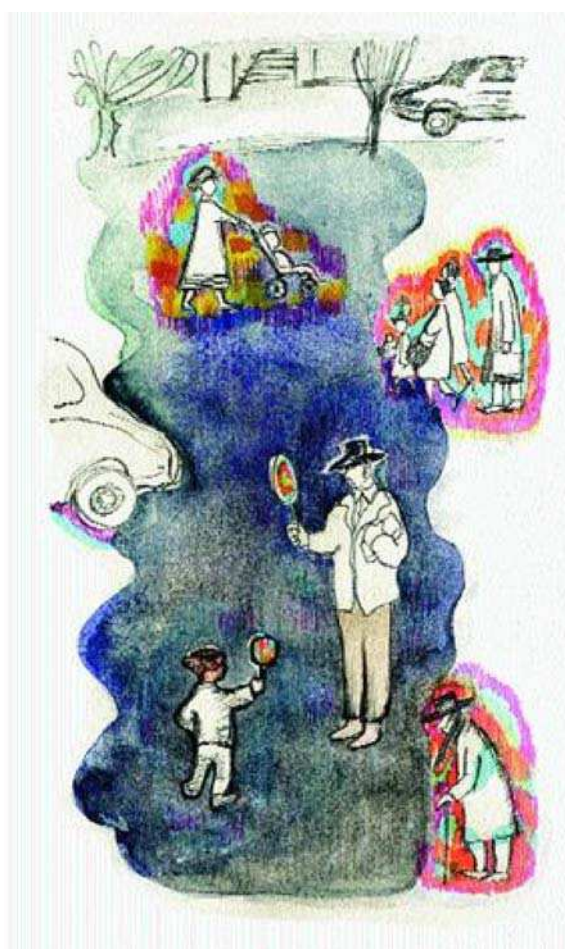
Ценность бриллианта определяется четырьмя показателями: вес (в каратах), цвет, чистота и огранка.

К уникальным свойствам этих редких и драгоценных камней относится то, что алмаз – самое твердое из всех известных природных веществ. Поэтому его можно резать только другим алмазом и шлифовать лишь алмазной пылью.

Греческое название алмаза – «адамас», что значит «непобедимый». Бриллианты славятся своим блеском и игрой света в преломлении граней.

– Каждое явление в жизни чему-то учит нас, – говорит рабби Баал-Шем-Тов.

Чему же учит нас алмаз?

Проводя аналогию с алмазом, чтобы охарактеризовать ценность для мира любого мужчины, женщины или ребенка, Ребе говорит: каковы бы ни были внешние обстоятельства, каждый человек – подлинный алмаз, а это – самая твердая из существующих субстанций. У каждого из нас есть Б-жественная нешома – чистая душа. И, несмотря на поведение или на внешность человека, нешома каждого остается и незамутненной, и непобедимой.

Однако Г-сподь хочет, чтобы каждая чистая нешома сошла в наш материальный мир и продемонстрировала здесь свою силу, проявила собственное достоинство, и осветила Вселенную. Он – Всесильный – вырвал каждую душу из ее естественной духовной среды обитания и поместил каждый алмаз-нешому в твердую породу грубого материального мира. И при этом каждую душу окутал многими слоями породы, зачастую скрывающими огонь, блеск и даже самое существование души.

Вот так же наша поглощенность борьбой за существование в материальном мире мешает нам понять духовную сущность, скрытую внутри нас.

Вспомним: чтобы добыть лишь один алмаз, приходится переработать более 20 тонн кимберлитовой породы. Так и в жизни – большая часть нашего времени отдана работе, сну, еде, заботам о насущных нуждах, развлечениям. Неудивительно, что наши неопытные глаза среди окружающих порой не замечают, не видят «алмазов» – людей, чистых душой.

Однако опытный глаз «различает алмазы» – чистые души в других людях. Ребе – самый блестящий алмаз из всех: его самоотверженная личность поистине была прозрачным каналом связи Всевышнего с людьми и выражением Б-жественного начала в человеке. Он видел подлинную ценность людских душ даже тогда, когда она, как алмаз, была сокрыта за толстым слоем породы.

Для того, чтобы алмазы служили целям человека, нужно суметь месторождения их разведать, а затем добыть драгоценные кристаллы, огранить и отшлифовать.

Такая же миссия в отношении душ окружающих людей возложена и на каждого из нас.

Первый шаг к цели – осознать, что в твердой породе скрыт драгоценный алмаз. Нужно опознать каждую нешому-алмаз и посредством проявления безусловной любви к ней выявить ее наличие.

Второй шаг – добыть алмаз из недр и огранить его: очистить от всего внешнего и выявить поистине драгоценный камень. А для того, чтобы обнаружить в грубой породе алмаз, требуется «битул» – надо отщепить от него все внешнее. То есть очистить душу от дурных привычек, отстранить от нее все неуместное, выявить алмаз и сделать его доступным глазу. Одни «камни» требуется распилить, другие – огранить лишь чуточку...

Потом их необходимо «отшлифовать» – с помощью Торы и мицвойс. И с каждой новой мицвой засияет новая грань души. В конце концов, перед нами окажется сияющий бриллиант – душа, которая украсит окружающий мир. Душа каждого человека – тоже алмаз, обладающий своими уникальными личностными качествами, своей собственной «шхиной».

Гематрия – сумма численного значения еврейских букв в слове «шхина» – равна 58. Иначе говоря, это – как мы убеждаемся – полностью тождественно настоящей 58-гранной «алмазной огранке». И «алмаз» нешомы-души по своим особенностям – величине (каратам), чистоте, цвету и огранке – должен соответственно и оцениваться. А именно – душам следует давать оценку только на основании их индивидуальных качеств.

При огранке каждого камня требуется проявлять величайшую чуткость, чтобы найти самую красивую огранку, наиболее подходящую для него. Так следует поступать и по отношению к душе каждого человека, ибо в той или иной степени, но в этом мире все мы – гранильщики алмазов...

Ребе, будучи «мастером огранки», обучает нас всем секретам этого искусства. Подобно тому, как алмаз можно резать только алмазом, так и душу человеческую может формировать только другая душа. Никакие машины, никакие могущественные силы не в состоянии выполнить эту задачу. Возьмите самое твердое тело, примените самое сильное материальное воздействие, – и вы сумеете разрезать и придать форму любому куску вещества, но только не алмазу!

Физическое тело, однако, не может коснуться неосязаемого неземного духа. И лишь душа – пусть даже это лишь невидимое, неосязаемое «нечто» – может не просто коснуться другой души, но и более того – благотворно воздействовать на нее.

«Когда считаешь бриллианты, не устаешь»... Это мудрое изречение Ребе было высказано им именно по данному поводу. Притом, Ребе не просто убеждает нас в том, что каждый человек – это алмаз, бриллиант. Он также еще и объясняет, почему мы должны быть терпеливы: ибо мы обязаны неустанно трудиться над огранкой и шлифовкой душ тех, кто рядом. Действительно – ведь бриллиант души сможет проявиться только в результате нашей настойчивости...

Ребе объясняет нам также, в чем заключается наша миссия в этом мире. Мы должны понять, что все люди – алмазы, и мы обязаны помочь каждому реализовать свой драгоценный потенциал. Должны

добыть алмаз из кимберлитовой трубки, огранить и отшлифовать его, выявив таящийся внутри блеск. А значит – дать возможность выявиться внутреннему богатству личности каждого мужчины, женщины, ребенка, – и тем самым удастся обогатить наш мир.

Почему Г-сподь создал алмазы? Может быть, Всемогущий задался целью: посредством алмазов, способных стать бриллиантами, Он явил нам пример того, как ценна и дорога душа всякого человека? Та самая – невидимая и неосязаемая – душа, которая, подобно алмазу, до поры до времени «сокрыта в недрах».

Но Он доказал нам и неоспоримую истину: душа человеческая, будучи освобождена от всех наслоений, способна воспрянуть – и явиться в мир. И вот тогда она засияет небывалым блеском и огнем, обогащая поистине весь мир вокруг нас.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ИЮЛЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

РАВВИН БЕРЛ ЛАЗАР ПРИНИМАЕТ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С «КРУГЛОЙ» ДАТОЙ

31 мая в Московском еврейском общинном центре в Марьиной роще состоялся торжественный вечер, посвященный сорокалетию главного раввина России Берла Лазара.

Поздравить юбиляра приехали представители властей, видные деятели науки и культуры, религиозные лидеры традиционных конфессий России, еврейские лидеры, а также послы и почетные гости из зарубежных стран. На вечер прибыли около 800 гостей.

Президент Российской Федерации Владимир Путин направил раввину Берлу Лазару поздравительную телеграмму. В телеграмме раввин Лазар характеризуется как «авторитетный духовный лидер и общественный деятель», который «вносит значительный вклад в развитие религиозной и культурной жизни еврейской общины России, в осуществление просветительских и образовательных программ». Президент Путин особо подчеркнул важность работы раввина Лазара по укреплению межконфессионального диалога, гражданского мира и согласия в стране.

В поздравлении помощника Президента Российской Федерации Виктора Иванова было сказано, что, занимая ответственный пост главного раввина России, Берл Лазар вносит «большой личный вклад в развитие и укрепление межэтнических и межконфессиональных связей, утверждение гуманистических ценностей в обществе, углубление взаимопонимания и согласия между народами Российской Федерации».

Поздравление главному раввину России прислал также президент Республики Башкортостан Муртаза Рахимов. «Ваша плодотворная деятельность на посту главного раввина Российской Федерации, – говорится в нем, – способствует идущим в стране благотворным процессам по укреплению духовно-нравственных устоев и возрождению многовековой традиции, гармонизации межнациональных отношений. Отраднo, что иудаизм... и иудейская культура вносят свой вклад в сохранение нравственных основ российского общества, упрочение гражданского мира и согласия».

Губернатор Чукотки Роман Абрамович в своей поздравительной телеграмме отметил: «Отдавая всего себя избранному делу, раввин Лазар внес огромный вклад в возрождение еврейских традиций в России, в возвращение евреев к их духовным истокам».

Поздравления также прислали губернатор Липецкой области Олег Королев, губернатор Вологодской области Вячеслав Позгалев, глава администрации Агинского Бурятского автономного округа Баир Жамсуев, многие другие политические и общественные деятели.

Телеграммы приходили и из «дальнего зарубежья», что свидетельствует о высоком международном авторитете духовного лидера евреев России. Так, председатель Еврокомиссии Романо Проди в своем поздравлении вспоминал встречи и беседы с раввином Лазаром на различных международных форумах, которые помогли ему лучше понять современные процессы в Российской Федерации. А министр по делам Иерусалима и диаспоры в правительстве Израиля в своем письме подчеркнул, что Берл Лазар играет центральную роль в «великом процессе возрождения евреев, гордых своим еврейством». «Ваш пост главного раввина России требует не только глубоких познаний в Торе, но и больших дипломатических способностей. Ведь именно Вы представляете общину евреев России в переговорах с властями, Вы разрешаете проблемы и разногласия, и – что, возможно, самое главное – Вы проявляете заботу о каждой семье, о каждом члене общины. И эту столь сложную функцию Вы исполняете талантливо и с успехом», – подчеркнул Натан Щаранский.

Желающих поздравить главного раввина России лично оказалось так много, что к юбилею выстроилась длинная очередь, которая в течение часа не убывала, а лишь пополнялась вновь прибывавшими гостями. Ожидавший своей очереди вручить подарок известный адвокат Александр Добровинский держал в руках большую цветную коробку и всем сообщал по секрету, что вот-де она, пресловутая «коробка из-под

ксерокса», с «черным налом». На самом деле в коробке оказалось нечто куда более ценное – древние еврейские молитвенники и Тора.

Духовному лидеру российских евреев дарили в основном антикварные издания еврейских книг, а также картины с изображением синагог и портреты еврейских мудрецов. Правда, были и более «неординарные» подарки. Например, представитель еврейской общины Махачкалы торжественно вручил раввину... саблю! А владелец компании «Акрон» Вячеслав Кантор успешно соединил русскую и еврейскую традиции и подарил матрешку, изображающую Берла Лазара, внутри которой было еще 10 матрешек, каждая из которых символизировала одну из Десяти заповедей.

Выступая на торжественном вечере в МЕОЦ, посол Израиля Аркади Мил-Ман особо подчеркнул, что «за всю свою историю еврейская жизнь в России никогда не знала такого расцвета, как сейчас», и добавил, что одна из главных ролей в этом процессе принадлежит раввину Лазару. «Он заботится о каждом человеке, о каждом ребенке, о каждом детском доме», подчеркнул президент Федерации еврейских общин СНГ, известный предприниматель и филантроп Леви Леваев, и заметил, бросив взгляд на галерею подарков, что надо было бы подарить Берлу Лазару в день его сорокалетия «еще 40 детских домов, школ и других учреждений» – вот это было бы для него лучшим подарком.

Праздничный концерт, состоявшийся в зале синагоги, на втором этаже общинного центра, открыл Юрий Башмет, исполнивший на альте мелодию еврейской молитвы. Разумеется, присутствовал и непременный участник всех еврейских торжеств в России замечательный хор Турецкого. Но еврейской тематикой праздничный концерт не ограничился: знаменитый джазист Игорь Бутман исполнял на саксофоне

джазовые вариации, Зураб Соткилава исполнял оперные арии. Александр Розенбаум «забыл» на время, что он теперь депутат Государственной думы от «Единой России», взял в руки гитару и исполнил несколько песен, принесших ему всенародную славу еще в советские времена. Артист Роман Карцев вспомнил несколько одесских историй, «поскольку одесситов в зале много». А главным сюрпризом для главного раввина России в этот вечер стал специальный выпуск «Ералаша», посвященный жизни самого юбиляра. Спецвыпуск, не лишенный вольных шуток, вроде «совсем не иудеев», падающих ниц с криком «Лазар акбар!», был придуман известными сатириками Аркадием Ининым и Борисом Грачевским. И сделан на средства бизнесмена Юрия Глоцера.

Разъехались гости уже полночь, и каждый, даже если пришел на юбилей без подарка, уносил с собой маленький подарок от юбиляра – книгу «Теилим» и мезузу.

ААІ

Оіоі Н. Наае-а

Отвечая на вопросы корреспондента АЕН, новый глава Координационного совета ВКРЕ Михаил Шнеерсон рассказал о себе и своей семье.

«В αυτάρεε έεαγγίτεί, 32 πάρ αεάσ ά Έρδαεέα Ο ίαπ η ί ίαε άοίθηε ααίτε, εράρδιυί «άρεοίθη ίίίτε», ίίίτε Έρείτε, ίά άαρεό ηαί αη άαοάε. Όδε πάρ ίαράά ί ύ οαί-αδεεε άααί-εό ί αου έίοίθηε οί αδεά ίο δαέα Α ΝΝΝβ γ ίοίρεεεε ά αηί εε, ά Έρδαεέα ίοίεαε άτείο Νοαίτα άίγ έ άτείο 1982 πάρ ά Έεαίά Όαεά 10 έαδ ηαίαηόααο ίαοά έίίίαίεγ «Άτεοίθ ίίίά», γ γαεγηίηί άά ίοθαεάί οίί. ίίά ίαυαείγαδ ίείεί 300 ούηγ-επαεε ες 23 ηόδαί. ί ύ η ααίτε ί ίίά αραεί ίί ί εδά δααί οααί η άτείηεεί έ αάεοίθηεγί ε. ×οί αυά ηεαράου ί ηαά? Β έπαεη ηαίη ααίά ηαίεθ άαοάε, ηαίη δααί οά Έπαεη Έρδαεεύ».

Άγαργ ί ίαηηαεοεααθ ηαίε δααί ου, ί εθαεε Οίααηί ίίά-αδείσε ίααοίταεί ηηου ίαυαείεου άηά δυηηέγυί-ίίά ααδαεηόαί αεαηί ούί. «ί ύ η ααίτε δααί οααί ά ί ίίεθ ηόδαί αό ί εδά ε ρίααί, ×οί ίαηηά ααδαά «ίίοαγγεαηί». ί ύ οί οεί ααθί ου γοεί έπαγί ×οηόαί ηαηόααί ίίά άηηοίείηόαά ί έείί, ×οί άυ ίίε αυεε αεαηίίεό-ί ύ έ ά έπαίε οί-εα ραί ίίά οαδα ×οηόαί αεε ηαγ έπαυ έ η άτείηεεί αεεαί». «Άείταεύ υό οαί γ ίίεά ίά εαηηηίηύ - ηεαράε ίί ά ρεεη-αίεά - γοεί ίααί ραίεί αουγύ άηάδα, ηηααί ίί ίοίεαί αί ε άί οεηαί εοεϋά ε οάδδίδα, έίοίθηά άρεαί ύ αοίταεου ά ηόαδ άτείαίεγ Έίίάηηηά, η οαί ×οί άυ ί ύ ίίεε αεεγού ίά έπαεε, αεεη-αγ δαείταεοαεε άηηααηόα».

ί εθαεε Οίααηί: «ί άαοίταεί ί ίαυαείεου άηά δυηηέγυί-ίίά ααδαεηόαί αεαηί ούί».

**ἸΑΑΝἸΑ ΧΕΟΥ ΝΑΤΑΤΑΟ ΑΑΔΙΕΝἸ ΙΑΑΑΑΙ ΕΒ
Ε ΝἸ ΟΒΑΙ ΕΟΥ ΑΟΟἸΑΙ ὙΑ ΑἸ ΑΑΟΝΘΑΑ**

**И ерѣу аааііе дааеі Діііе Ааде Еаааі іісааае іаодеааа І ііеіаіа е аау Дііе
Аааеу II н 75-еаоаі е 14-е ааіаіеііе еіодііеаоае.**

«Ваше многолетнее служение как предстоятеля Русской православной церкви, а также Ваше личное участие в поддержании общественного мира и духовно-нравственного роста общества поистине неоценимы и снискали Вам заслуженное признание и любовь среди многих людей», – говорится в послании раввина Берла Лазара.

Главный раввин России подчеркнул, что патриарх Алексий возглавил церковь в то время, когда «многонациональный народ России только обретал свободу вероисповедания после десятилетий правления воинствующих безбожников».

«Перед страной стояла сложнейшая задача, – отметил р. Берл Лазар, – в кратчайшие исторические сроки вернуть народу веру и духовность, не допустив при этом появления религиозной нетерпимости и сектантского фанатизма; обеспечить полную свободу вероисповедания, сохранив при этом духовные богатства, накопленные традиционными религиями и защитив души людей от наступления расплодившихся тоталитарных сект.

И если России удалось в целом успешно продвинуться по этому пути - это в огромной степени Ваша заслуга как предстоятеля Русской православной церкви в ключевой момент духовного освобождения страны и народа».

Пожелав, чтобы Б-г ниспослал патриарху крепкое здоровье и помощь во всех делах и начинаниях, главный раввин России выразил надежду на продолжение и укрепление взаимоотношений с главой Русской православной церкви.

Εἰ ὉΑΔΟΑΕἸ

себя одной большой семьей... Праздник, который мы отмечаем, связан с Кабалой. Сегодня годовщина смерти рабби Шимона бар Йохая, автора первой кабалистической книги – “Зоар”. Можно долго говорить о нем и о его книге, но главное вот в чем: по-настоящему отпраздновать этот день – значит, постараться побольше узнать о еврейских традициях, религии, истории».

«Сегодняшний праздник – один из самых светлых, – отметил в своем выступлении раввин Ури Спасский. – Написано: когда праведник покидает этот мир, он как бы пробивает завесу между этим миром и тем светом, который идет от Всевышнего. В день смерти рабби Шимона бар Йохая свет пришел в наш мир, поэтому мы зажигаем костры».

Главный раввин России зажег огромный праздничный костер. Потом был фейерверк. Начался праздничный концерт, и даже неожиданный дождь не смог погасить веселье и радость, которые сопровождали весь праздник.

В тот же день в московской школе «Ахей Тмимим» ребята собрались на праздничный утренник. Программу открыли фокусники, сумевшие с первой же минуты заинтриговать зрителей. Затем прошли спортивные соревнования – как серьезные, так и шуточные. Выступила школьная рок-группа. Рассказ о традициях, символике и исторических событиях, связанных с этим днем, подготовил преподаватель школы Зеев Гут. Были отмечены и награждены ребята, проявившие себя в школьной жизни и, в первую очередь, в учебе. Веселье завершилось праздничной трапезой.

 В день Лаг ба-омер два полных автобуса с членами еврейской общины Калининграда отправились за город. Поскольку еврейский праздник в этом году совпал с Днем Победы, община прежде всего посетила памятник евреям, убитым нацистами в 1945 году, в городе Янтарном, бывшем Пальмикене. У памятника состоялся митинг, на котором выступил главный раввин Калининграда Довид Шведик, узники гетто, активисты общины. На торжественной церемонии присутствовали жители Янтарного разных национальностей. Были зажжены свечи, прочитана поминальная молитва.

После митинга автобусы проехали к живописной поляне, где участники поездки собрали ветки и развели костер. Раввин Довид Шведик рассказал об истории и обычаях праздника Лаг ба-омер. Состоялись соревнования по стрельбе из лука. Собравшиеся играли в мяч, пели еврейские и военные песни, танцевали.

Около полусотни родителей вместе с детьми – воспитанниками еврейского детского сада и учащимися средней школы «Ор Авнер» города Брянска участвовали в играх и состязались в стрельбе из лука на меткость и дальность. Жгли костры и готовили шашлыки. В организации детских игр и конкурсов помогала актриса ТЮЗа Вероника Виницкая.

А в Костроме 9 мая отмечали не только День Победы и праздник Лаг ба-омер, но и день рождения рабанит, и проводы в Израиль одного из видных активистов еврейской общины Ури Боброва.

В еврейской общеобразовательной гимназии «Ор Авнер» Екатеринбурга на праздник собралось более семисот человек. Дети, родители, педагоги прошли парадом по улице с плакатами и транспарантами. А потом во дворе гимназии закипело веселье. Дети – от самых маленьких до старшеклассников приняли участие в конкурсах и веселых играх. С праздником Лаг ба-омер собравшихся поздравили главный раввин Екатеринбурга и Свердловской области Зелиг Ашкенази, председатель городской еврейской общины Яков Соскин, директор гимназии «Ор Авнер» Эльвира Бабич. Во дворе гимназии был разведен костер, и все собравшиеся угощались вкусными кошерными шашлыками.

Лаг ба-омер – весенний праздник, который на теплой земле Израиля положено праздновать на природе. В результате рассеяния евреи оказались в разных климатических зонах. Но и в суровых природных условиях евреи, всерьез относящиеся к своей истории и традициям, стараются быть не хуже своих собратьев из теплых краев. Вот и в этом году еврейская община Магадана отметила Лаг ба-омер выездом на природу. На заснеженном берегу Охотского моря нашли поляну, где можно было расположиться на сухой прошлогодней траве, разжечь костер и приготовить горячую еду. Дети тоже не скучали. Они с

удовольствием осваивали туристские и альпинистские навыки для будущих летних походов – поднимались и спускались по склонам с использованием веревки и даже лазили по прибрежным скалам при надежной страховке. Надо ли говорить, что все остались довольны!

На Украине Лаг ба-омер традиционно проходит с особым весельем и размахом.

В Донецке он начался с большого костра, зажженного в память о мудреце Шимоне бар Йохае. Члены еврейской общины, учащиеся ешивы «Ктана» и ешивы «Томхей Тмимим – Любавич», а также ученицы махона вместе с главным раввином Донбасса Пинхасом Вишецким, ребецн Диной Вишецкой и председателем религиозной общины иудеев Иегудой Келерманом, отправились в лес.

«Этот большой костер мы зажигаем, потому что так просил нас рабби Шимон бар Йохай, – сказал раввин Пинхас Вишецкий. – Пусть пламя осветит наши души и наполнит их мудростью Торы». Он взял большой факел и зажег костер. Танцы около костра, песни, прославляющие рабби Шимона бар Йохая, завершили праздничную ночь, которая была только прологом к главному действию – большому праздничному параду.

К зданию универмага, расположенного в центре Донецка, со всех концов города стали собираться евреи. Было очень много детей. Это были ребята из еврейского детского сада «Ган Менахем», ученики еврейской общеобразовательной школы «Ор Менахем», воспитанники ешивы «Ктана» и махона для девушек. Ветераны Великой Отечественной войны выделялись своими орденами и медалями. Среди участников парада была и группа членов общины «Сыновья Ноя», впервые приглашенная руководством донецкой еврейской общины. Движение по одному из центральных проспектов города, ведущему к синагоге, было остановлено.

Впереди колонны с большим плакатом, посвященным празднику Лаг ба-омер, шли ученики ешивы «Ктана». За ними – ветераны под руководством председателя Совета ветеранов Великой Отечественной войны Александра Наумовича Мнускина и почетного члена Совета ветеранов раввина Пинхаса Вишецкого. Колонна растянулась на сотни метров. В руках детей и взрослых были плакаты с призывами к исполнению заповедей Торы. Второй большой транспарант, высоко подняв на шестах, несли студенты ешивы «Томхей Тмимим – Любавич». Парад начался под музыку «Ам Исраэль хай» в исполнении духового оркестра. Затем был исполнен марш «Этот День Победы», а после него – мелодия «Ани маамин» и другие хасидские песни.

Торжественная церемония в донецкой синагоге началась с «Марша Победы». Ветеранов Великой Отечественной войны приветствовали бурными аплодисментами. Ведущая праздника, учитель общеобразовательной еврейской школы Иеудит Вирина повела разговор о празднике Лаг ба-омер, его истории и традициях. Она задавала вопросы сидящим в зале детям, а они, отвечая, рассказывали о празднике всем гостям.

С приветственным словом к собравшимся обратился председатель Совета донецкой группы ветеранов Великой Отечественной войны А.Н. Мнускин. Всех членов еврейской общины приветствовал раввин Пинхас Вишецкий. Он отметил огромную роль ветеранов в сохранении и возрождении еврейской жизни и пожелал им здоровья. Он сказал также, что это замечательно – праздновать в один день праздник Лаг ба-омер, освященный тысячелетней еврейской традицией, и праздник нового времени – День Победы.

Затем была проведена лотерея. Для детей было множество ценных призов, в том числе фотоаппараты, роликовые коньки, книги по иудаизму и, наконец, большой двухколесный велосипед.

Праздник на этом не завершился. Молодежь отправилась загород, чтобы разжечь большой костер и провести соревнования по стрельбе из лука.

Несмотря на мелкий моросящий дождь уже к полудню у еврейской школы Чернигова собралась шумная, пестрая толпа школьников и их родителей. Состоялся парад. За парадом пришло время праздничного концерта. Ребята из детского сада и начальной школы прочитали 12 Псуким, учащиеся средней и старшей школы показали сценку из жизни рабби Акивы, а президент школы, девятиклассник Паша Гиргилевич рассказал о традициях и истории праздника. Но особенно всем понравилась викторина, в ней приняли участие три семейные команды. И, конечно, праздничная лотерея с призами.

В заключение раввин Яков Музыкант пригласил всех к традиционному праздничному костру, завершившемуся долгожданной трапезой.

В праздничном параде в Черкассах участвовали около 250 человек – и дети, и взрослые. После парада все поехали на пикник – с вкусным угощением, развлекательной программой, огромным костром и еврейскими песнями. Раввин Дов Аксельрод поздравил собравшихся с праздником и рассказал о его истории.

Традиционный парад в Днепропетровске прошел по Центральной набережной города. В параде приняли участие свыше полутора тысяч человек. Особенно выделялись учащиеся еврейских детских дошкольных учреждений, еврейской школы «Ор Авнер», днепропетровской ешивы, педагогического колледжа «Бет Хана». Многие пришли на праздник благодаря яркой рекламе в популярной еврейской телевизионной программе. Шествие сопровождали клоуны, духовой оркестр, ярко раскрашенные автомобили и повозки. Пройдя по берегу Днепра, колонна направилась в Центральный парк культуры и отдыха имени Т.Г. Шевченко. В летнем театре каждый участник парада получил кошерное угощение и смог принять участие в праздничной лотерее. Ее главным призом был велосипед.

Праздничный концерт открыли малыши из еврейских детских садов. Реп-группа еврейской школы исполнила композиции, посвященные Израилю и еврейскому народу. С песенной программой выступил вокальный ансамбль из Днепропетровска. Театральную постановку, посвященную жизни рабби Акивы и рабби Шимона бар Йохая, представили учащиеся женского педагогического колледжа «Бет Хана».

Свое искусство продемонстрировали и артисты цирка – акробаты, клоуны, жонглеры и укротители. Кульминацией праздника стало представление обращения Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона к русскоязычным еврейским детям с призывом совершенствоваться в исполнении заповедей, чтобы приблизить приход праведного Мошиаха.

Учащиеся школы «Охел Менахем» и ребята из детского сада «Хабад-Любавич» Риги вместе с родителями, учителями и воспитателями отправились на теплоходе в городской парк отдыха – Межапарк. Праздничная программа началась на теплоходе. Школьники играли в «Бинго» и вопросы, естественно, были посвящены празднику Лаг ба-омер. Потом ребята разделились на команды для участия в соревнованиях по ориентированию на местности. Названия «станций» также были связаны с Лаг ба-омером.

Наконец, пройдя все этапы, участники собрались на стоянке, где при помощи тростниковых факелов был зажжен большой костер. После – праздничный обед, песни и лотерея с ценными призами. Видеокамеру выиграла семья Вайнштейн, телевизор – Девика Евсикова, а музыкальный центр – Шейна Глазман.

Тем временем на Большой эстраде Межапарка начался праздник детского сада. Учитель иврита Лиэль Максимова рассказала об истории праздника и его традициях. Потом были вкусный обед, костер, игры и лотерея. Везде участвовали не только малыши, но и их родители. С помощью пап сделали луки и устроили соревнования по стрельбе.

Лаг ба-омер в столице Казахстана Алма-Ате начался праздничным парадом с еврейской музыкой, приветливыми улыбками прохожих, красочными плакатами, подготовленными всемирной детской организацией «Цивот Ашем» и международным фондом «Ор Авнер», школьным знаменем и сияющими ребячьими лицами.

Едва хватило автобусов, чтобы вместить всех желающих – учеников ЕУВК «Гершуни», родителей, ветеранов и активистов общины, отправляющихся за город. В цветущих алмаатинских горах ребята состязались в ловкости, меткости и смекалке, взрослые обсуждали актуальные проблемы и готовили шашлыки. Всех собрал огромный костер – гвоздь программы. И только когда автобусы начали уезжать, небо затягивалось тучами. Гроза разразилась, когда все уже разъехались по домам.

ПРАЗДНИК ЗАПОМНИТСЯ НАДОЛГО

*Ναεὸ τῆ Ὀρθῆ ἀτ τῆς Ἱδούσσας ἀεὶ ἰθαλαίαι εὐ αἰετὰ «Ἰ εἰαί τῆ» Ἀαεὶ Ἰ ἰθῆ ἰαίεε (ἴθ δαα),
αἰετὰ Ἀαδῆ τῆ Βαυθ Ὀδαεὶ ὕ Ἀεεῖαι ἄδ Ἀδῆ ἰαίεε.*

С тех пор как Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон установил в 60-х годах прошлого века обычай устраивать парады еврейских детей в праздник Лаг ба-омер, зрелище шествующих по улицам многотысячных колонн стало привычным для жителей Иерусалима и Нью-Йорка, Лондона и Парижа, Торонто и Йоханнесбурга. В начале 90-х посланники Ребе, возрождавшие еврейскую жизнь в общинах бывшего СССР, познакомили с этой традицией москвичей и петербуржцев, киевлян и минчан.

Третий год Южно-Украинское объединение еврейских общин проводит парады на Лаг ба-омер в областных центрах – Николаеве, Херсоне, а в этом году – и в Одессе. Учащиеся еврейских школ вместе со взрослыми прошли торжественным маршем по центральным улицам городов, демонстрируя единство еврейского народа.

Парад был приурочен к еще одному важному событию: в одесскую синагогу Хабада «Шомрей Шабос» вносились два новых Свитка Торы. Инициаторы написания Свитков – главный раввин Одессы и Юга Украины Авроом Вольф и председатель правления банка «Пивденный» Вадим Мороховский. Один из Свитков написан на средства, пожертвованные Александром Галицким в память о его отце, второй финансировала группа одесских бизнесменов в память о Григории Бурбане, трагически погибшем во время захвата заложников на Дубровке.

Зал одесской ешивы «Томхей тмимим» был заполнен до отказа. Праздничные мероприятия начались именно здесь: жертвователям и всем желающим была предоставлена возможность вписать по букве в Свитки – несколько последних строк специально оставили недописанными. А на улице в это время уже собрались участники парада – ученики еврейских школ Одессы, Николаева и Херсона.

И вот Свитки дописаны, и их выносят на улицу. Их понесут во главе колонны под хупой (свадебным балдахином), как невесту в день свадьбы. Расстояние от ешивы до синагоги невелико, улицы не могут вместить всех участников шествия. Начинается самая веселая часть праздника – «акофойс», танцы с Торой, как в праздник Симхас Тойра. Честь нести Свитки предоставляется жертвователям, потом – раввинам Херсона, Николаева и Белгорода-Днестровского, затем с Торами танцуют все собравшиеся.

После «акофойс» евреи отправляются в театр Музыкальной комедии на праздничный концерт с участием днепропетровского еврейского хора мальчиков «Пирхей Украина».

Торжества, посвященные внесению в синагогу Свитка Торы, состоялись в Одессе впервые за последние 90 лет. И можно быть уверенным, что праздник надолго запомнится всем его участникам.

Ö-Ä. Äeëí ääð

«БУКВЫ ТОРЫ СИМВОЛИЗИРУЮТ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД»

25 мая в московскую синагогу в Марьиной роще был торжественно внесен новый свиток Торы.

Главный раввин России Берл Лазар поздравил всех собравшихся с наступающим праздником Швуэс и окончанием написания свитка Торы.

«Известно, что в Торе 600 тысяч букв, – обратился он к присутствующим. – Когда еврейский народ вышел из Египта, он был сосчитан – оказалось почти 600 тысяч евреев. Таким образом все буквы Торы символизируют еврейский народ, каждая буква – одного человека. Но бывает и так, что один человек берет на себя написание Торы. 25 лет назад Любавичский Ребе сказал: “Человек может участвовать в написании Торы, даже если платит за одну букву. Это объединяет его с евреями всего мира” . Сегодня один человек взял на себя написание Торы в честь своей матери. Я уверен, что его мать сегодня здесь, с нами, и она радуется поступкам своего сына. Он думает не о том, как купить Тору для себя, а о том, как оплатить Тору для общины. И дай Б-г, чтобы в канун праздника Швуэс новая Тора стала хорошим знаком для этой семьи, чтобы Всевышний благословил эту семью. Спасибо вам от имени всех евреев Москвы!»

«Моя мама прожила простую жизнь, – сказал в своем ответном слове даритель Аркадий Гайдамак, – и я рад, что евреи Москвы смогут читать Тору и вспоминать о ней».

Как предписывает традиция, Аркадий Гайдамак дописал в свитке одну из последних букв. Следующую букву дописал главный раввин России Берл Лазар, затем это право было предоставлено самым видным членам общины. После этого состоялось торжественное внесение свитка Торы в «арон койдеш», а потом – праздничные танцы.

А. Ашвад

ΔΑΪΑΪ ΕΑ ΙΑ ΝΕΙ ΑΪΑΪΟ!

По давней традиции 9 мая в Красноярске военный парад, а потом все идут на Троицкую гору, где находится воинский мемориал.

Раввин Бенъёмин Вагнер с губернатором Александром Хлопониным и мэром Петром Пимашковым.

Колонна во главе с губернатором Александром Хлопониным и мэром Петром Пимашковым проходит по улице Сурикова, где расположена синагога. Более 80 человек ветеранов войны со всеми своими орденами и медалями выходят навстречу колонне. Они собрались в синагоге не только по случаю Дня Победы, но и для празднования Лаг ба-омер.

Раввин Бенъёмин Вагнер подходит к головной шеренге, где идет руководство области, и все сердечно поздравляют друг друга с праздником. А колонна останавливается. После рукопожатий и улыбок движение продолжается. Некоторое время раввин Вагнер идет рядом с губернатором и мэром во главе колонны.

Праздничный парад держит «равнение налево», на синагогу...

Ἰ. Εἰρηάνη

ÁÁŃĪ ĐĒĪ ÁĐĪ ŪÉ ĪĪÁĀĒĀ ĪÁ ÇĀÁŪÒ

***ĒĪ ÁĪP ĪĪÁÁŪ Ā ĒŪĀĪŃĒĀ ÁŪĒ ĪÒĒŪÒ ĪĀĪ ĴŌĪĒ ĪĪĀĀŌĪ ĀĪ ÁŌĪĐĒ Ī ĒĐĪĀĒĒ ĀŃĪĀ
«ĪÁ ÇĀÁŪĪ, ĪÁ ĪĐĪŃŌĪ». Ā ŌĀĪĪ ĪĒĒ ĪŌĒŪŌŌĴ ĪĐĒĪĴĒĒ Ō:ĀŃŌĒĀ ĀĀĀĪŪĒ ĐĀĀĒĪ ĒŪĀĪŃĒĒĒ
ĪĀĒĀŃŌĒ ŌĪĒĪ ĀĪĪĒĪ, ĪŌĀĪŃĪĀŌĀĒŪ ĀĀĐĒĒĒĒĒ ĪĀŪĒĪŪ «ĪĪ ŌĪĀ» ĀĒĀĀĪĪ ĒĐ ĀĪŃĒPĀŃĒĒĒ, Ō:ĀĪĒĒĒ
ŌĒĪĒŪ «ĀĀĒŌ Ī ĀĪĀĪĪ» ĪĐ ĀĀĪĀĪ***

Обращаясь к ветеранам, раввин Шолом Гопин, в частности, сказал: «Никто и ничто не заставит нас забыть ваш беспримерный подвиг, уменьшить гордость за победу». Школьники показали ветеранам представление с песнями, танцами, стихами. Сюжет об открытии памятника, снятый луганским телевидением, транслировался в программах новостей.

В ознаменование праздника Победы ветераны посетили школу «Бейт Менахем», показали свои фотографии военных лет и рассказали учащимся о своем участии в сражениях великой войны.

В Луганском еврейском общинном центре «Хесед Нер» чествовали ветеранов второй мировой войны. Их пришли поздравить раввин Шолом Гопин, председатель еврейской общины «Эмуна» Владимир Вселюбский, члены молодежного клуба «Хесед Нер», ученики школы «Бейт Менахем» Ор Авнер. «Неоценим ваш вклад в Победу», – сказали гости в своем приветствии.

После концерта дети преподнесли ветеранам цветы и подарки.

P. ĒĀĪĒĀĐ

ἘΡΑΕὺ ΝΟΒΑΑΛΡΟΤΟ ΟΑΠΠΙΘΕΤΙ Α ΙΑΑΑΕΝΕΤΙ Ι ΤΟ ΒΑΕΕΑΕΕ Ε ΙΑΟΕΤΙ ΑΕΥΤΙΝΟΕ

1 ἐρίϋ, ἃ Ι ἀεῖοῖ ἀδῖαῖ ἃῖϋ ραῖεοῦ ἃῖοἃε, ὅε δαῖαῖ ὁ ἃ ραῖεῖο ἃοἃ ὀαδῃεὸἃ ἃ Ἐαῖεεῖεἃ ἃῖοἃε εἰ ἃῖοῖ ἃεῖἃ ἃῖεο-εεε ἃ ἃοἃεεεῖϋ ρῖ ἃῖ ἃῖϋ εϋ Ι ἃεἃἃ. Ιἃῖῖ ἃεῖ: ἃῖοῖ ρῖ ἃῖεεῖεε ὀαδῃεὸ ἃῖε ἃῖἃοεἃῖ 9 ἃ ἃϋ 2002 ἃῖἃ, εῖἃἃἃ ἃῖοῖεἃῖ ἃῖοῖἃϋ ἃεῖἃ ἃῖ ἃῖἃῖἃῖἃ ἃῖεῖοἃεϋ ἃῖἃῖ ὀἃεἃ ἃ ἃ ἃῖ ἃῖ ὀ ἃῖ ἃῖἃῖἃῖ εϋ ἃῖἃῖἃε-ἃῖἃῖ ἃῖ ἃῖἃῖἃῖ ἃῖ ἃῖεο-ἃῖ ἃῖϋ Ι ἃῖἃῖἃῖ. Ὅῖἃἃἃ ἃῖἃεεε 43 -ἃῖῖἃῖἃεἃ εἃ ἃῖεἃἃ 130 ἃῖεεἃ δαῖ ἃῖ ὁ.

Общественный Совет акции «Спешите делать добро», в который входят главный раввин России Берл Лазар, «доктор мира» Леонид Рошаль, Татьяна Сапунова, принял решение помочь раненым детям Каспийска. Многие из них и через два года не оправались от последствий теракта, они испытывают физические страдания. Детям нужна и материальная помощь.

Однако цель акции не только в денежной помощи. Как отметили ее организаторы из руководства Всемирного конгресса русскоязычного еврейства, необходимо еще раз заявить, что сегодня в нашем сложном мире отнюдь не народы и религии противостоят друг другу, но люди доброй воли, с одной стороны, и те, кто считает возможным добиваться своих политических целей ценой жизни невинных людей – с другой.

В Каспийске два года назад.

«Важно, что в наше время, – отметил доктор Леонид Рошаль, – евреи России протягивают руку помощи мусульманам России. Все люди вне зависимости от религии и национальности, в Дагестане или в Израиле, в любом другом уголке земли одинаково страдают от зла, имя которому – терроризм».

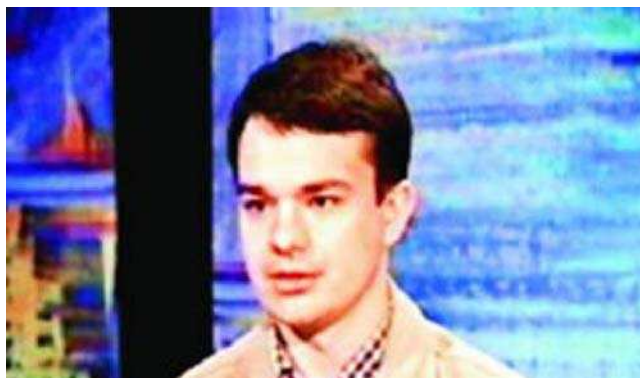
Первого июня отмечается третья годовщина гибели 22 подростков в тель-авивской дискотеке «Дельфинариум». Трагические события в Тель-Авиве и Каспийске связывает много общего: оба теракта потрясли своей жестокостью, многочисленностью жертв среди детей. Сразу после теракта 9 мая 2002 года в Каспийск была направлена помощь из израильского фонда. Летом прошлого года в Москве издана книга памяти «Теракт в Каспийске. Свидетельства очевидцев». Как сказали ее составители, примером для них послужила книга, посвященная памяти погибших в «Дельфинариуме».

Акция «Спешите делать добро» – сбор средств в помощь пострадавшим в терактах, проводится в еврейской общине России с июня 2003 года. Удалось помочь десяткам семей пострадавших в Израиле, Москве, Кисловодске.

В этой связи Всемирный конгресс русскоязычного еврейства считает необходимым еще раз подчеркнуть, что жить в мире и согласии возможно для людей всех национальностей. Необходимо объединить нашу добрую волю и тем самым противостоять террору, безумным попыткам насильственного вторжения в жизнь людей.

«АҢҢЕЕ В ÒÎËÛËÎ ÇÀ ÑÃÃВ, ÒÎ ÇÀ×ÃÎ В?»

В связи с прошедшей благотворительной акцией «Спешите делать добро» и в преддверии Международного Дня защиты детей председатель московского отделения ВКРЕ Матвей Членов ответил на вопросы АЕН.

– Насколько я помню, первая помощь, оказанная в рамках благотворительной акции «Спешите делать добро», была направлена в Израиль, нашим бывшим согражданам, репатрировавшимся в еврейское государство и пострадавшим от арабского террора. Почему сейчас вы решили оказать помощь россиянам, причем не евреям?

– С самого начала нашей акции по сбору средств для пострадавших от террора мы пришли к выводу, что она должна быть универсальной – не только для евреев и не только для израильтян. Делается это не потому вовсе, что евреи России хотят уберечь себя от обвинения в том, что помогают лишь «своим».

Мы убеждены: большинство тех, кто доверил нам распределение средств, поддержат это решение Общественного совета ВКРЕ. Помогая Каспийску, мы не только оказываем помощь детям Дагестана, мы помогаем и Израилю. Нет никакой разницы между теми, кто убивает и калечит мусульманских детей Дагестана, еврейских жителей Иерусалима, граждан Америки, Испании или Краснодарского края. Все это преступления международного террора. Сегодня эта простая истина, к сожалению, не очевидна для многих, например, для тех европейцев, которые в ходе опроса общественного мнения назвали Израиль самой опасной для мира страной.

– Но теракты стали сейчас чуть ли не обыденным явлением. Разве всем поможешь?

– Я бы по-другому сформулировал вопрос. Должны ли евреи помочь семьям тех, кто погиб, и тем, кто был ранен, выйдя на улицы своего города, чтобы принять участие в параде 9 мая в День Победы над фашизмом? Победы, принесшей спасение еврейскому народу от полного уничтожения? Вы наверняка обратили внимание на слова рабби Гилела, которые мы выбрали лозунгом нашей кампании. «Если я только за себя, то зачем я?» Эти слова в равной степени относятся и к каждому еврею, и к еврейскому народу в целом. Каждый человек сам определяет для себя, кому стоит помочь, а кому нет. Для кого-то круг ограничивается ближайшими родственниками, для других – друзьями и знакомыми, для третьих – земляками или соплеменниками. Просто наша задача не до конца была бы выполнена, не помоги мы и неевреям.

Конечно, всей России не поможешь, особенно сейчас, когда слово «теракт» стало чуть ли не обыденным. Но и деньги, которые мы передали в Израиль, не вернут жизни погибшим, душевного спокойствия семьям, стопроцентного здоровья раненым. Не сомневаюсь, что большинству евреев России не все равно, что происходит в Израиле. Большинство, наверняка, возмущаются перед экраном телевизора, некоторые ходят на ежегодные митинги-концерты. Деньги – это лишь самый простой способ не на словах, а на деле выразить свое соучастие. Сегодня мы помогаем большинству русскоязычных израильтян, получивших ранения в результате терактов, и делаем это потому, что нам доверяют деньги здесь, в Москве.

– И все-таки, почему Каспийск, а не, скажем, Волгодонск? Или не Москва? Ведь в Москве за последние 5 лет от терактов погибло, наверное, не меньше людей, чем в Иерусалиме?

– Выбор Каспийска был не случаен. Мало кто знает, что фонд помощи жертвам «Дельфинариума» Михаила Черного оказал пострадавшим в Каспийске экстренную и, надо сказать, значительную помощь сразу после теракта два года назад. И тогда, и сейчас деньги раненым и семьям погибших помог передать один из жителей города Курбан Абдурашидов. Мы познакомились с ним на пресс-конференции в «Московских новостях», где проходила презентация книги памяти, одним из составителей которой он был. На пресс-конференции присутствовали Леонид Рошаль, Борис Немцов, журналист Виктор Лошак. Кстати, эта книга была издана по примеру книги памяти погибших в «Дельфинариуме».

Жители Каспийска с большой благодарностью приняли нашу помощь. В этом маленьком городе произошедшая два года назад трагедия затронула очень многих, поэтому все, к кому бы мы ни обращались, стараются помочь.

– Как технически оказывается помощь?

– Ну, например, руководитель Каспийского отделения Сбербанка, через которое мы перевели средства, согласилась сама раздать письма от имени Общественного совета в руки пострадавшим. Оказалось, она живет в доме, напротив которого произошел взрыв. В этом же доме живет и Абдурашидов, а большинство детей, которые получают помощь, учатся в школе № 1 на той же улице Ленина. Самым младшим 8 лет, большинство – подростки 13 – 17 лет. В их памяти надолго останется письмо со словами поддержки от главного раввина России Берла Лазара, доктора Рошала, Татьяны Сапуновой и Фаины Дорфман.

Каждому из тех, кому мы помогаем сегодня, открыт индивидуальный счет в Сбербанке. Мы действуем по тому же принципу, что и в Израиле: все собранные деньги вручаются лично пострадавшим. Какие-либо злоупотребления исключены. Списки особо нуждающихся в лечении и восстановлении здоровья мы передадим в благотворительные фонды и надеемся, что нашу инициативу поддержат другие организации и частные лица.

ААИ

В обращении подчеркивалось, что международный терроризм является сегодня главным врагом цивилизованного человечества. Однако до сих пор призывы к совместной борьбе с этим злом во многом остаются не услышанными. Они наталкиваются на стену предубеждений и отживших стереотипов. До сих пор существует немало политиков и общественных деятелей, которые, признавая на словах необходимость борьбы с терроризмом, на деле делят террористов на «наших» и «не наших».

Поэтому особенно важно спросить детей: а что они думают о терроризме? Дети не отягощены ни политиканством, ни модными идеологическими учениями, трактующими добро и зло как явления «относительные». Ребенок еще не успел заразиться господствующими в обществе предубеждениями, он видит мир Б-жий таким, каков он есть на самом деле: добро для него – добро, зло – зло, правда – правда.

Раввин Берл Лазар напомнил известную сказку: когда взрослые кричали «Ура!» монаршему кортежу, именно ребенок сказал во всеулышание, что на самом деле – король голый. И тогда взрослым стало совестно, и они признали истину.

«Как еврейю мне важно и то, что в рамках этой выставки состоится круглый стол, на котором выступят матери еврейских детей, погибших в результате теракта в дискотеке “Дельфинариум” три года назад, – отметил в своем обращении раввин Берл Лазар. – К сожалению, это не единственный теракт, направленный против еврейских детей. Враги нашего народа не выбирают средств, они без разбора убивают мужчин, женщин и детей. Совсем недавно террористы в упор из автоматов расстреляли четырех маленьких девочек Хатуэль, убили их беременную мать. За три года навязанной Израилю международными террористами войны боевики и террористы-самоубийцы убили уже более ста еврейских детей – в местах увеселений и в кафе, в общественном транспорте и просто на улицах».

Раввин призвал посетителей выставки взглянуть в рисунки детей, многим из которых не понаслышке знаком звериный оскал терроризма, послушать мать, чей ребенок стал жертвой теракта, взглянуть в глаза изображенным на фотографиях погибшим еврейским мальчикам и девочкам. «Они могли бы прожить долгую счастливую жизнь, получить образование, любить, создать семью... Но все это у них отняли вооруженные нелюди. Подумайте, если бы ваш ребенок оказался на месте погибшего, готовы были бы вы “попытаться понять” убийцу и его побудительные мотивы?» Этим вполне риторическим вопросом завершил главный раввин России свое обращение к участникам и гостям выставки «Дети против террора и экстремизма».

ААГ

וְעַתָּה יְהִי יָמֵינוּ כְּיָמֵי מִצְרַיִם אֲשֶׁר עָשָׂה לְעַמּוּנוֹתָיִם בְּיַד מִצְרַיִם

В Московском еврейском общинном центре прошел слет воскресных еврейских школ «Ахдут», посвященный окончанию учебного года и празднику Швуэс. В слете приняли участие представители восьми учебных заведений – школы МЕОЦ, «Кантемировская», «Сокольники», «Лефортово», «Щукино», «Сокол», «Водный стадион», «Мытищи». В просторном амфитeatре МЕОЦ были поставлены столы, за которыми, распределившись по командам, сидели дети и их учителя. Сцену украшала декорация, изображавшая гору Синай, на которой растут пальмы и цветут маки. Вели программу вожатые воскресной школы «Мытищи» Авигаль Фрайман и Арина Широкова.

אֵל אֱלֹהֵינוּ יְהִי עִמָּנוּ כְּיָמֵי מִצְרַיִם אֲשֶׁר עָשָׂה לְעַמּוּנוֹתָיִם בְּיַד מִצְרַיִם

Со словами приветствия к учителям и школьникам обратился заслуженный деятель искусств России профессор Григорий Кантор. «Воскресные школы, – сказал он, – это важное и удивительное явление. Мы, взрослые, удивлены тем, как вы, дети, за короткий срок усвоили столь многое, связанное с Торой. Это и есть настоящее возрождение еврейского народа. Вы пойдете разными дорогами, выберете себе самые разные профессии. Но каждый из вас пронесет через всю жизнь то, что дала ему воскресная школа».

Детям был показан документальный фильм о школах «Ахдут». Малыши смотрели фильм с живым интересом, узнавая на экране себя и своих друзей.

Затем началась интеллектуальная игра – «суперпоединок» между учителями и учениками воскресных школ. Надев бумажные цилиндры, капитаны команд словно заправские «знатоки» из клуба «Что? Где? Когда?» отвечали на сложнейшие вопросы по еврейской истории и традиции. Поединок оказался весьма напряженным. В итоге победили ученики, разгадавшие все хитрые вопросы, составленные учителями, причем победили с большим перевесом!

Перед собравшимися выступил лауреат конкурса «Золотая Ханукия» звезда еврейской эстрады Евгений Валевич, исполнивший несколько песен. А потом он, в свою очередь, предложил ребятам принять участие в конкурсе на лучшее знание еврейских народных песен и попросил нескольких учеников выйти на сцену. Вначале дети вели себя робко, но потом освоились. А малыш из школы МЕОЦ даже спел песню «Переход через Красное море» на мотив, заимствованный у Верки Сердючки. Однако оказалось, что девочки ориентируются в еврейской песенной культуре куда лучше, чем мальчики. Они и заняли первое и второе места и получили памятные сувениры. «Учите еврейские песни!» – посоветовал всем на прощание Евгений Валевич.

А в завершение праздника дети вместе с вожатыми исполнили хором гимн школ «Ахдут». Дети получили в подарок книгу «Тора в картинках». Закончился слет праздничным угощением.

א. אריגל

ААÑŌАІ І ŪЕ ААААЕ СІ АІ ЕЕ Е АДОСŪВ І А АЊР АЕЕСІ Ū

צאנזער אאדוײַ ן: אאײַ ןע אײַ אײַ תרעײַאײַע אײַע אײַ «װײַ ןאײַ װײַ ןעײַ ןעײַ».

На вопросы корреспондента АЕН А. Баскаковой ответил преподаватель Леви-Ицхок Друц.

У вашей ешивы богатая история...

– Ешива «Томхей Тмимим» была основана около 100 лет назад пятым Любавичским Ребе в местечке Любавич. Сегодня это крупное международное учебное заведение, его филиалы расположены во многих странах Европы, в США, Израиле, Южной Америке, Африке и Австралии. Ее уникальность в том, что наряду с так называемым «открытым учением» в ней изучаются также хасидизм и еврейская философия. Московский филиал ешивы необычен еще и тем, что в 1987 году он был открыт со специального благословения седьмого Любавичского Ребе.

Сегодня ешива предоставляет возможность одновременно с религиозным получить и светское образование с последующей аттестацией и получением диплома государственного образца. Между ешивой и Международным университетом XXI века заключен договор, на основании которого этот авторитетный вуз предоставляет все услуги по получению аттестата.

Леви-Ицхок Друц.

С какого возраста можно поступить в ешиву?

– По окончании школы, в 16-17 лет, хотя бывает, что мы берем и более юных, но это особые случаи.

Какие предметы изучаются в ешиве?

– Есть несколько направлений обучения. Первое из них – сугубо религиозное: два года учеба в Москве, потом либо в Израиле, либо в Европе, затем в Америке. Параллельно с теорией студент получает и практические навыки, учитывающие потребности российской еврейской общины, а также специфику русскоязычных общин всего мира. После четырех лет обучения выдается аттестат бакалавра теологии (на базе Международного университета XXI века).

Как вариант обучения ешива предоставляет возможность стать раввином с последующим получением аттестата международного образца, признаваемого главным раввином Израиля.

Для ребят, заинтересованных в получении светской специальности, мы предлагаем уникальную программу, совмещающую традиционное еврейское образование с получением светской профессии. Прочувшись три года в ешиве и получив аттестат о ее окончании, студент может продолжить учебу в Международном университете XXI века и получить одну из специальностей на его факультетах: «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»; «Иностранный язык»; «История»; «Мировая экономика»; «Педагогика и психология»; «Прикладная информатика (в экономике)»; «Юриспруденция». Все предметы, пройденные в ешиве, а также часы обучения засчитываются университетом как часть программы и часть времени обучения.

Ī à ěăôôèè.

Обучение в ешиве платное?

– Бесплатное. Более того – студенты получают по результатам учебы очень высокую стипендию.

У вас есть подготовительное отделение?

– Безусловно. Для ребят, не знающих еврейской традиции, у нас имеется специальная программа. Это три месяца интенсивного изучения языка, получение базовых знаний, одним словом, всего того, что необходимо для дальнейшего обучения.

Кто преподает в ешиве?

– Глава ешивы – известный раввин Менахем-Мендл Голдберг. Преподаватели – раввин Александр-Зусман Горелик, раввин Дан Лакшин (в прошлом преподаватель ешивы в Цфате, в Израиле), а также ряд начинающих, но очень перспективных преподавателей.

Какие предметы изучают студенты?

– Прежде всего – основы талмудической логики. Языки – иврит, идиш, арамейский. Еврейский кодекс (принципы права), еврейскую философию, историю, первоисточники, канторское искусство (для желающих). Все то, что составляет базисное еврейское образование, плюс, при необходимости, светские предметы – в зависимости от выбранного курса.

Ī ðăèèè:ăĭèèă çăĭăŷòèŷ.

ΑΑΨΑΔΑΙΕΧΙΤΙ ΙΕΑΙΑ Ι ΟΑΔΙΝΟΕ

**צאצאֵינוּ עִיִּעוּת «איִנוּ דַּמְרוֹ דְאִיִּאֵ» מִיִּאֵהֵ הֶאֱעִיִּי עֵיִתֵּ «יִדְ אִיִּאֵ» אֵיִנוּ דְאִיִּאֵ
ΝΙΆ ε Αἰῶῶε**

Конкурс был организован израильским предпринимателем и общественным деятелем Амосом Рольником семь лет назад. За это время в нем приняли участие дети из 91 страны всех континентов. В 2000 году лучшие работы были собраны для передвижной выставки, которая объехала десятки стран, в том числе Японию, Аргентину, Канаду и Южную Африку. Два года назад выставка с успехом прошла в России, после чего главный раввин России Берл Лазар и руководство школ «Ор Авнер» во главе с раввином Давидом Мондшайном приняли решение провести такой же конкурс в странах бывшего СССР.

На первом этапе школьники представили свои работы учителям рисования и иудаики. Преподаватели отобрали лучшие рисунки по трем возрастным группам и послали их в Москву для рассмотрения профессиональным жюри. В итоге для финала были отобраны 924 работы из девяти стран бывшего СССР. Общее число стран, дети из которых приняли участие в конкурсе с момента его учреждения, достигло ста.

«Νιί Εἰπῶα» - δεῖνιῆ, צאִיִּאֵנוּעֵ יִאִאִיִּאֵ יִאִוִּיִּ אֵ עִיִּעוּתִי

Московское жюри отобрало 96 работ для участия в заключительной стадии конкурса. Все авторы были приглашены в Москву. 2 июня в Московском еврейском общинном центре прошла церемония награждения. Финалистам были вручены дипломы. А затем были объявлены четыре победителя, которые завоевали ценный приз – поездка в Израиль: Даниил Янкевич из Саратова, Хая Игумнова из Алма-Аты, Валентина Зуевская из Житомира и, наконец, главный победитель – Ольга Можарова из Донецка.

«Если быть до конца честным, я не думал, что конкурс в школах “Ор Авнер” что-то добавит к всемирному конкурсу “Дети рисуют ТАНАХ” в творческом аспекте, – рассказал Амос Рольник. – После того как мне пришлось вместе со многими профессиональными художниками участвовать в отборе произведений в десятках стран мира, – причем большинство детей имели не только общее, но и художественное образование, – мне казалось, что главной целью конкурса в СНГ должен стать общекультурный, образовательный момент. Ведь в России еврейская жизнь развивается хотя и бурно, но все же пока еще очень короткое время, и важно через рисунок приблизить детей к безграничному океану мудрости ТАНАХА – Книги Книг. Каково же было мое удивление, когда обнаружилось, что и собственно художественный уровень детей из школ “Ор Авнер” ничуть не уступает уровню еврейского самосознания. Некоторые дети меня просто поразили! Например, Хая Игумнова разработала удивительную технику – использование раскрашенных зерен шлифованного риса, ее рисунок как бы составлен из драгоценных камней! Валентина Зуевская уже сейчас обладает абсолютно сложившимся индивидуальным стилем художника-иллюстратора, чем-то напоминающим стиль советской школы мультфильмов, принесший ей мировую славу. И таких работ десятки!»

Амос Рольник уже договорился с раввином Мондшайном о создании передвижной выставки произведений-финалистов конкурса. Выставка объедет еврейские общины России и СНГ, а затем предстанет перед зрителями «дальнего зарубежья».

ААГ

ÊÀÊ ÊÇÁÁÊÀÛ «ÐÎÊÎÎÊ ÎÔÊÁÊÊ»?

ÁËááí úé ðáááêí Ôçááêêñòáí à è Ñòááí áé Àçèè Ááá-Áíáèä Áòðáèè-.

*Î ýò ñòíêèòóü Õáááèèèñòáí à Áòòáí áá Î áòí ááíáèä Ôááèáòèèááá í ðáðáèè çàòýí ðáòááíý
í Òè-áí èá í ñáááá áòòáí áéí ñèíè è ñèíáááè, èí òí ðáý ííí ááááò ííá ñí ñí èç-çá ñò ðíè ðáèíñòáá Ááí ðáá
í áòèè è Î áòèíáèíñ íá í áðèá. Î ñíèá ò íá èáé íí ááè òéáçáí èá ñí áíðè áá á áèèáèèèááí áðáí ý, ñè ðáááèý
ñòáèá èðèòè-áíèíè. ÁËááí úé ðáááêí Ôçááêêñòáí à è Ñòááí áé Àçèè Ááá-Áíáèä Áòðáèè- ò áé
èíí í áí òè ðíááè ñáú ðèý á Áòòáí áá*

«Решение о срочном сносе синагоги мэр аргументировал следующим образом: “На территории государственной важности не может быть постороннего присутствия, как, например, синагоги”. Сам я на совещании не был, хотя, считаю, власти были просто обязаны меня пригласить, если решался столь важный для еврейской общины вопрос. Отменить указание мэра, пожалуй, может лишь президент Таджикистана. Ведь душанбинский градоначальник – еще и глава сената, второй человек в государстве. Он считается также наиболее приближенным к Эмомали Рахмонову, с которым они вместе поднимали отряды Народного фронта против исламистов в гражданскую войну.

Формально синагоги уже не должно было быть. Еще 15 апреля руководство еврейской общины получило письмо за подписью господина Фаязова, главы столичного района имени Исмоили Сомони, в котором предписывалось немедленно, в два дня, “своими силами и средствами обеспечить снос” здания. И ничего взамен. Общине не были предложены даже какие-либо варианты.

В конце апреля я срочно вылетел в Душанбе, встретился с руководством общины, послами США – Ричардом Хоглендом и Франции – Пьером Андрио, с председателем Комитета по делам религий при правительстве Таджикистана Голибом Гоибовым. Однако так и не был допущен до мэра Душанбе и президента Эмомали Рахмонова. Пришлось направить им письма с просьбой рассмотреть возможность реконструкции синагоги для ее дальнейшего вхождения в архитектурный комплекс Дворца наций. Еще раньше проблемой синагоги специально занимался посол Израиля в Таджикистане Цви Коэн-Литант.

Однако, как выяснилось, власти просто тянули время, они и не думали идти навстречу еврейской общине. Строительство Дворца наций в самом разгаре – закончен первый этаж, работы идут круглые сутки, в три смены. На месте синагоги должна быть проложена трасса шириной в тридцать метров.

Проект Дворца наций был задуман еще в 80-е годы, но воплощается только теперь. Получается, что, казалось бы, канувшая в Лету коммунистическая власть все-таки “достала” нашу синагогу, – а она, между прочим, старше самого Душанбе, который в этом году отмечает 80-летие. С юридической точки зрения, все крайне запущено. Синагога была построена еще на заре прошлого века на средства бухарских евреев. Большевики, как водится, ее национализировали, а потом передали верующим евреям их же

реквизированную собственность в пользование. После развала Союза новые таджикские власти, имея, видимо, дальние планы на занимаемую синагогой территорию, сознательно, как теперь понятно, не исправили “историческую ошибку” и тем самым лишили общину возможности обратиться в суд, чтобы отстоять свои интересы.

Больше того, власти заявляют, что евреев в республике осталось всего чуть больше двухсот, а скоро их не будет вовсе, а потому и синагога никому не нужна. Это не так. Евреев насчитывается около пятисот. На самом же деле их больше, поскольку немало таких, кто просто боится назваться иудеем, опасаясь преследований и гонений. Теперь, когда люди убеждаются в открытом враждебном вмешательстве правительства в дела веры, их опасения увеличатся.

В эти дни я обращаюсь ко всем лидерам еврейских организаций в мире за помощью. Надо безотлагательно что-то делать! Убежден, если душанбинская администрация все же приняла окончательное решение о сносе, то просто обязана взять на себя проектирование и строительство синагоги в другом месте, но тоже в центре столицы. Причем, новую необходимо построить до того, как будет снесена нынешняя, чтобы иудеи не очутились на улице.

Община готова и к компромиссу. Таджикские власти могут выделить здание с участком земли, а мы, с помощью еврейских организаций, возведем новую синагогу. Мы против скандала, он разгорается отнюдь не по нашей вине. Но еще есть время избежать роковой ошибки».

31 мая мэр Душанбе Махмадсаид Убайдуллаев посетил синагогу в сопровождении многочисленной свиты чиновников, осмотрел здание и территорию. На вопрос АЕН о дальнейшей судьбе синагоги, мэр заявил, что рядом с правительственным комплексом она располагаться не может. Не определилось руководство Душанбе и с возможным участком, где могла бы разместиться новая синагога.

Об угрозе, нависшей над синагогой, сообщили крупнейшие мировые СМИ, мэру Убайдуллаеву нанес визит посол Франции Андрио Пьер, синагогу посетил первый секретарь посольства США Иосиф Чемберс. Дипломаты заверили, что не оставят общину без внимания.

Ī ī ēā āāāāāēēēē ī ī ī āā...

Ēāē īīīīīēēēē ĀĀĪ ā īīōēē Āōōāīāā 9 ēēīy, īōēīyōī īēīī-āōāēīīā āāōāīēā ī īōōīēōāēīīōāā īīāīē īēīāāāē ā īōīēēōā Ōāāēēēēēēēēēēāīā Īīā āāāī āīōēōīy ā ī ēēōīāēīīā Ōēēāāāē, īā īāāāāāēīīē ēāēē Āōōāīāēīēē.

*ááðéñéé íáúéíú áéý ñáí áñóííá ííéñéá ííòéíáéñííá áðéáíòá ðáçðáóáéý ýòíé íðíáéáí ú.
Ñéááóò íðéíýòúáí áíéí áíéá ÷òí áíéúúééíñòáí íðéóíáéáí íðíáééááò ðýáíí ññéíááíé.*

*Íá ñí íááááñí, ÷òí á óáéýò ñòðáíáéý é óéðáíéáíéý íáðéò íòííóáíéé é
íáíá:áéíá:áñééò óáíííòáé í ú áí áñóá ñ íáéáí íáéòé áíñóíéíá ðáóáíéá, íðéáí éáí íá áéý áñó
çáéí òáðáñááííúò ñòíðíí.*

*Í ú óááðáíú, ÷òí Áú ñ ñáíáé ñòíðííú éáé Í ðáçéááí ò é ÷áéíáé, áðéáíòááííúé íáóáé
íáúéíá, ó:òáòá áñ áñáéòú ýòíá ááééáòííá áíéá é íðéí áòá áçááóáííá ðáóáíéá*

*Ñí ñáíáé ñòíðííú ðí:ó çáááðéòú Ááñ á ñáí úò òáíéúò ÷óáíòááò é Ááí éé:íí é é íáðíáó
áðéáíòááííá ðááçééééñóáíá*

Í ðáçéááí ò Óáááðáóéé ááðéñééò íáúéí ÑÍÁ, Í ðáçéááí ò Áñáí éðííá éííáðáñ áóááðíééò ááðáá

Éáé Éáááá

28 í áý 2004 ááá

ÁÁÍ

ՆԵՒ ԱՐԻՒՆՈՒ ՇԱԵՐԱՎԻՇԷՆ... ԱՐԱՐԷ

Такого не было со времен нацистов. Даже большевики не осмеливались на подобный шаг!

В начале июня вильнюсская синагога, которой недавно исполнилось 100 лет, была закрыта по решению Симонаса Альперавичюса, называющего себя «председателем общины». Причиной такого беспрецедентного шага стали разногласия по кандидатуре главного раввина Литвы, т.е. вопрос, казалось бы, сугубо внутреннего, внутриобщинного характера. Впрочем, г-н Альперавичюс даже не скрывает, что его задача состоит в том, чтобы «показать, кто в синагоге хозяин».

Так в чем же суть дела? Проблема не новая, периодически повторяющаяся в разных регионах бывшего СССР, – там, где еврейские функционеры не хотят смириться с потерей властных полномочий и привилегий. В Вильнюс на должность главного раввина из Израиля был приглашен Хаим Бурштейн. Этот шаг вызвал множество вопросов у литовских евреев. Ведь в Литве с 1994 года постоянно живет и работает раввин Шолом-Бер Крынский, посланник Любавичского движения. Именно он стал одним из инициаторов возрождения еврейской жизни в этой прибалтийской республике и создателем многочисленных общинных институтов в посткоммунистический период. Вероятно поэтому, раввин Крынский многими евреями естественным образом воспринимается как «главный раввин».

Поняв, что «власть и влияние» уплывают из рук, г-н Альперавичюс предпринял решительные действия. Поводом для закрытия синагоги стал инцидент, произошедший во время празднования Швуэс, когда не в меру ретивых борцов за справедливость пришлось успокаивать полицию. В своем заявлении, опубликованном в местной еврейской газете, этот, мягко говоря, нестандартный поступок господин Альперавичюс объясняет необходимостью защитить «физическую безопасность молящихся». Ну, эту аргументацию мы еще помним с советских времен: чтобы голову вылечить, надо ее сначала отсечь.

По мнению многих наблюдателей, борьба за пост главного раввина, разразившаяся в Литве, тесно связана с переговорами международных еврейских организаций с литовским правительством относительно реституции бывшей еврейской общинной собственности, которые идут вот уже три года; на карту поставлено не менее сотни единиц собственности. С. Альперавичюс и его сторонники делают все, чтобы вывести раввина Крынского из состава совета, участвующего в переговорах от имени литовского еврейства. В этом им, по некоторым данным, способствует Американский еврейский объединенный комитет по распределению («Джойнт»), который «подогревает скандал вокруг синагоги». «“Джойнт” раскалывает общину, – заявил раввин Крынский в одном из интервью. – Десять лет у нас царили мир и спокойствие, мы строили инфраструктуру еврейской жизни в Литве».

Пока синагога закрыта, евреи приходят на молитвы в вильнюсский любавичский центр, некоторые молятся прямо на улице перед запертой дверью синагоги.

Է. Բոսիճ

Ì ÀÇĚ ÒÍÁ!

Ẹáíńẹẹ ẹẹ́á «Áááá» í òè ààðéńíé íáúéíá Áéàáééàáéà, æáíńẹẹ ẹẹ́á «Ááíòííáí ẹá» í òè òáíí ọ́éééáíńéíí àíí á àðóááú DÑÍ-Áéáí ẹ́ý á ẹẹ́á í òááííáàòáéý ẹẹ́áá Ẹáðéńí Çáí æááíé, áðóáíý, í ọ́é, ááòè è áí ọ́éé сердечно поздравляют с юбилеем **Надель Розалию Борисовну**, желают здоровья и активности, душевного спокойствия и радости.

Ààðéńéý íáúéíá Í íáí ọ́ááéńéá í íçáðááéýáò ńáíáí òíæááí ẹ́ý:

Коснову Алenu;

Пономареву Сонечку;

Садовскую Татьяну Львовну;

Смехнова Михаила Ивановича;

Зильберга Славика.

Желаем здоровья, счастья, успехов во всех начинаниях!

Дорогую, любимую подругу **Ладугину Раису Григорьевну** поздравляю с днем рождения. Желаю крепкого здоровья. Дожить до 120 лет!

Ẹáðòí áí Ọáíý.

Дорогой и любимый **Владик!** От души и с глубокой любовью поздравляем тебя с днем рождения. Желаем хорошего здоровья, настоящего человеческого счастья. Радуй родителей и брата своими успехами.

Đíáéòáéè Nèí á Ẹíńéòíáí á è Ẹéńý Ááðáí íáé: è áðáò Í ẹ́áá

Уважаемую и любимую **Полину Львовну Ямпольскую** от всей души поздравляем с 90-летием со дня рождения и желаем здоровья, радости, любви близких и долгих лет жизни.

Ááòè, áí ọ́éé è í òááí ọ́éé.

Дорогие друзья!

Áńéè áú ọ́íòèòá í íçáðááéòú òíáí úò, áéèçéèò è áðóçáé á òááòééá «Ì àçé Òíá!», ńí íáúéòá íá ýò íí

á òáááéòèp:103055, Í íńéáà, 2-é Áúóáíéááòáá í áð, 5à Ọáéáòíí 231 27 77, òáéń 231 30 20.

ОСНОВА ВСЕГДА ОСТАЕТСЯ

Ń Āāāāīī Ī āāāāāī āāāāāāō āāōūīā ĀĀĒ

Āāāā, ŷ āāā, ÷ōī ó āāā ŷīīāāī āā āāā ŷ āāāāāīīī Ī:āī ŷ āāāāāī ŷī. Ī ŷāāēīī ŷāāē āāāāī āāāāāīēēā Ēāāī ŷēīāā. Āūā Īāīā ēīēāēā īīāāāē ē āāāāāāā «Āāāāāāā ŷīāā» āāāāā ā āāāāāā ā Ēāāāāēē. Ē īīāāāīēā īīāāāē: āīēēīē ÷ōī ā ēāāāāāāāāā «Īēēī ī» āāāāā āāā ŷīēāā «āāīēēē īīōīīī ŷēēā», ā ā «Ēāāāāāāāā» – «Āāāē ēāāā». Ī Ī:āī ó āāāāāāāāāāāāāāāāā? Ō āāā āāāāā āāē?

– Последние годы – да. Так. Я стараюсь за полтора-два года сделать новую книжку. Русские книги я пытаюсь все же печатать в России, а не в Израиле.

– Тебе важнее читатель российский? И вообще, ты – кто: русский или израильский писатель?

– Кто ты таков – этот вопрос для писателя, который живет в Израиле и пишет по-русски, столь же глубок, как и вопрос, который, пожалуй, еще глубже: кто он таков – еврей? Этот вопрос мы не можем решить всю свою историю. По маме ли, по папе, по бабушке, по дедушке, по убеждениям, по стремлению жить здесь, на своей земле? Никто ответа толком не знает... Так и в литературе. Можно выстроить формулу: я – израильский писатель, пишущий на русском языке. Довольно-таки неуклюжая формула, во всяком случае, стилистически... А у нас есть люди, которые пишут по-английски или по-немецки, по-польски или по-литовски, и все они живут в Израиле. Их творчество так или иначе сопряжено с израильской темой. С еврейской темой вообще, а с израильской в частности.

– А у тебя вообще есть вещи об Израиле впрямую?

– Я такой задачи себе не ставлю. Меня интересует проблема возвращения, проблема обретения корней здесь. Это дает духовную наполненность, мне кажется. Люди в принципе страдают. Евреи, живя в голусе – в Германии, в Америке – страдают, что они не здесь...

– Что такое голус?

– Это – рассеяние. Все, что вне Израиля как исторической родины... Итак, когда люди приезжают сюда, они страдают, что так медленно обретают корни, которые в эту каменистую почву никак не врастают... Это продолжается годами. А русской литературы у нас нет. Есть отдельные книжки, написанные по-русски... После того как наладились связи с Россией, после 85-го, после прихода Горбачева, после возобновления контактов, – у нас издатели перестали печатать наши книжки по-русски без того, чтобы им сначала заплатили... Хотят издавать за авторский счет. Кстати, я этим никогда не занимался.

– Ну, думаю, дело не только в этом, не только в коммерческих мотивах. Для тебя наверняка важен наш, российский, читатель.

– Конечно. Если бы я не печатал книжки в России, русский читатель для меня бы не существовал. Едва ли тираж 500-800 экземпляров, который тут печатается, дошел бы до России... То, что мой читатель живет в России, это совершенно однозначно. В Израиле – тоже... И это «тоже» определяет всю ситуацию. Здесь читатель – это не городской еврей... Пока я жил в России, над всем этим не задумывался. Я считал, что есть евреи и они все живут в городе Москве и Ленинграде. А между тем существует еврейский народ, который в России испокон торговал и водичку в пиво подливал, не отставая от русских в этом ничуть. Но все эти тети Хаи из Шанхая черт его знает где гнездились. По деревням – не по деревням, а по городишкам таким российским... А я встречался только с теми евреями, кто читал книги. Даже инженер-еврей все-таки читал книгу. А тетя Хая, которая торговала, она книгу и в глаза не видела... Когда я приехал сюда, я понял, что еврейский народ – он как всякий другой. В нем если полтора процента интеллигенции есть читающей, то это хорошо. И так во всем мире. И это правильно на самом деле.

– А ты считаешь, что тебя в России читают только евреи?

– Ни в коем случае. В России мой читатель – это русская интеллигенция. Без нее мне бы было (задумался) горше. Потому что у меня есть все же внутреннее ощущение, что там меня читают. Здесь – полтора процента. Конечно, у меня есть книги в переводе на иврит, и это хорошо. Я наверняка экзотичен для израильских евреев, читающих мои книги на иврите. Вот если бы еще я вышел на улицу Тель-Авива в армяке, в лаковых полусапожках и с медвежонком на серебряной цепи – вот это, как у нас говорят, было бы «в самую десятку»... В этом, кстати, есть для меня большой плюс: израильские писатели никогда не видели во мне конкурента. И мои отношения с израильскими ивритскими писателями гениально добрейшие. Чего нельзя сказать о русской литературной среде... Мне очень тепло от того, что я в России выхожу, что меня читают и что обо мне пишут.

– А скажи: то, что ты живешь в Израиле и кругом звучит иврит, а также простирается совершенно иной, чем в России, рельеф, – на твою прозу повлияло? Ритм ее изменило?

– Я не думаю, что иврит повлиял... Когда я был в ссылке и читал «Иудейскую войну», меня чрезвычайно интересовал вопрос: а был ли Фейхтвангер в Палестине? Когда я читал его пейзажи, то думал: он это видел собственными глазами или он об этом только читал? Вот это крайне важно. То, что я все это увидел, повлияло на мой характер, но на манеру письма – нет.

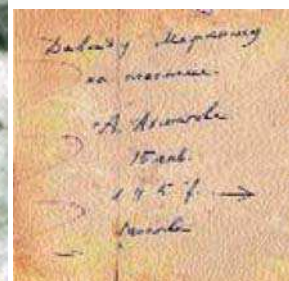
– Пошли вспять. Ты – сын знаменитого еврейского поэта Переца Маркиша. Он тут национальный герой. Ты веришь в писательские гены?

– Нет... Я тебе так скажу: это влияние семьи, атмосферы, воспитания. К моему отцу все время приходили писатели. Был бы инженером – приходили бы инженеры, и я бы, возможно, стал как они.

– Когда отца расстреляли, тебе сколько было?

– Мне было 14 лет. 1952 год. Отца расстреляли по делу Еврейского антифашистского комитета. 12 августа 1952 года весь президиум этого Комитета был расстрелян. Мы ничего не знали. Нас тогда уже сослали, но нам в ссылке никто об этом ничего не сказал. Отец арестован – всё. И когда за границей спрашивали об этом русских писателей (например, Полевого или даже Эренбурга), то они отвечали – враз: «Мы видели Маркиша, он живой...»

Нас – маму, меня, и брата Симона, и сестру, которую взяли в Киеве, сослали в Сибирь. Нам пришлось сказать, что мы высылаемся как члены семьи изменника родины – ЧСИРы. Была такая аббревиатура. Мать сказала полковнику, который приехал нас сажать и везти: «Гражданин полковник, нам по закону полагается пять лет, а вы говорите: десять лет». И он ей ответил: «Гражданка, те, которые 25 лет получают, тоже на советскую власть не обижаются...» Так и сказал. Гениально выразился. И поехали мы в Казахстан. И не знали, куда нас везут...

Ὁ τοῖς ἀδελφοῦ ἡ ἀντι-ἀδελφία, ἡ ἀντι-ἀδελφία ἡ ἀντι-ἀδελφία, ἡ ἀντι-ἀδελφία ἡ ἀντι-ἀδελφία. Ἀδελφοῖς ἀδελφοῖς ἀδελφοῖς.

– И сколько времени вас везли в поезде?

– Через пересыльные тюрьмы месяца полтора. Я пытался скрыться и спастись – с ведома старших, разумеется. Я бежал, прятался, приехал в Баку, и там меня накрыли и сказали, что если я в течение недели не появлюсь «где надо», то меня, малолетку, повезут из Баку в «вагоне ЗАК» по пересылкам... А это крайне несладкая вещь. Уже в Казахстане, посреди пустыни, где есть было нечего и заработать было почти невозможно, меня предупредили: на Сыр-Дарью не ходи, там, конечно, рыбка водится, но это в шести километрах от кишлака. А тебе можно отходить только на пять. Отойдешь на шесть – все получите по 20 лет каторжных работ... Довольно подло это звучало, если разобраться.

У меня эта история есть в романе «Присказка». Роман о повзрослении подростка в экстремальных обстоятельствах. Я его написал, сидя в «отказе»: 70–71-й год. И когда я приехал сюда, «Присказка» уже здесь меня ждала, а потом началась история, немножко напоминающая советские времена. В Израиле каждый новый приезжий писатель, никому еще здесь не известный, сначала проходит проверку: в мире где-нибудь его напечатают? Заметят?

Немного похоже на судьбу грузин или нивхов с чукчами в Советском Союзе: в Москве таких ребят напечатали, в Гослитиздате, – значит, классики, значит, и дома можно их холить и лелеять. Но сначала надо прославиться в Центре...

Моя «Присказка» вышла сначала в Рио-де-Жанейро на португальском языке, а потом уже вернулась к нам в Израиль. Потом она вышла в Штатах, в Европе... Много чего было с этой «Присказкой», название которой так нигде и не смогли перевести ни на один язык.

– Давид! Мы с тобою знакомы с середины 60-х. Ты же начинал как поэт и ярко. Куда ушла поэзия? Ты от нее отказался? Почему? Или сложнее – перекачал поэзию в прозу?

– Мне повезло. Я сначала учился с очень интересными ребятами в Литинституте, а потом с еще более интересными ребятами на Высших курсах сценаристов и режиссеров кино. Наш набор называли «лицедем»... Да, я писал стихи. Очень много переводил (так зарабатывал) с подстрочника, работа была. Стихи я в России напечатал дважды – один раз в «Юности», другой раз – в «Знамени», у Гали Корниловой. И это все. А прозу почти не писал и был уверен, что никогда писать ее не буду. А буду писать стихи всегда!..

Первый рассказ я показал Олеше Юрию Карловичу.

– Да ты что!

– Да-да. Маленький рассказ «На горе» – я его потом потерял. Это о том, как парень и девушка объясняются в любви и сидят на горе, а гора довольно крутая с травяными склонами. Это мешает им перейти к решительным действиям: они все время сползают вниз и не могут нормально устроиться.

– **Метафора?**

– Скорее реальность. Но там было несколько метафор, о которых Олеша и говорил. Например, у меня была «лесенка позвоночника» – он отметил. Прямые оценки он терпеть не мог, ненавидел... Мы сидели в кафе «Националь», я туда часто заходил, по два-три раза в неделю (там собирались остатки старой богемы, и они меня приняли, и я был самым молодым в их кругу). Олеша меня называл на «вы», хотя я был мальчишкой – мне было двадцать лет... И Олеша сказал так: «У вас есть хватка».

– **То есть отозвался о твоей прозе обнадеживающе?**

– Да, не отверг это дело.

Í à àà:àà à ÖÄË à 1960 ààà, ìííííííííí 65-èàòèè Í àààà Í ààèèà

*Ààààèè èè òò, òòíòò (ííííí - í àí ðààí): Àààà Í ààèèà, Ñàí àí Ðààèííàè-, Èàà Í àí ùèííàèè, Èííèò
Èààèà, Àààíí Àííòààí, ìííòò Àòíí Ààààèèí òòíòò (ííííí - í àí ðààí): Àèèííèíí Èààèè, Òòòàð
Í ààèèà, Ñàààèè Õàààèííèè.*

– Расскажи еще, кто ходил в «Националь» кроме Олеша?

– Еще из старших туда ход

ил и на меня огромное влияние оказал Вениамин Рискин, мой друг и друг раздружайший Олеша, а до войны – Бабеля. О нем Пирожкова в своей книге про Бабеля пишет подробно.

– **Он, Рискин, был журналист?**

– Он был писатель, но точнее так: он был человек устной цивилизации. Он так умел рассказывать! С писанием было хуже. Надо было записывать его сюжеты, но никто не записал. Он умер своей смертью, пережив Олешу года на четыре.

– А на что он жил, Рискин, где работал?

– На птичьи подаянья! Веня мог иногда написать репризу для цирка... Еще в «Националь» ходил регулярно Михаил Аркадьевич Светлов, Марк Ананьевич Шехтер сидел со своей палкой. Володя Бугаевский туда приходил, Тхоржевский. Все умерли.

Второй раз в жизни я показал прозу, если говорить о мастерах, Александру (Шере) Шарову. Ему понравилось.

Потом я сдал в издательство книгу прозы – она шесть лет пролежала: ее в «Совписе» перебрасывали из года в год. То год Ленина, то год юбилея Советской власти... У меня сохранилась внутренняя рецензия, где Игорь Виноградов писал, что какие-то куски рукописи ему напоминают молодого Горького.

– Неплохая параллель.

– Неплохая, согласен. Прекрасный прозаик (нам его просто в советской школе навязывали и искажали) и драматург – дай Б-г.

Должен вспомнить еще одно обстоятельство, которое на мою литературную жизнь повлияло. Эта история мне запомнилась четко. Уже на первом курсе Литинститута я рвался в поездки по стране. Просто рвался! Кто-то должен был посылать в командировки. И я начал работать внештатно в «Огоньке». Первую командировку мне дали в Киргизию. Я сам ужасно хотел в Азию, потому что я там жил в ссылке... Тянуло меня туда, тянуло.

Я поехал в Киргизию, написал очерк «Туннель». Приехал в Москву, сдал, пошло. Это была, по моему, моя первая серьезная публикация. Год 59-й... Мой очерк передали заведующему отделом иллюстраций, родному брату Кольцова. Не дай Б-г, не Ефимов! Нет. Это был третий брат – фотограф и заведомо иллюстраций «Огонька». Он единственный сохранил настоящую фамилию семьи – Фридлянд. Он меня вызвал и спросил: «Это ваш очерк?» «Да». Он и говорит (такой симпатичный был человек): «Вы знаете, мне очень понравился ваш материал». Потом мы разговорились, и он сказал: «Вы не будете ни поэтом, ни журналистом – вы будете писать прозу». Я с ним спорить не стал, хотя и сомневался. Это был простой очерк, просто были в нем какие-то метафоры. Больше ничего... Но он мне сказал, что я буду писателем, – и я эту историю запомнил.

– А мне твои стихи, знаешь ли, нравились... Я до сих пор помню наизусть одно четверостишие:

È ŷ, è ì àñèùñ àí èí ïí úé

Î àéáó ñ ï àé àí ï áðáí àñòü

Ûí òŷ àí ñé ï ðáá ï àèè ì èí ïí úé

È ñ èí ò ààè ï ðé ñ éí ð áá ï ñ é à ò ü -

так? Энергично было – и запомнилось... Из чьего рукава ты как молодой поэт вылетал? Из Киплинга, из Гумилева, а?

– Сложно ответить. Я тогда такой был темный! Откуда я вылетел в поэзии – ответить затруднюсь. Общий гул... Скорее всего пастернаковский. А Гумилев меня не увлекал по той же причине, по какой никогда не увлекал Грин. Розовая пена романтики, а костяка не видно.

– А в прозе кто были твои учителя?

– В прозе – скажу четче. У меня были два кумира – Андрей Платонов и Томас Манн. У Томаса Манна две вещи – «Иосиф и его братья» и гениальный роман «Избранник». Эти писатели так велики, что ни при каких условиях нельзя им подражать. И это великое счастье. Я могу видеть в них своих кумиров, но подражание? Нет, ребята, нет!

– **Когда ты впервые Платонова прочитал?**

– Когда он впервые в Союзе вышел, а Лева Збарский, если не ошибаюсь, его оформил. Начало 60-х. Книга называлась «В прекрасном и яростном мире». Она вышла первой в череде последующих... Я стал искать людей, которые знали Андрея Платонова.

– **И кого ты нашел?**

– Вику Некрасова. И он мне о Платонове рассказывал. Вика рассказывал, как он с Платоновым ходил по маленьким распивочным и рюмочным вокруг Литинститута. Заходили туда, выпивали по рюмке, начинались разговоры. И вдруг Платонов отключался – и только слушал разговоры людей за стойкой, за столиками... Он слушал язык там, где следует его слушать.

– **А где ты слушал свой язык, который у тебя, кстати, очень демократичный, чтобы не сказать народный?**

– Няня у меня была такая. У меня была няня, при которой я родился и которая с нами была в ссылке. Всю жизнь жила с нами как член семьи. Ее звали Лена Хохлова. Хаперская казачка. Она приехала в Москву молодая. Большевики погубили ее отца, муж ее умер от оспы. У нее был горбик, о котором она говорила так: «У меня перекошение талии с тяжелого подъему»... Она знала русский язык так, что просто диву можно было даваться. Диво! Это был настоящий живой русский язык.

– **Ты вполне мог погрязнуть в журналистике, как бывало со многими талантливыми, но недоволепившимися прозаиками... Что тебя заставило сделать принципиальный прыжок от очеркистики к серьезной прозе?**

– Я не увлекался журналистикой. Я относился к ней крайне легкомысленно. Моя специализация там и тогда была так называемая «экзотическая тема». Меня не интересовало строительство завода – меня интересовала охота на Памире, снежный человек...

Уїòáđ Ĩ áđéèè.

– **К кому же ты в Литинституте поступи́л в семинар?**

– Я тебе скажу честно. У меня уже тогда была идея из Советского Союза слинять... Что такое свобода, я почувствовал впервые в жизни в условиях несвободы, в ссылке. И я дальше всегда хотел быть свободным евреем в свободной стране. Я хотел быть евреем – это серьезно. И когда я в ссылке впервые читал Фейхтвангера, я читал эту книжку не как третье лицо, а как человек оттуда. Этот роман – «Иудейская война», повторяю снова и снова, сделал для меня очень много.

– **А как такая книга попала в глухую ссылку?**

– Кто-то привез... Кто-то прислал... Не помню. Неважно. Может, у брата взял. (Он потом, как известно, писал комментарий ко всем трем томам.)

– **Симон тебя на сколько был старше?**

– На семь лет.

– **Мы потом о нем подробнее поговорим. Ладно?**

– Да. И вот я уже в ссылке абсолютно точно понял, что потрачу жизнь на то, чтобы оттуда уехать сюда. Не потому что там было плохо. Потому что здесь было хорошо.

Աստի՛ն Ն՛սի ի՛ն.

– **А ведь ты очень любил Россию и был самым что ни на есть российским человеком... И любишь, конечно.**

– Конечно. Это страна, где я вырос. У меня никаких никогда не было к ней претензий, хотя меня обвиняли черным образом, что я – русофоб и так далее. Глупости на постном масле. Я не любил, ненавидел и до сих пор ненавижу коммунистический режим Советского Союза. Это – кошмар, чего мне тебе рассказывать. Но русский народ к этому отношения не имел никакого.

– **Такая же жертва, как остальные народы «союза нерушимого», да?**

– Абсолютно. Власть есть власть, народ есть народ. Его нельзя обвинять. Глупости это все! Если шайка негодяев наверху, то при чем здесь народ? Меня никогда не интересовало, кто какой национальности... «Ты какого цвета?» «Красного!»

– **О чем бы мы с тобой ни заговорили, ты каждую минуту говоришь: «Этот с нашего курса... Эта с нашего курса...» Что же это за курс такой волшебный был?**

– Айги. Старше курсом – Белла, Юнка Мориц, Ваня Харабаров, Юра Панкратов... Куняев был серый как мышь. Хоть бы острый был. Нет, серый. Вынесло его известно куда.

– **А с кем ты учился на сценарных курсах?**

– Там были ребята... Ну, просто я тебе скажу, блеск! Скажу. Я два года учился в мастерской Габриловича с Андреем Битовым. Рустам Ибрагимбеков. Талантливейший Резо Габриадзе. Володя Маканин. Грант Матевосян. Гоша Полонский. Такая там крепчайшая получилась мышца.

Ī à ĭ ĩāēá ááàà

– Поговорим же наконец о твоей романистике. Я с интересом прочла роман «Стать Лютовым», но недопоняла, чего в нем больше – документалистики или художественного начала. Вот и в критике спорили: он – о Бабеле? Или не о Бабеле?

– Этот роман не о Бабеле, а об Иуде Гросмане. Но вспомним первый мой роман. Это была «Присказка» (мы о ней уже говорили). Объемная работа. Я ее писал, сидя в отказе. На мой взгляд, она слабенькая... Например, в одном месте я написал главу, забегаю вперед, а этого делать не следует никогда. Надрывается хорда романа. А это антисага. Высвеченные куски памяти как композиционный прием. А когда не прием, но просто мне захотелось сдвинуть главу вперед, то она туда ложится со скрипом и колесики не подходят.

– Роман «Белый круг» посвящен личности легендарного художника Калмыкова, малоизвестного в широких кругах гения... Как ты на эту фигуру вырулил? Расскажи.

– Юрий Домбровский, замечательный писатель... Он был удивительный человек. Так вот, я прочитал его «Факультет ненужных вещей» и спросил: «Юра, скажите, вы этого художника реально видели или вы его выдумали?» (Он, герой-художник, которого Домбровский помимо героя главного провел через весь роман, меня особенно заинтересовал.) Юра ответил, что он его видел, был с ним знаком и так далее, и так далее. Таков был мой первый интерес к Калмыкову. А потом я писал очерк о Лисицком и начал заниматься в этой связи русским авангардом. И тут всплыло имя Калмыкова (на мой взгляд, невозможно говорить о русском авангарде вне этого имени). Я считаю, что в авангарде есть четверка великих: Малевич, Филонов, Лисицкий, Татлин. И пятым в этой группе является Калмыков. Он никогда не занимался тем, чем занимались эти четверо, – у них у всех были «школы», даже у Филонова. Этот же за собой никого не вел – он работал сам. Учился он у Петрова-Водкина. В 18 году он бежал от большевиков и писал потом Луначарскому: «Видите, можно жить в провинции и быть неплохим художником», – о себе.

Он бежал в Оренбург. И там он – как Шагал Витебск – пытался раскрасить город. К какому-то празднику хотел раскрасить дома, чтобы сверху они выглядели абстрактной композицией. У него были особые отношения с Космосом... Он, прямо скажем, не относился к самым уравновешенным людям. Но не был ни маргиналом, ни сумасшедшим. Писал вещи, гениальные совершенно! Взять его письма к Кандинскому. Там он писал о точке и о ее значении в изобразительном искусстве, тем самым противореча Малевичу. Не квадрат – основополагающая доминанта, а точка. (А квадрат есть обтесанная точка.) Десятки сотен рукописных страниц – его трактаты.

– Теперь расскажи немного про книжку рассказов, которая вышла в «Олимпе».

– Ты же знаешь, что издать книжку рассказов – довольно тяжелое дело. И на Западе еще сложнее, чем в России. Так что я этой книжке очень рад.

– Почему что-то у тебя «тянет» на роман, что-то на повесть, а что-то на роман? Какова связь темы и объекта повествования с объемом и жанром вещи?

– Можно налить спирт в столитровую емкость. А можно – в чекушку: 250 граммов. Естественней разлить по чекушкам... А вообще-то, мне проще управляться с формами более объемными, чем рассказ.

– Кто тебе особенно близок и интересен из современных писателей?

– Думаю, один из лучших романов второй половины XX века – это «Андеграунд» Маканина. Хотя он меня вначале, скажем так, нервировал приемом со скобками, но потом я привык к этим скобкам, как привыкают к костям в рыбе. Мне кажется, что хороший прозаик – Слаповский. А к такой обильной «женской прозе» я... спокоен. Например, к «Кыси».

– А Искандера любишь? (На мой взгляд, у вас много общего.)

– Очень. Но только он, на мой взгляд, слишком завинтил рамку. И из нее практически не выходил и не выходит. Его тематика, его стилистика... У него нет широкого романного поля. А «Сандро из Чегема» – это скорее сага в рассказах. А для меня роман – другое. Когда я писал эту штуку, «Белый Круг», я писал роман по всем законам жанра. Сначала – пучок линий, потом они расходятся, а в конце, на последней странице, они опять сходятся. Ни один герой не потерян, и никто никуда не делся. Там должен быть пейзаж, должен быть портрет. То, чего теперь почти не делают. Это – мода. Люди идут за модой. Мода на скудость. Мода на то, что они называют модерном... Никогда роман не умрет, пока существуют глаза у человека. И книжку никогда не подменит компьютер.

Вот ты спросила меня, почему так резко закончилось мое стихописание. Я почувствовал, как из воздушного шара словно бы выходит воздух, – так и из меня... Это было в пору, когда я сидел в отказе. Мне уже исполнилось тридцать. Я ощутил, что у меня нет больше тяги писать стихи, а появилась, слава Б-гу, тяга писать прозу. Кстати, поэтическую прозу я терпеть не могу!

– Кого, например, ты имеешь в виду?

– Борис Леонидович Пастернак писал поэтическую прозу. Он в «Докторе Живаго» сводит и разводит героев совершенно произвольно, при неестественных обстоятельствах. Сводит и разводит, как ему вздумается, как Б-г на душу положит. В стихах – ради Б-га. Любые коллизии своди и разводи. «Все вернулось так же беспричинно, / как когда-то странно началось...» Но проза (роман особенно) – вещь иная: все попытки расшатать структуру обречены на провал. Роман – это жанр, который построен на определенных правилах. И если ты пытаешься их разрушить, то ты прозу не обновишь, не «модернизируешь». Роман есть роман, и он подчиняется законам своего жанра.

– Значит, поэзия в тебе все же осталась?

– Конечно. Это как на велосипеде кататься – никогда не забудешь. Или плавать. Десять лет не плавал, а потом раз – и поплыл. Поверь мне, что я и сейчас могу написать «Венок сонетов», если очень постараюсь. Навык не уходит, просто ушла потребность излагать свои чувства и соображения в такой форме.

יָאָדוֹ, מִיִּי אֲבֹתָא, אִיִּי אֲבֹתָא

– Твой брат, выдающийся ученый Симон Маркиш (его и аттестовать тут не надо), совсем недавно ушел из жизни. Я знаю, как вы друг друга любили... Это просто была родственная любовь? Или у вас была и литературная близость?

– Одну из своих книжек я Симону надписал: «Моему соавтору...» Почему? Ни одной моей строчки, я имею в виду прозу, не было опубликовано без того, чтобы Симон ее не прочитал. Он был моим единственным редактором. Но он считал, что я делаю это достаточно организованно, поэтому правки его были минимальны. Они касались документальных ошибок, отдельных слов... Однажды мне надо было сократить роман на 100 страниц (а всего там было 350), я сам просто не мог взять нож и резать-рубить. Я просил его помочь. Он сократил роман для журнальной публикации в «Знамени». Здорово порезал как редактор... Симон все мои вещи читал, и мы с ним много говорили...

– А более общие – не просто редакторские – советы тебе Симон давал?

– Никогда. Он занимался русской еврейской литературой. И он считал, что я достаточно типичный представитель этой литературной поляны.

– В чем же твоя типичность?

– Я – еврей, связанный духовными интересами с еврейским народом, с его обычаями, с его историей прежде всего. И – пишущий на русском языке... Вспомним первую половину XIX века. Иосиф Рабинович. Богров. Леванда. Они писали по-русски (потому что еврейская интеллигенция, она и в те времена читала по-русски), а тематика и интересы этих авторов были связаны с еврейством всегда... Таков Гроссман. «Жизнь и судьба» – это великий роман. На мой взгляд, один из четырех основополагающих романов русской литературы. «Война и мир» – «Тихий Дон» – «Красное колесо» (хороший ли, плохой) – «Жизнь и судьба».

– Скажи честно: ты полностью прочитал «Красное колесо»?

– Первый Узел читал с карандашом. Потом, дальше, не смог. Надоело... У Александра Исаевича не получается женский образ. Зачем-то он тетку ввел в «Красное колесо», которая на героя скачет, как амазонка на коне... Что это такое? Что-то не то. Не получается.

Но вернемся к Гроссману. Он – военный писатель, скажем так, наряду с другими военными авторами. Мог ли Симонов (а ведь он писал совсем неплохо иногда) написать такое, как у Гроссмана, письмо матери из концлагеря? Как пошел газ... Это мог написать только Еврей Еврейч. Только. Больше никто. Надо быть евреем, чтобы прочувствовать то, что Гроссман, когда он писал этот кусок. Не потому, что он писал о евреях в русской жизни – это может любой прозаик, – а потому что он еврей. Это и есть мое определение русской еврейской литературы.

– А помнишь, был такой писатель – Борис Ямпольский?

– А как же! Я знал его. Мы с ним выступали иногда вместе очень активно, на Взморье. Он так делал. Звонит по телефону (передразнивает еврейский акцент Ямпольского. – Т.Б.), зовет бабу. Там: «Ее нет. А кто спрашивает?» Он: «Передайте, что звонил Иванов» (грустно смеется. – Т.Б.). Потрясающий писатель. Его «Московскую улицу» напечатали только в 88 году. Язык какой! А как он передал ощущение страха... Он сам боялся, и я тогда, когда мы тесно общались, его главной прозы не знал.

– Бориса Слуцкого ты знал?

– Знал и неплохо. Сима с ним дружил. Он иногда приходил к нам домой. Когда мне было лет 18, я ему прочитал поэму (называлась «Синий крик»), и он сказал мне, что ему поэма не нравится, но когда ему было 18 лет, он писал хуже... Прекраснейший поэт! Абсолютно сам по себе. Он как Андрей Платонов: за 100 километров его интонацию, единственную в своем роде, различишь. Они оба слышали простых людей. Впрочем, людей других не бывает. Все люди – и простые, и непростые. Есть дураки, которые делают вид... На мой взгляд, необходимо – особенно если ты занимаешься литературой – быть с в о и м в любой среде: от бандитов до академиков, которые говорят на своем птичьем языке.

– Коли мы заговорили про академиков, то – вопрос... Давид, ты не задумывался, почему в России отношения интеллигенции с властью часто принимают довольно безобразные формы? Как сказано в одном из недавних стихотворений Искандера (вот прозаик, который никогда не расстаётся до конца с поэзией): «И отвращенья апогей/ – инакомыслящий лакей»...

– Это беда России, а не людей. В Израиле заподло интеллигенту льстить власти и вообще к ней приближаться. Власть – коза. Удастся за титьку схватить и чего-нибудь выжать, хоть каплю, – хорошо. Власть приходит и уходит.

– А воспевать власть как Прекрасную Даму?

– Не-е-ет. Это непристойно. Одна из бед России в том, что она освободилась от рабства в 1861 году. Все воспевали рабство как замечательный уклад жизни, очень привлекательный и теплый. Хозяин любит раба – раб любит хозяина. Ну, посекали немного для порядка на конюшне... В истории ничего не проходит просто так. До сих пор слышен трепет раба по отношению к хозяину. Это осталось. И еще: есть две стороны медали (а то и три) – отношение интеллигенции к власти, но и отношение власти к интеллигенции.

– Каково же в России, на твой взгляд, отношение власти к интеллигенции – сквозное?

– Брезгливый страх. А второй слой – зависть. Страх, потому что неизвестно, чего от них, от интеллигентов, ждать. Все им, черт возьми, плохо. А зависть – желание царя остаться в истории. Мы же не ставим своей целью залезть на бронзовую лошадь... И вот тут начинается зависть. Они завидуют людям искусства, потому что люди искусства без видимого труда в историю входят и там остаются. Вот власть и скребёт в затылке: «Подумаешь, написал книжонку или песенку спел, – и останется, в белом пиджачке! А я, лидер партии, скорее всего в дерьме останусь. А?»

– Ну, не все. Петр Первый остался в русской истории и как положительное начало. Несмотря на кровь. Да?

– На мой взгляд, это был единственный настоящий и последний русский царь. Он, конечно, не совсем был в порядке. Депрессии жуткие случались. Пьяница, бабник, психопат... Но он был великий царь.

Первая депрессия была из-за стрельцов, вторая – когда туркам чуть не проиграл. Но зачем он рубил окно в Европу? Кто его туда подпихнул, к подоконнику? Сводник повел его к Анне Монс. Монсиха с ним спала, и он с ней спал, и все это было приятно-хорошо... И вот Петр обнаружил, что на Монсихе надеты трико с кружевами, – и это его совершенно потрясло. Царь впервые пришел на Кукуй – русские цари на Кукуй не ходили, им это было заподло. Пришел: чисто, занавесочки на окнах, герань растет, баба – в подштанниках с кружевами... И ему это понравилось! Образно говоря, Петр попытался надеть на Россию панталоны с кружевами. Но зад не тот.

– Это твоя метафора?

– Моя. Да. Зад оказался великоват не по объему, а по сути. Попробуй надень на русский народ немецкий камзол. Порвется к чертовой матери. Понимаешь? И Петр съехал с катушек окончательно, когда увидел, что ничего не получается из того, что он наметил. Часть получается. Немножко. Но он понял, что при своей жизни он не увидит того, что хотел бы увидеть. Россия останется Россией – и в этом ее прелесть и ее беда. В том, что она – между Азией и Европой. Тот будет героем и настоящим царем, кто сумеет определить Россию как самодостаточное явление. Не ориентированное на Запад и не ориентированное на Восток. А до сих пор – то халат с Востока, то немецкий камзол...

– Когда вышли в свет твои «Шуты», были ли отклики со стороны литературной критики и исторической науки?

– «Шуты» вначале вышли не в России – в России тогда еще большевики сидели. По-русски книжка вышла моя в России только два года назад.

Был историк, который писал, что я все переврал. Что я оскорбляю русский народ. А просто дело в том, что там есть такой кусок: любознательный Петр заглядывает к Шафирову на еврейскую Пасху, а есть сведения такие, что вице-канцлер Шафиров под париком понашивал ермолку. И еще что он не ел свинину

(вот это уже точно: его сын, гуляка, говорил одному прибалтийскому резиденту, что папа свинину в пищу не употребляет, и резидент тут же послал об этом донесение своему шефу...) Петр приходит к Шафирову без предупреждения, а там собрались за столом одни евреи на религиозный праздник, собираются пить «пейсаховку». Праздником командует строгий еврей Борух Лейбов, за букву религиозного Закона готовый жизнь положить (его и сожгли на костре при Анне Иоанновне, против Гостиного двора: доигрался). Этот Лейбов сурово объясняет русскому царю, что еврейскую Пасху встречают обязательно в ермолках – и протягивает шапочку Петру. И Петр решает играть по правилам и надевает ее на голову... Картинка кое для кого получается неинтересная: царь в кипе, стыд и срам! Все равно, что Николай Второй натянул бы ермолку или Сталин нацепил вместо генералисимовской фуражки. Эт-га что ж такое, братцы-кролики! Иностранец наступает, хватает просто за глотку!

Вообще, критика мало писала о «Шутах», потому что в России эти два романа – «Шуты» (в российском издании они называются «Еврей Петра Великого») и «Стать Лютовым» – вышли почти одновременно. И писали очень много о «Лютове», а мой Петр ушел в тень. Там важно для меня само полное название: «Шуты», – а дальше так: «Или хроника из жизни прохожих людей». Речь у меня шла о том, что евреи в России – это прохожие люди. Нет, не проходимцы. Они проходят сквозь любую страну – 200 лет вместе, так 200 лет вместе. Со времени присоединения Смоленска при Алексее Тишайшем. Так вот. Эти люди как пришли, так и уйдут. Кое-кто растворится в русском этносе, скажем так. И то не до конца растворится – камешком останется в той земле. Будет камешком лежать.

– Каков твой личный прогноз относительно евреев в России?

– Конец наступает. Почему? Не знаю. Это поколение русских евреев вымрет – умрет. Дети ассимилируются так, как всегда ассимилировались евреи в течение своей истории. Два поколения ассимилируются, а потом подрастают правнуки, которые говорят: «Что-то вы тут засиделись!» И уезжают. По большей части, сюда.

Первый мощный поток евреев из России был в начале XX века – после погромов. В Палестине им было очень плохо: плохо, жарко, крокодилов много. И они сюда не едут, а едут за океан...

Надо понять концепцию здешней жизни евреев. Еще до разрушения Второго храма, то есть до 70 года новой эры, больше половины евреев жили в странах рассеяния – не здесь. В Александрии, в Риме... Они разъезжались по всему свету – как цыгане. Недаром говорят: «Еврей рождается с чемоданом в сердце».

– Ты согласен с этой формулировкой?

– Да. Согласен. К сожалению. У евреев есть такая национальная особенность, как склонность к непроживанию на собственной земле. Почему – другой разговор. Вот разница между американским евреем и российским. Американские евреи доказывают себе самим и окружению, состоящему из основного, «табельного» народа: они, дескать, не хуже – они лучше. Они охотно втягиваются в сумасшедшую конкуренцию, они достигают успехов в бизнесе. У них есть деньги, они занимают посты в прессе, в аппарате президента. «Мы не хуже вас – мы лучше вас. Мы должны быть лучше, иначе нас затопчут!» – так они вслух не скажут, но между собой подумают. Здесь, в Израиле, так никто не будет выступать и так не скажет. А в России еврей всегда говорил: «Гои... Ну что с них взять?» Но там не деньгами брали в первую очередь, представь себе, а отвагой. Вот то, что делал Бабель. Он говорил: «Я не хуже их – я тоже могу пашкой махать!» И получалось. И льнул к крови...

Я на своем примере скажу. Я в возрасте лет 25-ти сказал самому себе: «Я убью барса». Или: «Я залезу на Памир».

– Ты думаешь, это у тебя шло от еврейского самоутверждения?

– Абсолютно так. Я докажу, что я первый еврей, который взшел на ледник Федченко... И ходил зимой и летом. А там можно было запросто разбиться, гробануться без всякого напряжения. Было здорово!

– А как ты вообще с этим справился?

– Занимался альпинизмом. Ходил. Ездил на лошади. И довольно высоко... Таня, евреи покинут Россию. Оставшиеся сольются с русскими. Попытка возродить старые механизмы всегда обречена на

провал. Время ползет не вспять, а либо вперед, либо вбок. Эта попытка возродить еврейскую жизнь в России есть уход вбок. У нее нет будущего.

– А русские синагоги? А многочисленные еврейские общества, в частности, в Москве?

– Очень хорошо. Они ходят на лекции, они активничают... Но это все – для тех, кто пытается руководить процессом. Они считают, что это «мицва», что это очень хорошо.

– Каково будущее русских евреев в Израиле?

– Наше поколение умрет. Останутся наши дети – израильтяне, отличные от нас израильские евреи, уроженцы этой земли. Это совершенно другой компот. Израильтяне – это нация. А те евреи, которые живут в других странах, это очень сомнительная вещь. И никакого культурного сентимента по поводу страны моего исхода у моих детей нету. Люди, которых привезли сюда до школы и которые прошли армию (главное, пройти армию), – они суть полноценные израильтяне. Да, моя бабушка родилась, допустим, в Житомире... Ну и что из этого?

– Поняла. Вернемся к литературе. Пока вы, «русские евреи в Израиле», не вымерли, есть ли у вас здесь своя литературная жизнь?

– Она – копия нынешней российской литературной жизни, только в значительно уменьшенном масштабе. Есть правые, есть левые, есть патриоты, есть антипатриоты. Все хотят печататься... Есть и организации, и группы, и группировочки, и одиночки вне организаций. И выпивание водяры очень активное.

– А чем закусывают?

– У нас дешевая закуска. Боря Камянов не станет салом закусывать, а я могу и салом. Поеду в магазин, куплю шматок, нарежу – хорошо! И это никакой никому не вызов, просто мне так нравится.

– Дина Рубина, Губерман, Феликс Кривин, Канович, Светлана Шенбрунн – эти писатели весьма уважаемы и популярны в России... Есть ли у вас тут общие журналы или альманахи?

– Самый главный альманах такого рода – это «Иерусалимский журнал». Встречаемся реже, чем хотелось бы... В Иерусалиме еще иногда собираются вокруг «Иерусалимского журнала», и это – кайф, а тут, в Тель-Авиве, почти не видимся. В Союз писателей редко кто ходит... Да и это все – только пока мы живы.

– Мне говорили, что ты хочешь собрать воспоминания о твоём брате Симоне. Так?

– Игорь Бяльский выпустит

специальный номер «Иерусалимского журнала», посвященный Симону. Там будут и его тексты, и о нем. Что касается книжки, посвященной Симону, то я вот что хочу сделать: человек пишет 5-6-7 страниц (сколько хочет) об одной встрече. А к этим страничкам подверстывается одно или два письма Симона, адресованные этому человеку. Только-только начинаю работу... Таких людей, которые сохранили тягу к эпистолярному жанру, немного. Все съел телефон. Вот и я с ним почти не переписывался: говорили по телефону и виделись очень часто. Я сам писем почти не пишу. А Симон писал. Он только в последний год стал компьютер осваивать... А так – пишущая машинка. У него был колоссальной красоты «Ундервуд» из какой-то германской канцелярии.

– Симон разделял твои взгляды на еврейский вопрос?

– Стоял очень близко.

– Почему многие евреи не хотят жить в Израиле?

– На мой взгляд, потому что евреи хотят жить хорошо материально. Евреи в России, они – что? Либо они занимаются культурой, либо торговлей. Маленький бизнес. Торговля воздухом. Козыми

копытами. Покупаем свечки – продаем колбасу. Есть знаменитый анекдот. Идет корабль из Америки в Израиль. И встречает другой корабль, который идет из Израиля в Америку. И там, и там на палубе стоит по еврею. Один другому (и наоборот) вот так показывает – крутит пальцем у виска. Дескать, ты сумасшедший.

Вся история еврейства в том, что евреи все время куда-то едут. Мы сами знаем за собой эту национальную черту. У нас есть такой религиозно-этический закон, не обязательный, разумеется, к исполнению: если еврей приехал в Израиль, уехать отсюда он уже не может, потому что ему здесь хорошо и замечательно по определению. Но есть две причины, по которым еврей все же может ехать из Израиля на все четыре стороны: совершенствоваться в знании Священных Книг и зарабатывать деньги, если их не хватает на хлеб в родных пределах. Всё. А если есть у тебя занятие и деньги, то сиди на месте.

...А вообще, многие евреи тут жить побаиваются: опасно, арабы взрывают. Есть на земле места и потише. Так пусть будет скучно!

– Как ты относишься – теперь уже со стороны – к краху Советского Союза? Как это повлияло на литературу?

– Я думаю, что крушение Империи – самое значительное событие XX века. Более значительное, чем война. И чем 17 год. Это было неизбежно. Нет вечных империй. Но никто из нас не верил, что мы доживем до этого дня. Никто – в том числе и Амальрик. Кто говорит, что верил, врет. И за это надо благодарить тех, кого коммунисты хотят судить.

Реванш невозможен. Может быть, нечто другое, не менее страшное, но не такое. При всех издержках... А без издержек империи никогда не разрушались.

На мой взгляд, самое большое несчастье, которое существует в сегодняшней России, это то, что выдавалось за огромное счастье при коммунистах, а именно – многонациональность. В России живет около ста народов. Как было, так и есть. Сепаратизм неизбежен. Сегодня Кавказ, завтра татары... Это зеленый пояс – снизу доверху. Русские люди говорят: «Ну и что? Живут же французы как во Франции, так и в Швейцарии, и ни в чем себе не отказывают». Но русские – не швейцарцы, а Казань – не Париж.

– А будет ли восстановление культурных связей?

– Думаю, что да. Культура идет вровень с торговлей, может, даже на полкорпуса впереди.

Ὁ ἀδελφὸς Ἰσραὴλ ἐστὶν ἡμεῖς.

– Как ты полагаешь, что провоцирует порой даже лучших русских людей на безобразность антисимитизма?

– У меня такое ощущение (об этом много говорили), что эти люди на фоне русских неприятностей хотят иметь образ врага. Искать его наверху, во властях, опасно и не принято.

Теперь евреев заменил Кавказ. Но Кавказ не занимает такого места в русской культуре, поэтому в левой интеллигенции к Кавказу неприязнь все же меньше, чем к евреям. А евреи всех, дескать, стремятся

редактировать... Астафьев в «Царь-рыбе» показал, как русский человек съел медведя, сожравшего, в свою очередь, лучшего друга этого русского человека. Дикая история и ужасная... Если бы этого медведя съел еврей, то еврей бы на ушах стояли... Астафьев одинаково нелицеприятно писал и о русских, и о евреях, и о грузинах, – жестоко. И о поляках... Он был такой мизантроп. Но от этого он, как и Достоевский, не стал писать хуже. Лучше – может быть.

А вообще, не нравятся евреи – не общайтесь. Никто никого не обязан любить. Ситуация, как правило, обостряется дураками. Она должна быть сбалансирована. Евреи всю свою жизнь говорят: «Здесь нас любят, а там нас не любят». Так не бывает. Это демагогия. Мужик может любить бабу или наоборот. Но чтобы народ любил народ... Сами такие разговоры бессмысленны и вредны, они ведут к хамству и к войне.

Антисемитизм есть омерзительное социально-политическое явление. Точка. Но любовь к евреям – почему? Потому, что я еврей? Это дико, к тому же в этом нет моей заслуги. Потому что мы дали Библию? Но я ее не писал.

Я не думаю, что мы, евреи, – это избранный народ. Я думаю, что евреи – это народ избравший. Это разные вещи. Нет, ребята, вы перепутали, когда Б-г шептал вам что-то в ухо. Или передернули.

Вы избрали Единого Б-га – и это великое дело.

Î àðð 2004 Ôàÿÿ-Àààá Êÿóàíÿ á ÿÿéá

ДВЕ ЖИЗНИ СОЛДАТА ЯНКЕЛЯ

Nai ai Oioi ai

*Nosae iteodida i eeeei ita aaaa, nlae aaeoony a adi eyo mbrceeta i di oea i aoeio ia
aue e itoite es Aaaaieeta - Bieau Aeeat - ee Aaaa ee aia eii o i eaaui ia aieia i deaeet oaeia
«aaaeieia n- aioia». I aueioai i ue i aa i aaoiyoite nuaa y ia daç i uo aeny oç i aou i i aoi ai i no e o
ni i a Bieau Aaoua, ei oioie aai i aeaaò m iaae ni ue a Epaee a I i aia i o eaaiaae daç a i d*

*Oi aa çatei aee iafoeiaia aaaa, oi n daaiou i deoiaee i aoi i euef aoi aei i, o i ia
oaa aei nee aaaaouny a ai m i i eiaiey. Aa e aiaia.. Efi o yoi iue: aii i aeo aii ou ei o aai i i? I aei
ee o i nee: aei m i ia oie noaeiie aeia? B i aoi e: eaf a i o aae: «Aiee i deaaaeaaouny a eio
oaeoia i ieo: aaoi, o i ou, Aioy, oiaeei y - aiaç - aou da aia i i n e a o i a, eae o aie o i a i e i o a o
i i a i dae i y i a i eia e aue i i o i o i a i i i a Eoi o i e e m i ... I a i o u a e e p a e o ç i a p o e i o i d e p m e a a o a, a
ei o i o p i a i i a e i i a d e o u a a e a a i i a i i i e: a i a l»*

И вот мы сидим, как водится, на кухне в доме Виленчиков, нависающем с холма над тихой улицей иерусалимского жилого массива Гило. Уже стемнело. Стало чуть прохладней после нестерпимого зноя, принесенного душным хамсином. Я внимаю рассказу и стараюсь не упустить ни слова из того, что Баруху известно о ратной биографии отца, начавшейся, как у многих его сверстников, в 1941 году.

Когда немцы уже находились на подступах к Даугавпилсу, Янкель Виленчик с женой и маленькой дочкой успел эвакуироваться. Позднее, в России, они разлучились. Янкеля призвали в армию и направили в Гороховецкие лагеря, где формировалась латышская стрелковая дивизия. А оттуда – маршбросок прямо на фронт, в самое пекло кровопролитных боев под Москвой.

Подразделение, куда попал бывший портной, состояло большей частью из еврейских парней, слабо знавших русский язык. Янкель и вовсе не умел грамотно связать на нем двух слов. Он мог изречь, к примеру, такую фразу: «Мой жена остался с ребенком». Солдаты общались между собой на идише, а команды звучали на латышском. Им Янкель владел свободно, как, впрочем, сносно изъяснялся и по-польски, и по-литовски, и по-немецки.

Еще в лагерях, когда велась строевая подготовка мобилизованных, командиры обратили внимание на хорошую выучку евреев. Почти все они прошли школу латвийской армии. А Янкель в 39-м

году служил в Елгаве капралом-инструктором. Потому его произвели в старшие сержанты, а вскоре назначили старшиной роты.

Он воевал под Нарофоминском, Боровском, Елагиным, долгие месяцы провел на передовой под Старой Руссой. Войска, особенно при обороне Москвы, несли огромные потери. Не сосчитать, сколько боевых друзей Виленчика полегло на русских полях. Но его самого щадила судьба – до поры, до времени. За три года войны он отделался лишь одним легким ранением.

Настало лето 1944 года. Под натиском войск Второго Прибалтийского фронта немецкие дивизии откатывались на Запад. С 18 июля преследование врага велось уже на латвийской территории. В середине августа, освободив Мадону, армия разворачивала наступление в рижском направлении. И на этом пути был Крустпилс – один из очагов ожесточенного сопротивления немцев... Здесь группа разведчиков, включая Виленчика, попала в засаду и под сильным огнем в сумерках вынуждена была отходить по минному полю. Когда прогремел взрыв, солдаты увидели бездыханного, окровавленного Янкеля. Три еврея, три давних друга по оружию, не могли отступить, покуда не предали земле тело своего старшины. Его погребли на приметном месте, у дороги. Могилу накрыли еловыми ветками, а на дереве, что росло поблизости, сделали саперными лопатками засечки.

Те трое дали друг другу слово: если кто-нибудь из них дождет победы, то поведаст супруге Янкеля об обстоятельствах смерти ее мужа и покажет эту могилу. В живых остался только один – по фамилии Шецер. Он демобилизовался в 1945 году и, поселившись в Даугавпилсе, сразу стал разыскивать вдову друга, всюду расспрашивал о ней. Но безуспешно.

Через два года, в 1947-м, Шецер однажды встречает на улице знакомую женщину, и она ему говорит: «Вы, кажется, искали когда-то жену Виленчика? Так Роза недавно вернулась вместе с мужем... Живут они с дочкой в Доме инвалидов, там у них комната...»

Шецер вздрогнул: как это так «вместе с мужем»? Наверное, Роза успела выйти второй раз замуж...

Свидетель гибели старшины поспешил в Дом инвалидов, и, когда Роза ему открыла дверь, и перед ним предстал живой Янкель Виленчик, бывалый солдат не устоял на ногах. Он потерял сознание и не приходил в себя, пока не подоспела «скорая помощь»...

О том, что случилось, сам Янкель узнал, находясь в госпитале. Как долго он пролежал в земле, ему не сказали. Но сообщили, что его извлекла из могилы трофейная рота, проходившая по местам боев с собаками. Одна из них остановилась у свежего холмика, залаяла и, раскидав еловые ветки, принялась разгребать песок...

Его отправили на лечение в глубокий тыл. Врач-майор, желая его спасти, требовал немедленной ампутации обеих ног, а он на свой страх и риск не соглашался. Разведчика «собирали по частям», резали, латали, выхаживали два с половиной года подряд. В конце концов его выписали «на инвалидность», он нашел жену с дочкой, и тогда они возвратились в родной город.

То, что с ним произошло, Янкель называл словом «нэс», что в переводе с иврита означает «чудо». Был он верующим и после войны посещал единственную оставшуюся в Даугавпилсе синагогу. На хлеб зарабатывал портняжным ремеслом или торгуя всякой мелочью в киоске. Знавшие этого тихого, скромного человека свыклись с его маленькой причудой: во дворе ли, на улице ли он норовил приласкать любую встречную собаку...

В 1967 году его похоронили в еврейском секторе городского кладбища, где поставили памятник с короткой надписью: «Я. Виленчик. 1914–1967». Сохранились немногочисленные награды Янкеля – два ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу» и одна – «За боевые заслуги».

Роза пережила мужа на двадцать с лишним лет.

О Шецере больше ничего не известно. Мы не знаем даже имени солдата, который выполнял святой долг перед памятью товарища и убедился в том, что на свете бывают-таки чудеса.

АД И РАЙ ВАДИМА СИДУРА

Ī adē Ūādēōīīā

1968 год.

В марте 1974 года мы с женой, художницей Галиной Эдельман, пришли в мастерскую Вадима Сидура поговорить, не возьмется ли он сделать памятник нашему погибшему другу, поэту и правозащитнику Илье Габаю. Галя была хорошо знакома с Сидуром лет 15–12 назад, с тех пор не виделись, я примерно столько же лет был о нем наслышан, но оказался в его Подвале (он сам писал это слово с большой буквы) впервые.

Хорошо помню первое впечатление – впечатление мощного, своеобразного художественного мира и в чем-то очень близкого человека. Первое понятно, хотя в отдельные скульптуры я по-настоящему взгляделся лишь потом и продолжал вглядываться, уясняя их смысл, многие годы; но откуда это мгновенно возникшее чувство близости? Сам повод нашего прихода, разговор об обстоятельствах самоубийства Габая (на которого после освобождения из лагеря продолжали жестоко давить наши спецслужбы), располагал к откровенности; не было сомнений, что мы говорим с человеком своим, и Сидур действительно с готовностью взялся сделать эскиз памятника.

Лишь годы спустя, уже после Диминой смерти, я – испытав некоторый шок – узнал из его записей той поры, что он заподозрил в нас людей «из шкатулки», то есть подосланных с определенной целью. (По ходу разговора я, помнится, еще вызвался перевести для Сидура статью о нем из западногерманской газеты.) Этот штришок стоит многого, он характеризует не столько нас или его, сколько время, искажавшее нормальные человеческие отношения, когда именно естественный разговор казался неестественным и вызывал подозрения. «Бойтесь новых знакомств! Не пишите дневников! Будьте бдительны!» – записывает Сидур – в столбик – требования, навязываемые этим временем. Записывает, можно бы тут заметить, в дневнике.

Хотя дневником в обычном смысле слова назвать эти записи все же нельзя. Я знакомился с ними, когда они представляли собой еще неоформленный ворох бумаг, напечатанных на плохой машинке. Два года назад их малая часть была упорядочена и опубликована в виде книги, озаглавленной «Памятник современному состоянию» с подзаголовком: «Миф». Сам Сидур в тексте книги, над которой работал из года в год, называл ее «Мифом», слова о «современном состоянии» можно поместить, наоборот, в подзаголовок. В записях, часто не датированных, говорится о повседневных делах, о работе, приводятся обширные выдержки из газет и радиосообщений, здесь можно найти воспоминания о детстве, о работе в колхозе и на

заводе, о военной молодости, послевоенной жизни – и фантастические образы, возникающие в воображении художника, поэтические, философские размышления. Поистине, современная мифология. Кое-что при этом Сидур старался для безопасности зашифровать, имена чаще всего не называл, заменял условными обозначениями, известную организацию, как мы уже видели, именовал «шкатулкой» и т.п. Нехитрый камуфляж, но все же... «Наша подозрительность слишком часто не лишена оснований», можно прочесть у Сидура.

Ўнёс і аааі аеў аеааі еео Ё. Оаі і а 1969 а; ааі і аі

И то сказать, было чего опасаться. Только что, в январе 1974-го, на страницах газеты «Советская Россия» появился хамский – в стилистике того времени – фельетон, где скульптора обвиняли в «антиобщественной деятельности» наряду с известным германистом Л.З. Копелевым, филологом Е.Г. Эткингом, писательницей Л.К. Чуковской. Фельетон вышел почти одновременно со статьей «Путь предательства» в «Правде» – начиналась очередная кампания травли А.И. Солженицына. В феврале, то есть как раз перед нашей встречей, Солженицын был выслан. Обстановка становилась все более зловещей, вокруг самого Сидура сгущались неясные тучи.

Парадокс заключался в том, что особых поводов он, казалось, для этого не давал. Разве что принимал в числе других посетителей иностранцев: международная известность его уже разрасталась. Были выставки, многочисленные публикации на Западе, но это делалось как бы без его ведома. Никакой общественной активности он не проявлял, не делал и не подписывал никаких заявлений – это было ему в принципе чуждо. Он не рвался за границу и даже на выставки, официальные или «нонконформистские», не жаловался на судьбу, на условия, не требовал возможности заработка – хотел лишь спокойно работать в своем Подвале (который время от времени заливало фекальными массами из засорившейся канализации), довольствуясь минимальными, более или менее случайными средствами. (Заработки могли дать, например,

началом работы над памятником я дал ему почитать машинописную подборку никогда не публиковавшихся стихов Габая. Особенное впечатление на него произвела, видимо, поэма об Иове – вариация библейской темы.

Í áðáá òáì , éàé ñéó:èòüü áðð,

Áíðá áúéí - äà í á í ðí í áí

Взятый из Библии эпиграф к поэме Сидур воспроизводит в своих записях неоднократно: «Был человек в земле Уц, имя его было Иов».

«Эскиз получился красивым, – записывает он 15.04.74 через две недели после начала работы над памятником. – И мне бы очень хотелось его сделать. Когда-то этот Иов поразил меня. Тогда он был еще молод, но этот мальчик напомнил мне моего отца».

Он называет Иовом самого Габая, сознательно прошедшего через многие мучения (в другом месте называет его «святой Илья»), и еще через неделю подтверждает это отождествление: «Красивый должен получиться памятник несчастному Иову» (23.04.74)*.

А несколько месяцев спустя, 25.08.74, Сидур переводит это отождествление на самого себя, используя странное совпадение аббревиатуры:

«Eèè ÈÍÁ í à çàì éà Ðúü è èì ý áí áúéí Áááèì Ñéáóð

ÈÍÁ - Èí ááééä Í òá:áíð ááí í é Áíéíú.

Ñéáóð - í í áðááí áááð - í í éè ò ááí í éé».

Это была, в сущности, его тема: бесконечные, безмерные страдания человека – от библейских времен до наших дней. Сидур полной чашей хлебнул испытаний, выпавших на долю его поколения: воевал и был тяжело ранен («раскачивался между жизнью и смертью в госпиталях... среди людей без челюстей и дрожащих мелкой дрожью, искромсанных желтых животов», – так расскажет он о себе потом), пережил гибель многих родных и близких, долго и мучительно болел. Вот откуда его пожизненное внимание к темам войны, насилия, смерти, бесчеловечной жестокости – «не интерес и даже не долг, а жизненная необходимость», как выразится он в одном интервью. Этим определены трагические мотивы в его творчестве.

Í í ðóðáó Á. È. Ñíéæáíéóüíá 1967 á; óá óéíí áíð ááí.

Корнем всякого зла он считает насилие. «Сотни, тысячи, миллионы людей погибли от насилия, проявленного по отношению к ним другими людьми в самых чудовищных и даже фантастических формах». Едва ли не каждый день он фиксирует в своем «Мифе» сведения о все новых убийствах, террористических актах, взрывах, жертвах, пытках.

Едва ли не самое страшное воплощение нашла эта тема в графическом цикле Сидура «Олимпийские игры», посвященном трагическим событиям по время Мюнхенской олимпиады 1972-го года, когда израильские спортсмены были похищены и убиты палестинскими террористами. Об Олимпийских играх здесь напоминает лишь присутствие на листах пяти символических колец, изображены же на рисунках не люди – чудовищные мутанты, слившиеся с орудиями убийства, превратившиеся в эти орудия. Существа с зубастыми утюгами вместо голов целятся в людей с завязанными глазами, в людей, ставших мишенями, искалеченными обрубками.

Мотивы жестокости, насилия нередко находят у Сидура выражение в сексуальной символике. Для него это было связано с мыслями о грозящем человечеству вырождении. Я помню, как при первом знакомстве некоторые работы подобного рода (циклы «Мутации», «Идеологическая борьба» и др.) вызвали у меня почти физиологическое отталкивание – такое они производили жуткое, чуть ли не болезненное впечатление. Развитие событий в последующие годы все больше приучало нас к страшным зрелищам: достаточно упомянуть Чернобыльскую трагедию, изменившую наше мышление. Сидур это словно предвосхитил.

«Правда безобразна и ужасна», – сказал он мне однажды. За этой фразой стояло многое – мироощущение, философия, эстетика.

Я вспоминал ее, когда Дима показывал мне модель неосуществленного памятника писателю Василию Гроссману. Об этом человеке он всегда говорил с особым почтением, книгу его «Жизнь и судьба» называл «великой»: «Это как Библия нашей жизни, – говорил он. – Если бы она увидела свет в свое время, вся история нашей литературы выглядела бы иначе». Они встречались однажды, в 1960-м году, когда Гроссман только что закончил свой роман, еще не подозревая его драматической судьбы. «Не могу объяснить, почему он произвел на меня впечатление самого значительного из всех, кого я видел, – рассказывал мне Сидур. – А я видел и Солженицына, и Неруду, и Бёлля... да кого я только не видел. И при этом он был самый ненапыщенный из знаменитых людей... Мы провели в разговорах целый день...»

Νααίτε Ρεάε Ίαεμρέε ε Ί αδεή Οαδεοίίτάνι, ααοίοή πόαοιέ. 1983 ά

Так вот, о памятнике. На одной его стороне был барельеф: девочка закрывает руками глаза взрослому. Оказывается, был у Гроссмана такой сюжет, основанный на подлинной истории: во время расстрела еврейского населения девочка закрыла рукой глаза своему старому учителю: не смотри, это очень страшно.

Поистине впечатляющий образ – один из символов нашего времени. Для Сидура он заключал в себе нечто глубоко существенное. Человек обостренно трагического мироощущения, он считал своим долгом ни от чего не отводить взгляда и не щадить себя в своем поиске. Служба художника, считал он, – напоминать людям об угрозах, игнорировать которые опасно.

Все так. Но образ этот еще и о другом. Трудно, не отворачиваясь, взирать на страдания и ужасы, которыми столь богат оказался минувший век, как бы говорит он нам. Понятно стремление человека отгородиться от ужасов жизни. Заметим: девочка закрывает глаза не себе, а другому. Да, правда страшна и безобразна. Но разве нет своей правды и в как будто наивном, безнадежном, детском порыве? Наряду с реальными ужасами, наряду с жестокостью, злобой, насилием – и вопреки им – существует еще и правда сострадания, доброты, жалости, любви. Если этой правды нет, видимое бесстрашие в изображении зла, уродств, безобразия может обернуться вполне холодным, бесчувственным живописанием. Современное искусство слишком часто демонстрирует такую – весьма небезобидную – подмену.

Óðaã áí ò eēēpñòðaãèè é ðī ñ áí ó Ę. Ī áðaãä

В работах Сидура – боль, крик, предостережение, жалость, но в них же и сострадание, нежность, любовь. Эти чувства мы находим в иллюстрациях Сидура к романам Ицхокаса Мераса о евреях в литовском гетто, этими чувствами продиктованы многочисленные его рисунки, акварели, гравюры. Как и в скульптурах, здесь варьируются те же библейские, вечные темы. Прекрасны его женщины, прекрасны мужчины. Эротичность многих работ Сидура вызывает в памяти «Песнь песней». Стандартные стенные шкафы в своей московской квартире художник покрыл волшебной красочной росписью: нагие и прекрасные Адам с Евой блаженствуют среди цветов, зелени, рыб, птиц и животных. Часть этой росписи впоследствии экспонировалась в музее Сидура. Выставку назвали «Райская жизнь в коридоре». В сопроводительном тексте к выставке было написано: «Вадим Сидур создал себе рай не на холсте, а в коридоре собственного дома, чтобы было куда спастись от невыносимой серости и опасности бытия».

Àéäääi éé Á. È. Àéíçáäää äüäiì ìì ììéi ììòòäiòìì.

Библейская тематика обрела для Сидура не национальное – общечеловеческое звучание. Он родился в Днепропетровске. В «Мифе» описан трагикомичный эпизод военных лет: курсантов в казарме внезапно разбудил старшина, ему понадобилось среди ночи срочно заполнять какую-то анкету.

«– Фамилия? Имя? Отчество?»

– Сидур, – говорю, а потом отчество Абрамович у меня в голове закрутилось.

Крутится – крутится – крутится – Абрамович – Абрамович – Абрамович...

А имя, хоть убей, вспомнить не могу.

Старшина с подозрением уставился. Чувствую, если не вспомню, шпионом сочтет, и тогда пропал я. Напрягся изо всех сил и вспомнил: Вадимом зовут».

Спустя годы, когда Сидур стал объектом газетных нападок, эпизод этот словно ожил.

Ì äiäíéçæäéüü ììí.

Í á ììí, éíçi àð òüäü-éé.

Àáäääi íæè-! Àáäääi íæè-! Àáäääi íæè-!

Èääí ü, í á ììì íüüéá äi äüòää!

À ìæéí äüüéíá äüüò!

Èíì ììíéèò ááçðíáí üé!

Èäçí çääí í üé üüò äò!

Ācīāāpūēē. 1979 ā; ādīī çā

Сам Сидур, кстати, не отказывался называть себя космополитом. Он не принадлежал ни к какой религии, не считал себя верующим, но я назвал бы религиозным его отношение к бытию, к мирозданию. Это отношение предполагает способность изумленно благоговеть перед непостижимой загадкой жизни, любви, разума, перед бесконечностью и вечностью – когда нас касается чувство, что мы не так уж сами распоряжаемся собой, что есть что-то бо льшее нас.

«Меня с детства смущала громадность Вселенной, – сказал он мне однажды. – Человек в ней такой маленький, ничтожный». «Разум и добро – не выдумки, – пишет он в «Мифе», – а лучи, доходящие из абсолютного бытия». И в другом месте: «Где истина, где ложь? Как может установить человек, если нет Высшего начала?».

Мы часто беседовали с ним, прогуливаясь по хамовническим переулкам, – для него это был отдых.

– Что такое счастье? – сказал Сидур после одной такой прогулки. – Вот я прошелся с тобой по улицам, никому не сделал зла – и мне хорошо.

Òdààééí èà 1966 à; àèpì èí èé.

В каком отношении к своим созданиям находится этот, как будто знакомый тебе человек, – размышлял я однажды, – мягкий, очень добрый, обычно спокойный внешне? Вот он пьет чай с гостями, рассуждает об искусстве или политике, смеется, спрашивает о детях и семье. Ты что-то знаешь о его здоровье, пристрастиях, вкусах, житейских чертах, ты видел его снявшим зубной протез и сразу постаревшим на десяток лет, ты можешь представить его дома, с женой и сыном, ты можешь знать еще что угодно, – но попробуй понять, как и почему возникают под его руками эти сооружения из искореженного, исковерканного металла, наполняющие мастерскую, словно обломки неведомой катастрофы? Откуда, из каких снов приходят к нему эти видения? И как сочетаются с ними нежные линии других его скульптур и рисунков, прекрасные женщины и умиротворенные старцы? Биография, обстоятельства жизни, воспоминания детства и юности, военные, госпитальные, какие угодно впечатления способны объяснить далеко не все – что-то вырастает, рождается из недоступных нам глубин существа – или мироздания, что-то, не поддающееся рациональному объяснению, вновь и вновь озадачивающее самого создателя.

Сидуру в самом деле знакомо было иногда удивление: «Неужели все это сделал я? – записывает он. – Как я? Почему я?» У людей былых эпох это вызывало представление о силах, для которых художник – лишь инструмент, средство выявления; художественный мир создается не столько им, сколько его посредством.

Ì àí yòí èé ìṣòààèèì ñy ààç ì ìáààáí èy. 1972 à; àdì í çà

«Зачем мне это нужно? – записывает Сидур в “Мифе” свой разговор с женой. – Зачем я делаю скульптуру, рисую, пишу? Что заставляет меня приниматься за тяжелую долгую работу? Ты сама понимаешь, что скульптура скорей всего никогда не будет выставлена, рисунков никто не увидит, а Миф никто не прочтет. А что со всем этим станет, когда я умру, об этом лучше вообще не думать. Я даже не знаю, радости или муки больше испытываю я, когда работаю. Я ничего не знаю».

Даже сейчас поеживаешься, представляя, какая судьба могла ожидать эти работы после смерти Сидура. Подвальную мастерскую художник арендовал у МОСХа. Куда было девать сотни тяжелых скульптур, как было их сохранить, если бы наследникам срок аренды не был продлен? Кто знает, сколько творений наших современников исчезло бесследно вместе с их создателями?

Сидур не переставал думать об этом буквально до последнего дня. Стихи, написанные им уже в больнице, были полны все того же беспокойства:

Ì à í ìáw òí àdàòù ñ ì èé è í í

Ì ó: àpñí ì ùñéíṣ

«ДАВНО С НЕТЕРПЕНЬЕМ НАС ЖДЕТ ОКЕАН ...»

È ÑÒÌ ÈÁÒÈÐ ÈÕÒÈÌ ÈÌÃÀ Ò Ñ. ÐÃÃÀ

Ì èõõà Áìì'èç

Двенадцатилетней школьницей, весной 1933 года, я провожала с Казанского вокзала в Москве своего отца.

Врач, он ехал работать в Башкирию на кумысный курорт в поселке Шаfranове. На платформе к отцу подошла какая-то женщина, спросила, узнает ли он ее: они ведь вместе встречали новый, XX век. Оказалось, женщина и ее муж едут туда же, куда и мой отец. Едут на летний сезон. Это были супруги Рассы (в Шаfranове их шутливо называли «Расс» и «Два») – родители Теодора Сауловича Рассы – патриарха отечественной ихтиологии, о котором и пойдет речь в этой статье.

Родился Теодор Саулович Расс в 1904 году в городе Кременце Волынской губернии (ныне Тернопольская область, Украина). О том, что он учился в Москве, свидетельствует удостоверение московского градоначальника, выданное в 1914 году его отцу – «лекарю-еврею». Оно подтверждало право Теодора на жительство в Москве и предназначалось «для представления в одно из учебных заведений». После революции Теодор какое-то время провел в Московской опытно-показательной школьной коммуне при Наркомпросе; подростки жили там при школе. Эта коммуна – «МОПШКА» описана Анатолием Рыбаковым в «Романе-воспоминании». Среднее образование Теодор завершил в 1921 году в трудовой школе II степени. В то лето он работал в мосгуботделе союза Всемередикосантруд, и по его ходатайству поступил в сентябре на биологическое отделение физико-математического факультета Московского университета.

В летние каникулы он обычно подрабатывал. Например, в 1923 году пошел трудиться в один кубанский совхоз и по окончании сезона получил «разрешение на вывоз жалованья: 1/2 пуда чернослива, 1/2 пуда груш, 10 фунтов фундука». Подрабатывал он и во время учебы: скажем, два раза в неделю демонстрировал в некоем учреждении микроскопические препараты.

Исследовательскую работу Теодор начал еще в студенческие годы. Начал как морфолог-эволюционист и ихтиолог. В 1925-м, окончив университет по специальности «зоология позвоночных», он стал сотрудником Мурманской биологической станции. В сборнике трудов этой станции в 1926 году появилась его первая публикация, посвященная обнаружению в Кольском заливе редкого вида камбалы.

С 1926-го по 1929 год Теодор Расса был аспирантом научно-исследовательского института при МГУ. За это время вышли три его работы по морфологии промежуточного мозга костистых рыб. По окончании аспирантуры он стал старшим научным сотрудником Государственного океанографического института, преобразованного потом во Всесоюзный институт морского рыбного хозяйства и океанографии. Вскоре он уже заведовал им же организованной лабораторией, занимавшейся процессами размножения и развития рыб.

В 1938 году Теодора Сауловича, автора девятнадцати печатных научных работ, утвердили в ученой степени кандидата биологических наук без защиты диссертации, а через два года ему была присуждена степень доктора биологических наук и присвоено звание профессора. С 1948 года и до конца жизни он работал в Институте океанологии Академии наук (ИОАН).

Под руководством Т.С. Расса проводились исследования сначала в северных и дальневосточных морях, а потом и в других районах Мирового океана. Разработанные им методики помогли собрать огромный материал по раннему развитию рыб в отечественных морях, расположенных в областях с разным климатом. Материал этот использовался для разработки систематики икринок и личинок. Т.С. Расса выявил в отдельных водоемах пустующие ниши, их, по его мнению, можно было заполнить путем акклиматизации морских рыб. Справедливость его идеи впоследствии полностью подтвердила практика. Расса и его сотрудники изучили закономерности нереста морских рыб. Теодор Саулович установил также неизвестную ранее географическую закономерность развития рыб (так называемое «правило Расса»). Исследования ученого во многом содействовали отечественному рыболовству.

ᐃᐱᐸᐸᐸᐸ ᐃ. ᑆ. ᐃᐱᐱᐱ - ᐱᐱᐱᐱ ᐱᐱᐱᐱ ᐱᐱᐱᐱ ᐱᐱᐱᐱ ᐱᐱᐱᐱ ᐱᐱᐱᐱ.

Т.С. Расс одним из первых отечественных ихтиологов занялся глубоководными рыбами. Он описал три новых рода и семь новых видов. Признанием его профессиональных заслуг служит то, что четыре вида морских рыб названы его именем.

Для проведения разнообразных ихтиологических исследований, естественно, были необходимы экспедиции. В свою первую экспедицию Расс, как уже говорилось, отправился еще в студенческие годы. Затем он был участником многочисленных экспедиций в Тихом, Индийском, Атлантическом океанах. Сначала рейсы проходили на небольших кораблях. В шутовском отчете Теодор Саулович повествовал об экспедиции на «Персее» в 1938 году.

Ò. Ñ. Ðàññè ñàáèí è àí:áðü è.
Áíò ààààòòü öæ ñòòè íí ñàðü àíéíàí
Í ùðÿò, èàé òò èà, «Í áðíæ»-ñò àðè èáí.
Á òàéò òòíðè ó íáá í àéóáíé
áèí ñü ñèðèíÿò,
È öèííàðò àààðè, è èðàè àíð:àò...
È æáéò ùá í èí í í áááí í èúáòò,
Í ðíáíðí ùò í àéüéíá í íá ñíáíð í áíòò.
Í ù èíáèí ñòòÿí è èðáíáááá í íðíèéò,
Á ñòàééÿí í ùò í íáéáò òíðíèí í ù èã
Èáí áàé í ðíðà:í ùò, èàé ñðí ùé òðíòò àéü
Ñéíðáé òíðí àééíèí, èàé
íáí èõ íé æàéü..
È áíò í ù ááðíóèèííè ñíàéé í ò:áò...
À á ñàðüáá í í-íðáéíáí òí íðá í íáò...

È òò èò çàèùòùí à í èíòòó äçà-

Ííýòù äæé í íðá ðíáííá òááý.

Начиная с 1949 года, Т.С. Расс неоднократно плавал на флагмане научно-исследовательского флота «Витязе». Название корабля весьма символично. В старинных сказаниях витязи – благородные, отважные рыцари, борющиеся за справедливость, сражающиеся против злых сил. Первый «Витязь» в 1871 году доставил знаменитого путешественника, этнографа Н.Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею. На втором «Витязе» плаванием по Тихому океану руководил флотоводец и океанограф С.О. Макаров. О результатах своих исследований он рассказал в книге «“Витязь” и “Тихий океан”», в 1894 году удостоенной первой премии Академии наук. Третий «Витязь» бороздил моря в течение 30 лет. Расс был на его борту и во время первого рейса в 1949 году, и во время последнего, 65-го, в 1979 году. Не раз он руководил там научными работами.

На встрече 1949 года, готовясь к предстоящему плаванию на «Витязе», Теодор Саулович произнес стихотворный тост:

Сегодня мы выпьем за наш ИОАН,

Çà í àòá èðáèí íá äæéí!

Äááíí ñí í á ò äðí áí úüí í áñ æ äò è í èááí,

Äí ó äæ á æ äò è ù í ááí äéí.

Òáé áíí úüí æ á äðáè, òò äéáí ú äí äí á,

Ä äýáòúíáá ñ í ò ðèí í ú ñ äéí.

Í ó èáé í áí í á óááò èò ñááíý äéí á,

Í ú íúü çà èðáèí íá äæéí.

Третий «Витязь» находится теперь на вечной стоянке в Калининградском порту. На его борту – Музей океанологии. «Витязя» принимали десятки стран, сотни портов.

Т.С. Расс руководил научной работой и на корабле «Академик Курчатов». Его связывали не только научные контакты, но и дружеские отношения с учеными многих стран.

Он многократно выступал по радио и на телевидении. Был частым автором журнала «Природа».

Обложка атласа (1957) и атласа (1959), иллюстрация О.Н. Данили и отца у себя в кабинете в доме в Ленинграде

До последних дней жизни Т.С. Расс сохранял поразительную работоспособность. По-прежнему активно участвовал в заседаниях ученого совета своего института и продолжал обрабатывать накопленный им колоссальный материал. На заседании Института океанологии в честь 95-летия Т.С. Расса юбиляр выступил с часовым рассказом о своем долгом творческом пути.

Еще в аспирантские годы Теодор Саулович начал педагогическую работу. Он читал лекции в академии пищевой промышленности, в московском городском педагогическом институте, на различных курсах. В течение нескольких десятилетий на кафедре ихтиологии биологического факультета МГУ он читал курс «Зоогеография рыб» и подготовил к научной деятельности несколько поколений ихтиологов. Под его руководством защищено более тридцати кандидатских и докторских диссертаций.

Т.С. Расс был одним из организаторов, редакторов и основных авторов многих серьезных изданий, в том числе атласа «Промысловые рыбы СССР» (1949), тома «Рыбы» в семитомной серии «Жизнь животных» (1971 и 1989), книги «Рыбы открытых вод Тихого океана» (1977), «Словаря названий морских промысловых рыб морской фауны» (1980), который включил в себя названия почти трех тысяч видов рыб, причем более чем на сотне языков и наречий.

Он был страстным библиофилом. На покупку книг уходила значительная доля его заработка. Он создал уникальную домашнюю библиотеку. Ее большая часть состояла из трудов по ихтиологии, в том числе и тех, что дарили ему отечественные и зарубежные ученые. После кончины Теодора Сауловича его дочери передали библиотеку отца в Институт океанологии РАН и на Звенигородскую биостанцию МГУ.

Скончался Теодор Саулович Расс в 2001 году, не дожив меньше месяца до 97 лет. В 2004 году заслуженному деятелю науки, лауреату Государственной премии, почетному члену Российской академии естественных наук, члену многих отечественных и зарубежных научных обществ, члену консультативного Бюро ЮНЕСКО исполнилось бы 100 лет.

Мой отец и мать Т.С. Расса встречали вместе XX век. Мы с ним поздравили друг друга с наступившим XXI веком.

ГРОССМЕЙСТЕР САЛО ФЛОР

י' ענ"וי א' א' ע"י א"י, 1936-1939 א"א

אָפּענאַרעטאַע:

אָפּענאַרעטאַע:

Сало Флор. Ок. 1963 года.

Сало (Соломон) Флор в тридцатые годы был одним из главных претендентов на звание чемпиона мира по шахматам.

Он родился 11 ноября 1908 года в Галиции, которая была в те времена частью Польши, а теперь принадлежит Украине. По сведениям Яна Календовского, автора книги на чешском языке «Молодой Флор» (Брно, 1985), родители, братья и сестры Флора погибли во время погрома. Сало со старшим братом Мозесом переправили в Чехословакию и определили в еврейский сиротский дом в городе Микулове. Начиная с 1919 года, они довольно долго жили у литомирицкого раввина. Флор пристрастился к шахматам еще в 14 лет. В 1924-м юноша переехал в Прагу. Там он поступил на службу в торговую компанию и стал играть в местном шахматном клубе.

Позже Флор нашел работу в редакции одной из пражских газет. Посланный корреспондентом на знаменитый турнир в Карлсбаде (1929), он играл блиц с другими журналистами и даже с участниками турнира. Аарон Нимцович, победитель, был потрясен его игрой и рекомендовал пригласить Флора в качестве шахматиста на очередное международное соревнование.

Это был первый международный турнир Сало и его первый успех: он получил второй приз. С 1929-го по 1937 год Флор играл в 35 турнирах. В 19 случаях он или занимал первое место, или с кем-то его делил. 9 раз он был вторым или третьим.

Флор стал победителем в Праге (1930), в Брно (1931), в новогодних Гастингских турнирах (1933–1934), опередив Алехина и Лилиенталю. В 1934–1935-м разделил первое место с Эйве и Томасом, опередив Капабланку и Ботвинника. В Москве (1935) он снова разделил первое место – уже с Ботвинником, опередив Ласкера и Капабланку; в Маргите (1936) занял первое место, обыграв Капабланку. В 1931 году Флор выиграл матч со Штольцем, а в 1935-м сыграл вничью с Ботвинником. Играя за Чехословакию в пяти Олимпиадах, он добился оптимального результата на первой доске в 1935-м и 1937 году.

В том же 1937-м в ФИДЕ (Всемирная шахматная организация) поступило несколько жалоб от ведущих шахматистов. Речь шла об одном и том же: Алехин отказывался играть в матчах мирового чемпионата с особенно сильными противниками – такими, например, как Капабланка и Нимцович, выбирая

более слабых. ФИДЕ назначила Сало Флора официальным претендентом на звание чемпиона мира и предложила Алехину сыграть с ним. Знаменитая чехословацкая обувная компания Батя согласилась быть спонсором этого матча. Алехин принял вызов, но матч так и не состоялся.

В конце 1938 года в Нидерландах проходил один из самых престижных в истории шахмат турниров – А.В.Р.О. Туда пригласили восемь лучших шахматистов: чемпиона мира Алехина, экс-чемпионов Капабланку и Эйве и молодых звезд – Ботвинника, Кереса, Файна, Флора и Решевского. Флор был одним из фаворитов. Однако в сентябре 1938 года главы Германии, Франции и Великобритании подписали Мюнхенское соглашение, которое развязывало нацистам руки в отношении Чехословакии. Хотя Прага была оккупирована нацистами только в марте 1939 года, чешские евреи ясно сознавали, какое будущее их ждет. Поэтому в середине октября 1938 года Флор уехал из Чехословакии к своему другу Паулю Кересу в Тарту. Во второй раз Сало лишился страны, дома, имущества, друзей и спонсоров. Но в 1939 году он доказал, что остается одним из лучших шахматистов мира, победив в серьезном тренировочном турнире (Москва – Ленинград) и опередив Кереса, Решевского, Лилиентала, молодого Смыслова и других. По-видимому, во время московского турнира в январе 1939-го Флору и его близкому другу, венгерскому гроссмейстеру Лилиенталу (тоже еврею), было предложено убежище в Советском Союзе.

В конце 1939 года Флор переехал в Москву. Получив гражданство в СССР, он был вынужден отказаться от надежд стать чемпионом мира: советское руководство уже имело собственного претендента на этот титул – Михаила Ботвинника. Все советские шахматисты обязаны были помогать ему, а не конкурировать с ним. Флор явно не хотел подвергать себя риску потерять все в третий раз и резко изменил стиль игры. Она была теперь вполне «миролюбивой», большинство партий он заканчивал вничью.

Со скромным успехом Флор играл в восьми чемпионатах СССР с 1944-го по 1955 год. Участвовал во многих международных турнирах. Он завоевал популярность в СССР как шахматный журналист. Был, кроме того, главным судьей во многих соревнованиях. Сало Флор умер в Москве 18 июля 1983 года. Он останется в памяти людей как выдающийся шахматист, чья блестящая карьера была погублена сначала нацистами, а затем коммунистами.

Ниже мы публикуем несколько писем Флора второй половины тридцатых годов, адресованных Боруху Вуду (1909-1989), издателю и главному редактору лондонского журнала «Chess» («Шахматы»). Письма интересны прежде всего тем, что дают информацию о положении в шахматном мире и жизни самого Флора в те страшные годы, когда нацистская Германия «заглатывала» одну европейскую страну за другой и уже перешла к «окончательному решению еврейского вопроса».

Ī ēññ ĭ îò 2ĭ îēòŷáđŷ 1938 ā

Ōáđòá 2ĭ îēòŷáđŷ 1938 ā

Āēóáíēĭóááēááî ūé ĭ -đ Āóá,

*i i n i e a p A a i e i d i o e o p c a i a o e o « I a e a i u e e a n e d a o u A . A . D . I . - o o d i e d a » ** .
E a i e e e i o m a e a i e p , i i a i a i e n a i a i i - i a i a o e e . I i , e a e A u c i a a o a i i e a i a e e i e e e
i a n e e o e i o i d i o . I a a a p n u i a u i a e a a o a y o i i e n u i i c a a a i u i . A a a a o a e e A u a
A i n o a a a i a ?*

N i a e e o : o e i e i i a e a e i e y i e

N a e i O e i d

I e n u i i o 21 i e o y a d y 1938 a

I o a a 23 VI 36

*B i i e o : e e A a o a i e n u i i o 17 a o i e u e i a : a d a , i i o i i o : o i i i i a u e i i i n e a i i i n o a d i o
a a d a i i*

*I o a e i a e a e a E a i a e a i e e i a e i a o i o a e o e - a n e l e o a i i n o e . B i a a o i a p , o i E a i a e a i e a
a u e o a e e i a e a n e d i i u i , e i a a a e a a a e c a i e a i : a i i e i f a i e d a*

*I a i i a o a i a d a e o u i n a a e a d o a a c i a d a d u a a 18 i e i o d i u e i a d a d u a - y o i a i f a u a i a i a d a d u a
A a e a i a u : i u e d a a i : e e e i a o i a d a d u a i i n e a 4-5 : a n a d a a i o u . A o i a n o a d a i i o a o i a o a i i a a i e a i f
a u o u i a d a d u a a ? I a e a e e E a i a e a i e a c a u e , e a e a y y o i o y a e a e y d a a i o a e a d a o u a o o d i e d a e i a o : a ? E
o i i o a e a E a i a e a i e a o e a i a o a e i i e t a , o i a u a u o u a m n o y i e e a i a a d e a o u i i a i a i f a i a i o y a e a i e a
A a e a i i n e a 6 : a n a t e e a d u : a u o i i a e u y i a e a o u i a i a a , o i e a d a c a e i i : a i a x o i o i a a a ? I a e a e e
E a i a e a i e a i o a e a a a o e a d a o u i i e a i a e i e c e a n e i a i a a n e e a i i u e , i a n a e e o i y i i a n o i e ?*

*I i a i i a i e a : o i e o : o a a n a a u e i a u , a n e a u i o d a i e a e o a e u i i n o u e a d u a 40 o i a t a
m n o a a e y e a 2,5 : a n a*

*I a e u y i d a a i o a d a o e o u i m i n a i i n o u i a i a e e c e d i a a o u - d a c a i o i e u e i , a n e e y o e i c a i e i a a o i y
i i e e o e y !*

*I a a a p n u i a a i i d e a i a e e a n u i i y i i i i u u **

N « o a o i a o i u i i d e a i o i i »

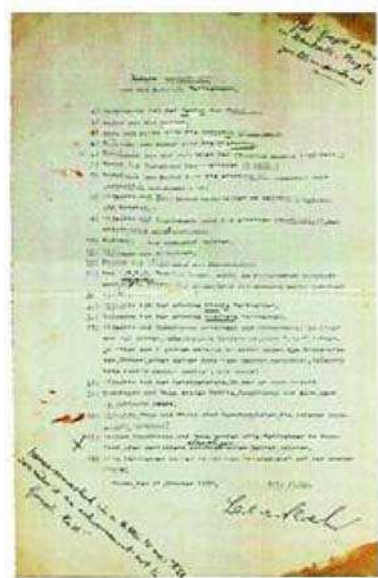
A a o

N a e i O e i d

P.S. В последние дни я дал 20 сеансов одновременной игры в Чехословакии со следующими результатами: 648 побед, 44 ничьих и 14 поражений.

* Проблема, поднятая Капабланкой, и письмо Флора связаны с регламентом и контролем над продолжительностью шахматных партий. (Здесь и далее примечания авторов публикации.)

Νὸὰὐὐβ «Ἴ Ἀἶἰ ὕἔἔἂ Ἰἂἔἔἂὐὐ Ἀ.Ἀ.Β.Ἰ. -ὈὈἰ ἔἔἂ»

*Ἴ Ἀἶἰ ὕἔἔἂ Ἰἂἔἔἂὐὐ Ὀ×ἈΝᾀ ἔἔἂ Ἀ.Ἀ.Β.Ἰ. -ὈὈἰ ἔἔἂ***

1. Капабланка – самый пожилой.
2. Керес – самый молодой.
3. Эйве и Керес – самые высокие.
4. Решевский и Флор – самые низкорослые.
5. Ботвинник представляет самое большое государство.
6. Керес представляет самое маленькое государство.
7. Ботвинник и Керес – единственная пара, которая никогда раньше не встречалась.
8. Алехин и Эйве сыграли между собой наибольшее количество партий (80).
9. Алехин и Капабланка – единственные, кто не разговаривает друг с другом, –возможно, временно.
10. Решевский – единственный, кто курит.
11. Алехин курил, но бросил.
12. Керес и Решевский – единственные холостяки.

13. Никто из участников не страдает алкоголизмом***.

14. А.В.Р.О. – турнир не мог состояться в Германии, поскольку по крайней мере половина участников – недостаточно «чистые».

15. Алехин – единственный блондин.

16. Решевский – единственный, кто соблюдает кошер.

17. Алехин и Капабланка научились играть в шахматы в возрасте 4–6 лет. Вундеркинд Решевский – еще раньше. В 6 лет он уже играл с гроссмейстерами. Видмар, один из его противников того времени, уверяет, что тогда Решевский играл лучше, чем теперь.

18. Алехин больше всех путешествовал. Где он только не был!

19. Ботвинник и Эйве носят очки. Капабланка – только, если думает, что проигрывает.

20. Алехин, Фаин и Флор – профессиональные шахматисты. Остальные – так называемые «любители».

21. Кроме Капабланки и Эйве, все участники турнира родились в России или, по крайней мере, на территориях, в разное время принадлежавших России.

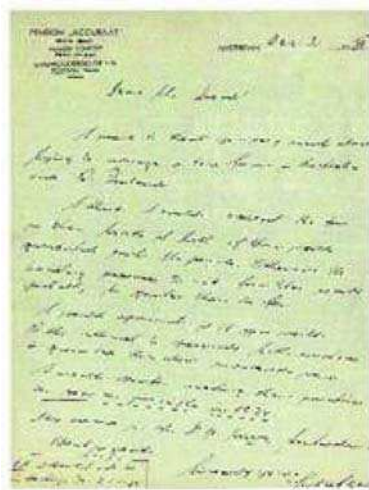
22. Все участники тайно надеются, что займут, «по крайней мере», первое место.

**** Имеется в виду престижный турнир в Амстердаме в 1938 году.**

***** Намек на запойного А. Алехина.**

Í êññ ì îò 2 ääëääÿ 1938 ä

Äì òò äääì, 2 ääëääÿ 1938 ä ää

Äëääíêíääëääì úé ì -ä Äää

Íääñ ì ìä ñääëääí çä ääëë úëëëÿ ìääíêçääòú ì ìp ìíäçäéó ä Äääòäëëp è Ííääp çäëääëp*.

Ääääp, ÿ ì ìä äú ñääääëòúÿ ìä öääíä öòòíä äëë äú äääëääÿ êç òòäí ñü äëä ääöäí öèòíääòú ì ää äí ääò ä 160 öääí öíä Í äí äëäÿ ñü ì ä í ä í êöäò ì ì è öäí ñí öòí úä äääñ äú.

B aúē aú Āai ī-ai ū īōēī aōāai, aīēē aú Āū m īāēē oāāēō ū īōāī ēçāō īōīā ī īāē īīāçāēē ā īāā nōdāī ū āāōāīōēōīāāō ū āīēāōīī īīōōōp nū ī ō Ē īōāīī-āē aú, ÷ōīāū īīāçāēā m nōīyēāīī ā 1939-ī āāō ēāē ī īāēīī dāī ūōā

Ī īāēēōēīōā, īēōēōā īā āāōāī-ā-dā Yēāī, Āī nōāāāī.

Ŋ īāēēō-ōēī ē īīāēāīēyī ē,

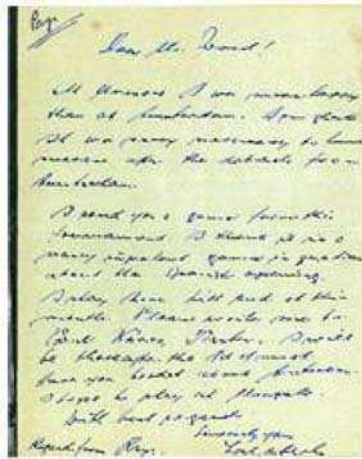
Ēīēōāī īā Āāē

Ŋāēī Ōēīō

P.S. Īōīāōō ā Āāīōēīāīī, īāāōīīā 2-3 āīy.

** Āāōōīāy īēēōī āōēy × āōīnēīāāēēē Āāī āīēāē nōāēā ī-āēāīīē. Ōēīō īā īāāīçāāōēō ūīy ā īōāō ē oāēōē-āīēē īēāçāēīy āāçāīī ī ūī. Ā. Āōā, āāōāē īī īāēēīāēūīī nōē, nōāāēīy īīī ī-ū Ŋāēīē (ē īāōīēūēī āī ō) oāāōōūēç Āāīī ū.*

Īēnū ī īōōāāāēy (?) 1939 ā

Āēōāīēīōāēāīī ūē ī-ō Āōā!

Ā Ī īnēāā y āūnōōīēē āīēāā oāā-īī. B oāīāēāōāīōāī. Ōm'āō aúē īāīāōīāēī īīnēā īōīāēā ā Āī nōāāāī ā

Ī īnīēāp Āai çāīēūī īāīīē çç īāōōēē īā yōīī oōōīēdā Āōī āp, īīā ī-ai ū āāēīā nōī-ēē çāīēy āāāpōā ā Ēīī āīīēīē īāōōēē.

Īōīāōō çāīīī āī ēīīōā ī āyōā Ī īāēēōēīōā, īēōēōā ī īā īā āāōāī Ī āēy Ēāōāī ā Ōāōōā B īēāēōūī ā Ōāōōō īīnēā īāāīā ÷ēīēā. Ānōū ēē ēāēēā īēāāīī āāōē çç Āī nōāāāī ā? Īāāāpīīy ÷ōī m īāōēāāōōū āī āōēōā

Ŋ īāēēō-ōēī ē īīāēāīēyī ē,

Ēīēōāī īā Āāē

Ŋāēī Ōēīō

*Īōēāōō īōōāē**.*

**** Рая – жена С. Флора. Письмо, по всей вероятности, написано зимой 1939 года. Сало Флору и Андре Лилиенталю, бежавшему от нацистов из Венгрии, как уже говорилось, было**

разрешено остаться в Москве. Они жили на Фрунзенской улице, напротив Парка культуры им. Горького. Недалеко, на Третей Фрунзенской, жил Михаил Ботвинник, близкий друг Флора. По-видимому, он и ходатайствовал о предоставлении Флору и Либиенталю политического убежища в СССР.

НЕТ ТАКИХ КРЕПОСТЕЙ...

Аאי אאעעו נאוי פא

Поэт погружен в себя. Он ничего не слышит. Он оглушен собою.

Мандельштаму такой взгляд на сущность поэтического творчества был особенно близок:

«Оае, даצי ааеаау даеаи е, аиди і-а, іеааоаау ііуаеу, ііааоаауііі аіеіаіеаеа, аеаааііі і-аі аау е аа-оае аіеіааііі оааау, аіеіааііау іау іааіаауау ес ааа, -оі ааоа і еаа».

(Ес іаеаеа І. І аіааеуоаі а іа еіеаА. І ааааіаеа «Наиоаа і іу аеаіу». 1923)

А вот – из другой его статьи, написанной в то же время.

«...Поэзия Пастернака прямое токованье (глухарь на току, соловей по весне), прямое следствие особого физиологического устройства горла, такая же родовая примета, как оперенье, как птичий хохолок».

Можно предположить, что образный строй этих откликов навеян непосредственно Пастернаком, тем более, что и в той, и в другой статье речь идет именно о нем, а образ глухаря на току – прямо у Пастернака и заимствован:

«Оіеіаіеа - ааіаа і аеаіау і аааіаіеа іааіааіа, аа ааіеа аіі а ааа. Еіеа - еае ааааа іа оіеа Ііа іеіаа е іе-аа іа аааеа, іааааіау ааіе, аау ааааааауііі. Аа іаа аааіаіеа аіа іа еі аа іааіеааіеу. Іі іаааауіі аі. Аа іа ааіеі о іаауіі».

(Аіаеі І ааааіае. Наа іі-: а5-оа о. О. 4 І., 1991. № 367)

А.Е. І ааааіае: «Еіеа - еае ааааа іа оіеа Ііа іеіаа е іе-аа іа аааеа, іааааіау ааіе...»

Но естественное предположение это легко опровергается поэтикой Мандельштама, всем строем не только его стихов, но и прозы, даже случайной, «проходной», не претендующей на художественность. Вот, например, несколько строк из беглой, при жизни поэта не публиковавшейся заметки о Чехове,

Ἰ ἀϊάειυοδαὶ ἀ οἰεῦεἰ ἰἴαἴ-ἰῦἰ ἰδῖάεοἰ δαδῖαἰοεε οἰαὶ ὑ ἰοἰε ἰάηοἰεῦῖ οαε ἰἴαἰε ἰοῦ. Ἰ ἰ ἡἰ ὀ ἰἴαἰάο ἀἰοῦ ἂ ἡδῖοἰοἰδῖαἰεε “Ἀδῖἰἡ”, ἰαἰεἡἰἰἰ δαἰἰἂ ἂ οἰἰ αεἂ ἡἰὀ (1933), ἡδῖαἰ ἂἰεἰἂ δαἰῦῖἂ ἡδῖ-εἂ: “Ἀεἰἡἰἰἰοἰάἰαοεοἰεῦἰ ἂ, εἂε δῖεε ἀδῖἰἰἰἂἰἰ...” Ἀῦεε οἰεεἂε ἂ ἰ ἰἴἂἂ ἂδῖἂἂ ἂ ἡἰ αεἂ ἡἰ ἂἰ, -οἰ ἡἰ ἂ ἰ ἰ ἡἰἂ ἰοἰε ἰἴῦἂ-εἰῦ ἰ ἂ ἰδῖἂἂε ἂῦ ἂ ἂεἡἡἂἂ ἂεἰἰ ὀἰε-οἰαεἂἰεῦ. Ἀεἂἂἂἂ ἂῦ ἰ ἂοεἂ, ἂεῦἂἂἂ ἰἰ ἂἰἡἡε, ἰ ἴἂἂ ἂῦ ἰ εἰἴἂἂοῦ ἂἡ, ἂῦἡἡ ἰἰ ἂἂἂἂἂἡἡε ἰἴῖο εεε εεδῖ-ἂἡεε, οἰἂ ἂ ἡἰ ἡἡῦεἡἡ ἂ ἰἴεεοεεἂ Ἀ εἰἰὀἂ εἰἰὀἂ, ἰἰ ἰἴεὖ-εε ἰδῖἂἂἂἂἂἂἂἂἂἂ ἂ ἰ ἴἂ ἂῦ ἂἰῖοῦ ἂἰ ὀ ἰἴἂἂἂ ἰ ἰἴἂἂ ἂδῖἂἂ. Ἰ ἂἂἂἂ ἰἰ ἰοἰἂ ἰ ἂ ἡἂἂἂ ἰἴὀἰ ἂ -οἰ εἰἡδῖεἰεο ἡἰ ἡἡὀδῖἂἂἂἂἂἂ ἂἂἂἂ ἰοἡὀἂἂἂἂ ἰ ἂδῖἂ ἡἡὀδῖεἰε. Ἐἰ ἂἰ ἰἰ ἂἂ ἂ-ἂοἂἂἂἂ ἂῦ εἰ ὀἂἂἂἂἂἂ ἡἡὀἂἂἂἂἂἂ ἂ ἰἴῖῖε Ἰ ἂἂἂἂἂἂἂἂ ἂ ἰοἂἂῖῖἂ ἂἡ ἰο ἡἂἂἂ ἂἰεἂἂ ἂ ἡἂἂἂἂ ἂἡ ἡἂὀἰε ἂἂἂ, “ἂἂἂἂ ἰῦἰ ἂἡἡἡἂἂἂ ἂ ἂἂὀἂἂἂ”. Ἐἂἂ εεδῖἂ ἂἡὀἂ ἰοἰεἂ ἂῖῖἂ, ἂ ἰοἂἂἂἂἂἂἂἂ ἰοἰἂ εεδῖἂ ἂ ἰἂἂ ἂἡἡ ἂἡὀεαεἰ ἡἰ ἂἡὀἂἂ ἂἡἂἂἂἂ ἂἂἂ ἰἂἂἂἂἂἂἂ ἂἂὀ ὀεἰἴἂ ἂ ἰ ἂἡὀἂ ἂ ἂἡὀἂ ὀἰ, -οἰ ἡἂἂἂὀ ἰδῖεἂἂἂἂἂἂ ἂἂἂἂὀἂ ἂ ἰἴἂἂἂἂἂἂ ἂἰ ὀ ὀἂἂἂὀἂ Ἀἰ ὀ ἰἴ-ἂἰ ὀ αεἂἂἂἂἂἂ ἂ ἂοεἂ, -ἂἂε ἂἂἂἂ-ἂε ἂῦεἰ εἂἡὀδῖἂἂἂὀἂὀἂἂἂ ὀἂἂὀ ἰὀἂὀἂ, ἰ ἂ ἰ ἴἂἂ ἰδῖἂἂὀἂὀἂ ἂἡ».

(Ἐἰἡεὸ Ἀδῖἂἂεε. ἡἡἰ ὀεἂεεἂἂὀεε. ἡἴἂἂ ἡ-ἂ. ἂ5-ὀε ὀ. ὀ5 ἡἴ ἂ, 1999 ἡ. 101)

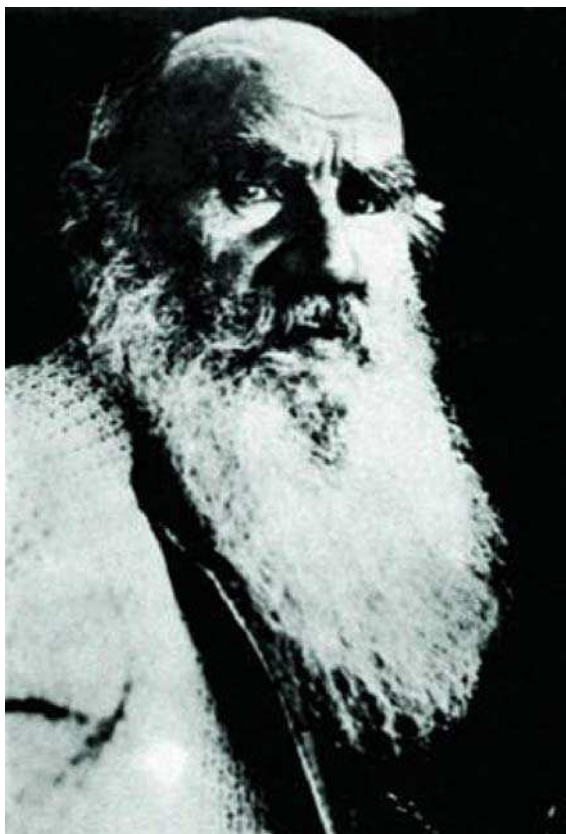
Все это, в общем, верно. Но с одной довольно существенной оговоркой.

Формула Бродского «Инстинкт самосохранения отступил перед эстетикой», в сущности, означает, что инстинкт самосохранения отступил перед «инстинктом художественности»: инстинкт художественности, которым так щедро был наделен Мандельштам, оказался сильнее инстинкта самосохранения. Но, противопоставляя «этику языка» каким-то иным – не столь глубоким – стимулам, подвигнувшим Мандельштама на создание его антисталинского стихотворения, автор этого тонкого рассуждения, в сущности, присоединяется к уничижительным оценкам Эренбурга и Пастернака, не считавших его фактом поэзии. Между тем как на самом деле, стихотворение «Мы живем под собою не чуя страны...» было не чем иным, как мощнейшим проявлением все того же инстинкта художественности, той самой, столь высоко ценимой Бродским «этики языка».

Именно этот инстинкт – такой же мощный и неистребимый, как биологический, побуждающий рыб совершать во время нереста десятки тысяч километров гибельного пути, – и есть та странная сила, которая заставляет художника погружаться в себя, оставаясь нечувствительным по отношению к самым страшным формам давления извне.

Побуждаемый этим мощным и неистребимым инстинктом, художник вслушивается в себя. Он занят собой. Из самой тайной, самой сокровенной глубины своего духа он извлекает «нечто» и облекает это «нечто» в слова, краски, звуки. И в конечном счете оказывается, что это «нечто» имеет огромную, непреходящую ценность для других людей, для человечества. Оказывается, что это «нечто» (портрет Нефертити, «Гамлет», «Реквием» Моцарта) – только оно и есть та ниточка, благодаря которой духовная преемственность человечества не пресекается. (Только оно, потому что научное и техническое творчество служит как раз изменчивости вида.)

Высочайшее нравственное значение искусства состоит вовсе не в тех нравственных тенденциях, которые проповедует художник, но именно в этой непреодолимой потребности художника извлекать из себя правду своей души, в его непобедимом стремлении вопреки всему делать свое странное, «никому не нужное» дело, и делать его – «хорошо».

È.Ì. Òrèpò íé: «...Υοί ααεί πò ααί ί ίά ί α ύππ αί εά ό ί α πò δαί ί ί α π γαεί έύ, ÷ ό ί ί α αεί ύέ πò αδέέ ά 70 έαò ί ί α έò çáí έί αò ύύ ό αεί έ ί ό ύ έ αί έ, έ αέ ί έ πάί έ ά ό ί ί αί α».

**** * ****

Художник – это, вообще говоря, человек, для которого стремление выразить себя есть единственное условие его существования. Иначе говоря, художник – это инструмент, посредством которого человечество осознает себя.

Социальный мыслитель – это инструмент, посредством которого общество узнает правду о себе. В этом – социальная функция интеллигенции, ее роль в обществе.

Художник выполняет иногда и эту роль, но – попутно, мимоходом. Назначение его в мире не сводится к этой узкой и в конечном счете утилитарной роли. Правда, которую общество узнает о себе, – лишь малая часть той правды, которую сообщает человеку искусство.

Инстинкт продолжения духовного рода родствен инстинкту духовного самосохранения. Но он в то же время существенно от него отличается, так как по самой своей сути предполагает некую мистическую связь художника с будущим.

«Ì ί δαί έ α αò αεί ά έ δέ ό έ ÷ α έ ρ η ί έ ί ό ό α δ η π α αò á á τ á υ ί έ α α ί á ç á í á ÷ α δ α ί ί ρ η α ó ύ έ έ ó η έ ί α ί αί π ά έ ί έ ί έ π ά έ α ί π ά γ α έ π ά υ π π ú. Ν í ó υ γ á τ έ α á π á υ, π έ έ ó α υ π π ú ί ί á π ί α ί, ύ ί α δ ή α έ á á á ί α έ á, ί ό ί ÷ έ ó ύ α ρ ί έ π π ú ί, ç á í ρ á α ó ó π á υ ό έ ύ, ί ί π έ α ί η ρ η έ ρ η ί ί έ á έ α α. Β έ ί α έ ί δ α α ί π á γ α ó ύ γ ό ί. Β ί á δ α π π á ÷ α δ ύ α έ ÷ α έ ί α ί έ π π ú á Í έ π π ú ί, ç á í á ÷ α δ α ί ί á á α ó ύ έ έ á, á á δ α π π á α ί ί ό ί ί á έ ó ί ί α έ α αò á á Í á ο α έ ύ. Ç í á ÷ έ ó, ύ έ á π ó ύ ÷ α έ ί πò α α ί ί ύ έ á á δ η π α αò.»

Ì í έ á α δ ó á í á έ á έ ί π π ú ί έ ί á á π π ú ί έ,

Í í ύ α έ á á, έ ί á ç á í έ έ ί ί á

È π ú ó ί έ á α ú ú έ ρ á α ç í ί á υ ό έ á

í áðáá ðáíí ááéééíé,

í áðáá éþáéí íé.

Е.А. Баратынский: «И как нашел я друга в поколение, читателя найду в потомстве я».

Правда, мерой долговечности Маяковскому пока все еще кажется степень чисто мастеровой, ремесленной «крепости» стиха. Ему кажется, что стих, которым можно «звенеть и хвастать» перед республикой, то есть стих сугубо утилитарного назначения, вполне может оказаться долговечным, рассчитанным на столетия. Надо только, чтобы был он сработан на совесть – прочно, крепко, ладно. Иначе говоря, надо быть умелым и взыскательным мастером.

Однако в последние годы жизни Маяковского в его стихах зазвучали довольно неожиданные ноты:

В сі аþ ñéó ñéíá

ÿ сі аþ ñéíá íáááò.

Íé íá óá éíòíðíí

ðéííéáíóò éíæé.

Í ò ñéíá ò áééò ñðíáþòñÿ áðíáá

óááòíí : áò ááðéíþ ñáíéò áóáíáíó í íæáé.

Áúáááò - áúááðííÿò, íá íáíá : áò áá, íá éçááá

Í í ñéíáí í : éòñÿ, ííáòÿíóá í íáí ðáá,

çáí éò ááéá, é ííáííéçáþò í íáçáá

ééçáòíí í íÿçéé í íçíééíò úá ðééé...

Образ поэта-мастерского еще преследует Маяковского. Долговечность поэтического произведения по-прежнему еще ассоциируется у него с «мозолистыми руками» человека, сработавшего вещь прочную, на века. Но, в сущности, от концепции поэта-мастера уже не осталось камня на камне. Осознана и провозглашена невозможность совместить официальный успех «у республики» с памятью в потомстве.

Когда Волошин, одинокий, неизданный и непризнанный, сознающий свою выброшенность из жизни, утешал себя:

Ἰὶ-ἀοίῳ αὐτοῦ ὀἀἀἀεὶ ἡ ἰἀεῖσῶν

Ἐῖν ἐῖν ἀοῖῳ ὀἀεὶ ἰ ἐ ὀἀἀεὶ ἐ,

Ἰ δὲ ἀεῖ ἐ αὐτοῦ ἰ ἀεὶ ἐ ἀε, ἀ ὀἀ ἀα

εὶ ἐ, -

в этом не было ничего удивительного, парадоксального.

Но когда Маяковский, читавший в Большом театре свою поэму «Ленин» (а в ложе сидел Сталин и, как говорят, аплодировал ему), когда официальный, государственный поэт говорит, что остаются в потомстве не те стихи, которым «рукоплещут ложи», а те, которые «бывает – выбросят, не напечатав, не издав», – тут есть над чем призадуматься.

Оказывается, Маяковский, издавший при жизни «все сто томов своих партийных книжек», как рыба об лед бившийся, чтобы доказать свою понятность, свою нужность, свою необходимость «республике», оказывается, он в глубине души завидовал непечатавшимся поэтам, он тоже хотел бы «списываться тайно и украдкой, при жизни быть не книгой, а тетрадкой...»

Во всяком случае, он уже четко осознал, что «звонит века», то есть оказывается долговечным чаще всего именно то поэтическое слово, которое поэт выбросил в мир, «не напечатав, не издав». Иначе говоря, не ремесленная «крепость» обеспечивает долговечность поэтическому созданию, а какие-то совсем другие его качества.

Какие же?

Очевидно, те самые, которые мешают ему быть изданным, напечатанным при жизни поэта. Те самые, которые отличают это поэтическое создание от тех, «которым рукоплещут ложи».

Тут уже один только шаг до концепции поэта-пророка, той, которую Маяковский исповедовал в юности («гвоздями слов прибит к бумаге я») и от которой потом отказался («мастера, а не длинноволосые проповедники нужны сейчас нам»).

Как бы то ни было, «ассенизатор и водовоз», демонстративно «поставивший свое перо в услужение сегодняшнему часу и его проводнику, партии и правительству», подводя итоги, испытал потребность обратиться «через головы поэтов и правительств» непосредственно к людям будущего.

Фамильярничая, маскируясь напускной грубостью, по-простецки называя потомков товарищами, в критическую минуту своей жизни он тоже запечатал свое письмо в бутылку и бросил бутылку в океан, надеясь, веруя, что далекий потомок поймет его. Поймет и оправдает лучше, чем это смогли сделать современники.

У Мандельштама сумели отнять даже эту надежду.

У него отняли последнюю возможность, которая всегда, при всех обстоятельствах оставалась у поэта: возможность запечатать письмо в бутылку и бросить в океан. Предполагалось, что самый отдаленный потомок, найдя такую бутылку, с презрением отшвырнет ее от себя, не распечатывая. Ведь все, что делалось, все ужасы и жестокости, все несправедливости – всё это совершалось не просто так, а для них, потомков, для людей будущего.

Маяковский мог надеяться, что люди будущего простят ему то, что он ради них наступал на горло собственной песне.

У Мандельштама не могло быть таких надежд. Совершался величайший в истории социальный эксперимент. Каждый, кто хотя бы в душе своей подверг сомнению политическую, экономическую или нравственную правомочность эксперимента, покушался на само будущее.

Настоящее было фундаментом, на котором воздвигалось прекрасное завтра. Ощутить себя чужим сталинскому настоящему значило вычеркнуть себя не только из жизни, но и из памяти потомства. Вот почему Мандельштам не выдержал. Вот почему он стал так судорожно и неумело «перековываться»:

*Èçì áíÿé ì áíÿ, éðàé, í áðíéðàé áàé, -
× áááí æ àð í ðééðáí éáí í íé çàí èè! -
Çàðéááí óéáííí áéí ò í áéà × áí áááá -
í íí íáé, ðàçáÿæé, ðàçáíéé!*

Из последних сил он пытается убедить себя в том, что прав был – тот, «строитель чудотворный», а он, Мандельштам, заблуждался, и чем скорее он откажется от своих заблуждений, тем вернее приблизится к истине:

*В áíéæáí æ è ò ù áúøà è áíéúø áááÿ,
Ðááí ò à ò ù ðá-ù í á ñéó áÿííí ñáí - áðáá
В ñéúó á Áðéò ééá ì àøéí ñáíò ñééó ñò óé,
В ííí íð áíá - íáí áðééð áðàò úáá øáè
È ÷ ò í èééíáíí áðááí áí Èíðáééè
Ñááíáí éé è í áéà- íáí íéí éé ñáíé áííáá
È í á íáðááéáí ÿ è í á í ááéíí éáí,
Í í ò íéúéí ÷ ò í áíáá í áðááí áííí éáí...*

Ограбленный и надломленный, он пытается уверить себя в обратном – в том, что он наконец-то оправился от тяжелой болезни.

Первопричиной этой духовной трансформации было вовсе не только грубое давление извне. Поэты, как я уже говорил, такому давлению неподвластны.

Причина «грехопадения» Мандельштама коренилась отнюдь не в слабости его, не в готовности к компромиссу. Мандельштам не уступил грубой силе, не сдался. С ним случилось нечто худшее. Он утратил сознание своей правоты.

Ну, а как же инстинкт продолжения духовного рода?

Ведь инстинкт – он на то и инстинкт, чтобы действовать вопреки сознанию, вопреки всем велениям разума, логики, здравого смысла. Человека можно убедить, обмануть, опутать сеть искусственных логических построений, наконец запугать. Но можно ли вторгнуться в заповедную область его подсознания, посягнуть на его инстинкты?

Оказывается, даже тут применима могучая формула века: «Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять».

* * *

Поэт всегда настаивал на своей независимости от властей предержавших. Не раз уверенно, высокомерно напоминал он о том, что душа его неподвластна царям, королям, императорам и прочим земным владыкам:

Í á ààì òí ðààÿÿòüí àññ ïí ààüà äóóîþ,

Í í àññòþ ïëëó ï ðèçí àë í àà ïñ áîþ!

Основой этой уверенности было отнюдь не вольнодумство, не отвага революционера, сознательно выступающего против власти тирана. О том, что никому не дано посягать на их тайную свободу, не раз говорили даже те поэты, которые беспрекословно соглашались отдать кесарево кесарю. Иные из них, может, и рады были бы отдать кесарю даже то, что принадлежит только Б-гу. Но при этом они знали, что даже при обоюдном согласии кесарь этим имуществом воспользоваться не сможет.

В сущности, именно об этом написана пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке». Кротко, безропотно, беспрекословно выполняет рыбка все требования обезумевшей старухи, начиная с самого ничтожного («Не печалься, ступай себе с Б-гом, будет вам новое корыто») и кончая тем, что может казаться последним пределом человеческих желаний («Не печалься, ступай себе с Б-гом, будет твоя старуха царицей»).

Подчеркнутая одинаковость этого ответа – нечто большее, чем обычный сказочный канон, требующий стилевого повтора. Мечта о неограниченной царской власти уравнивается здесь с мечтой иметь новое корыто. Стилевой повтор указывает на то, что мечта о царских бармах недалеко ушла от мечты о новом корыте или новой избе, что все эти желания, при всей их несоизмеримости, лежат в одной плоскости, принадлежат к одному и тому же роду земных благ.

Рыбка отказывается выполнить лишь то желание, которое посягает на ее тайную свободу:

× ò í á ïëóëëèà ï í á ðñ áéà çí ïí ðàÿ

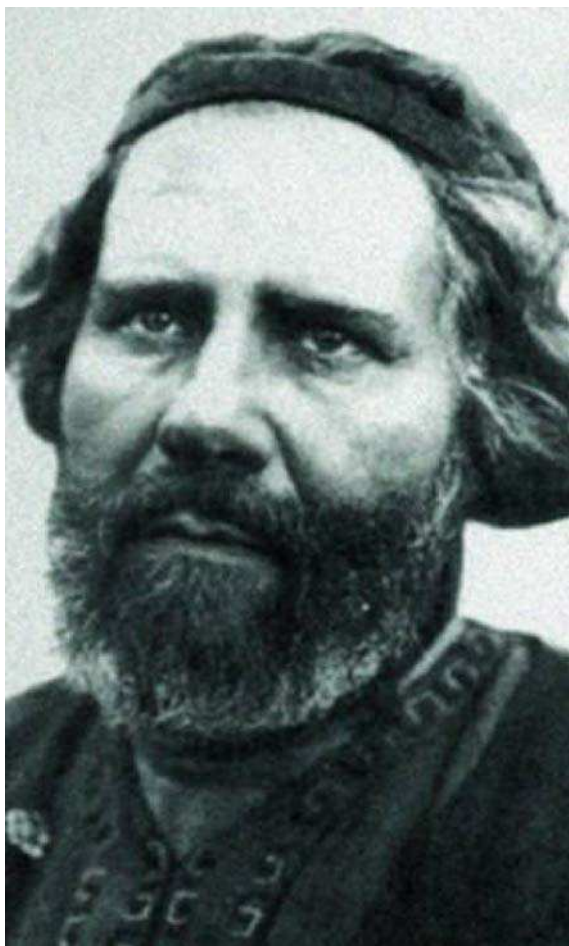
È áññèà áñ ò ï àíÿ í à ï ïññèèàð..

Вернее даже, рыбка не отказывается выполнить и это требование старухи:

Í è: àñ í á ïëàçàéà ðñ áéà,

Èëóü óáññò ïí ïí àí áá ï éáññ óéà

È óóéà á äëóáíéíà ï í ðá

Γ. Α. Αϊεϊθελ: «Γ-αοίΓ αύου άάδελ τι Γαεπίου, ε π'επίάουπυ άαείΓ ε άάάάε...»

Похоже на то, что случайная пленница бедного рыбака не то чтобы не хочет, а просто не может выполнить это последнее его желание. Так оно, в сущности, и есть. Последнее желание старухи оказалось невыполненным, потому что оно по самой природе своей было невыполнимо.

Старуха оказалась у разбитого корыта не потому, что ее претензии были несоразмерны ее способностям или заслугам. В этом смысле разрыв между предпоследним ее желанием (стать царицей) и последним, несбывшимся (быть владычицей морскою), даже не так велик, как между желанием иметь новое корыто и стремлением к царской власти. Право владеть земным царством она заслужила так же мало, как и право владеть морской стихией. Однако же это, первое, право было ей почему-то дано.

Старуха поплатилась не за непомерную свою жадность, а за то, что посягнула на нечто такое, на что не вправе посягать никто из смертных. Она посмела перейти некий предел. Она захотела несбыточного: изменить своей земной природе, переселиться в другую стихию: «Чтобы жить мне в океяне-море...»

В пределах земных желаний человеку доступно все. Сын сапожника может стать неограниченным властелином полумира. Но никому не дано перейти предел, положенный Б-гом. Никому не дано проникнуть в таинственную стихию, находящуюся во власти иных, высших сил.

Поэзия, как и море, – Б-жья стихия. А с Б-жьей стихией, – говорил Пушкин, – царям не совладать.

Поэт – пророк высших сил. Его душа неподвластна земным владыкам, потому что она находится в номенклатуре непосредственно у Г-спода Б-га. Поэт может забыть об этом, он может поддаться лести, подкупу или уступить грубой силе – все равно из этого ничего не выйдет. Он не может сам, по собственному усмотрению располагать своим поэтическим (пророческим) даром, потому что этот дар – не его собственность, он принадлежит не ему.

Вот как высказался на этот счет Л.Н. Толстой.

«Есть глубокий по смыслу рассказ в “Книге Числ” о том, как Валак, царь Моавитский, пригласил к себе Валаама для того, чтобы проклясть приблизившийся к его пределам народ израильский. Валак обещал Валааму за это много даров, и Валаам, соблазвившись, поехал к Валаку, но на пути был остановлен ангелом, которого видела ослица, но не видел Валаам. Несмотря на эту остановку, Валаам приехал к Валаку и взшел с ним на гору, где был приготовлен жертвенник с убитыми тельцами и овцами для проклятия. Валак ждал проклятия, но Валаам вместо проклятия благословил народ израильский.

23 гл. (11) “И сказал тогда Валак Валааму: что ты со мной делаешь? Я взял тебя, чтобы проклясть врагов моих, а ты вот благословляешь?

(12) И отвечал Валаам и сказал: не должен ли я в полностью сказать то, что влагает Г-сподь в уста мои?..”

И так и ушел Валаам, не получив даров, потому что вместо проклятья благословил врагов Валака.

То, что случилось с Валаамом, очень часто случается с настоящими поэтами-художниками. Соблазняясь ли обещаниями Валака – популярностью или своим ложным, навеянным взглядом, поэт не видит даже того ангела, который останавливает его... и хочет проклинать, и вот благословляет».

(Е.І. Орешніє. І ієї. III ад III. О. А. І., 1957. № 374)

Выходит, что поэт может даже утратить сознание своей правоты, оказаться в плену чьих-то чужих, как говорит Толстой, – ложных, навеянных взглядов, – и все равно, если он настоящий поэт, ему не удастся изменить истине, проклясть то, что по воле высших сил он должен благословить.

Отравленный этой гордыней, исходя из этой уверенности, внушенной нам нашими великими учителями, я так начинал эту работу:

*«Нòаеі́ і́а сіае́, ÷òі́ і́іуòà èаа́-а́ а́аеòу́ ÷аі́ çаіòàаеòу́ а́а́ а́і́і́'аòу́ òі́, ÷òі́ а́і́ ó
а́аае́а́а́і́ і́».*

С тем я и приступил к делу, как школьник приступает к решению задачи, заранее зная ответ. Но теперь, все яснее различая сквозь магический кристалл очертания истины, я уже не так уверен в ответе.

Пушкину. Это была гордыня, сознание преимущества «долговечных» замыслов художника перед «кратковременными», обреченными на скорую смерть замыслами «журнального балагура».

Пушкин знал, что с цензурой, или без нее, он все равно будет в размолвке со своими современниками, с «толпой», даже с «народом». Но он знал и другое. Он знал, что связь его с будущим неразрывна, что на эту связь пока никто еще не в силах посягнуть. Потому что никто не может посягнуть на высшую его, тайную свободу. Это и питало его неколебимую уверенность в непреходящей ценности для человечества особого, чуждого всякой утилитарности предназначения поэта.

Í á äëÿ æèð àéñéíá ãíéí áí úÿ,

Í á äëÿ éíðúñðè, í á äëÿ æèð á

Ì ù ðí æääí ù äëÿ ááí òí í ááí úÿ,

Äëÿ çáéí á ñéääèè è ì íèè ò á

Так высокомерно и презрительно отвечал поэт на домогательства черни. Хотя справедливости ради следует признать, что домогательства эти были в ту пору еще довольно скромны. Чернь разговаривала с поэтом еще весьма почтительно. Она, правда, уже осмеливалась давать ему советы, полагая, что может направить его на путь истинный, но ни в малой степени не посягала при этом ни на его избранничество, ни на б-жественную природу его дара. Она лишь смиренно просила поэта использовать этот дар ей во благо, обосновывая свою просьбу, может быть, не очень искренними, но весьма пространными самоуничижениями.

Í áð, áñè è ù í ááí è çáðáí í èè,

Ñáé äáð, áí æáñ ò ááí í úé ì ñéáí í èè,

Áí æéää í áí òí ò ðáäëÿé:

Ñáðáòá ñ áðáð ò úáá è ñí ðáäëÿé.

Ì ù ì äéí äóó í ú, ì ù éí ááðí ú,

Ááñ ò ú áí ú, çéú, í áééää äáðí ú;

Ì ù ñáðáòáí ò éääí ú á ñéí í óú,

Ééää ò í èèè, ðááú, äéí óú;

Áí çáÿÿ ò ñÿ èéóáí ì á í áñí ò ðéè,

Òú ì í æáóú äéè æí ááñ é þáÿ,

Áááð ò ú í áí ñí æú á óðéè,

Á ì ù ì ñéóó ááí ò ááÿ!

В наш век не так-то просто понять, чем, собственно говоря, эта корректная и в высшей степени самокритичная чернь так разгневала поэта.

На этот счет существует множество объяснений. Вот объяснение Мандельштама.

«Éí ááá ÷ áðí ú ì ðááú ááá ò ñÿ, ñ ÿ çé è á áí ñéá ò ááð í áí í í áí ñò ò ðí æí í á áí ðá æ áí è á ì í í ò í í áð áí í éí ÿ áð ÷ áóó ò áðí áí éÿ ì ÿ çò á è ðáñ äéÿ áð ááñ í áí ááè ñò ú»

À i ú i iñéóááí òááý - áìò ýòí ááñòáéòííá áúðááéáí éá ðáíáý i iñéòíñòú ýòéá, éáçáéíñú áú, ááçáéáí úó ñéíáí:ááéáí à Í áááðíí i iñýò èì áííí çááíí íáááý, íáðáéáááò ÷áðíú.

(Í ñááíáí ééá)

Íá òáé áé ñóááñòááííí, èñ:áðíúáááò èé ýòí íáýýñáíéá ñòú ááéá. Ááéíí áðááá Íáðááíéá ÷áðíé èñííéíáíí òáéíáí i iñ:òáíéý, ÷òí i ðé:éíó áíáçáíííáí áí ááá i iñýòá íááéúíí òí:áðíý íáýýñéòú

Ñòíéáðéá ñí úñý ÷áðíú óéá áíáíðééá i iñ:áðááíí á Áí-íáðááí, èçí áíééñý òíí. Áí áíòí «Òú i íáéáóú» ííá ñòáéá áíáíðéòú «Òú áíéááí!» Ðáíúóá ÷áðíú áíáééòíááéá é áíáðíé áíéá i iñýòá, èéóáí áðíí i íéééá áá ñí èçíéòé áí áí íóéá. ðáíáðíí ñéóáéíéá áá i iñòðááííñòýí ííá íáýýáééá áá i ðýí íé íáýçáíííñòúþ:

«Òíááðéú Ñòáééí íáçáéé íáóéò i éñáðáéé éíáéáíáðáí é ÷áéíáí:áíééò ááó. ×òí ýòí çá:éò? Éáééá íáýçáíííñòé íáééááúáááò íá ááñýòí çááí éá?»

Ýòí çá:éò, áí-íáðááí, çáòú æéçíú ÷òíáú óíáòú áá íðáááéáí èçíáðáçéòú á óúáíáéáñòááííúó i ðíéçáááíéýá.. Íðé ýòíí i ðáááéáíñòú é èñòíðé:áíééý éííéðáòíñòú óúáíáéáñòááíííá èçíáðááéáíéý áíéáéíú ñí:áðáòúñý ñ çáá:áé éááéííé íáðáááééé é áíñéòáíéý òðááýúééñý á áóóá ñíóéáééçí á».

(Í áðááé Áíñíþçí úé ñíáçá ñíááòñééò i éñáðáéé. Ñòáí íáááòé:áíééé íð:áð. Ðá:ú ñíáéðáòáðý ÓÉ ÁÉÍ (á) Á.Á. Éááí íáá Í., 1934 Ñ. 4)

Á.Á. Éááí íá «Òíááðéú Ñòáééí íáçáéé íáóéò i éñáðáéé éíáéáíáðáí é ÷áéíáí:áíééò ááó... Éáééá íáýçáíííñòé íáééááúáááò íá ááñýòí çááí éá?..»

Былого самоуничижения тут уже нет и следа. Такие слова, как «идейная перделка» и «воспитание», хотя и предполагают наличие каких-то пороков, нуждающихся в исправлении, но говорят о них уже весьма туманно. Чувствуется, что мнение черни о себе сильно изменилось к лучшему.

И все-таки пока еще чернь как бы призывает поэта служить ей на прежних условиях. Пока еще она как будто бы искренне хочет, чтобы поэт выполнял задачу «идейной перedelки и воспитания трудящихся», то есть в меру сил и собственного разума «сердца собратьев исправлял».

Но скоро и с этим будет покончено. Скоро чернь перестанет говорить о своих недостатках даже в такой завуалированной форме. Отныне она будет говорить только о своих необыкновенных достоинствах, о своих великих заслугах. Она будет требовать от поэта: «Воспевай меня!» и при всяком удобном и неудобном случае будет напоминать ему, что он ест ее хлеб и потому должен служить ей верой и правдой, за страх и за совесть.

– Нечего умничать! – скажет эта новая чернь поэту. – Служить – это значит делать то, что велено! И никаких гвоздей!

А когда растерявшийся поэт, вовсе уже не помышляя о своих былых привилегиях, робко попытается отстоять хотя бы свое гражданское равноправие, окончательно обнаглевшая чернь откажет ему даже в этом:

**«- Άτό, ἀειεὸά, πῶσεεὸύ! πῆραεὶά Ἐίτ:εά - Ἰ ύ, ἱεαῖάααὸύ, ἀίεαίύ οίείετ
πῶσεεὸύ Ἄα αεά οίάαα δαάτ ἱί δαάεα?**

**- Ἄα, πῶσεεὸύ, πῶσεεὸύ! - πῆραεὶ Ἀσέαὸίά - Ἰά ἱ ύ ἡ αἱ ἐ αἰδαυεααί ὀεά Ἄ ἱε,
ὀδσεαίεεε. Αἰδαυεαίεὸά αἱ ἡαί ε, ἐ ἱεεἱ ὁ πῶσεεὸύ ἱά αααὸά.. Ἰ ἱεαίου - αἰδαυεαίε ὀεά, ἐ
αἰαἱ ὁ οὔγίαὸ - ἱά αααἱεε, αε ὀεά αου..»**

(Ἀηάεἱά Ἐτ:αὸίά x αἱ αεά οὔ οί:αου?)

Хуже всего было то, что эти аргументы произвели известное впечатление и на поэтов. Идея утилитарности (то есть идея служения искусства народу) победила не только материально, но и, так сказать, духовно. Она победила в сознании поэта. Поэты вынуждены были признать ее и внутренне с нею считаться.

Теперь никто уже не смел повторить вслед за Пушкиным:

Ἰ ἱε:ε, ααἱἡ ὑηάτ ἱύε ἱαδἱά

Ἰ ἱαἱ ὑεε, δαά ἱσεαἱ, ααἱὸ!

Ἰ αἱ ἱαἱ ἱ ἱά οαἱε οἱἱὸ αααεεε...

Одни сразу, безоговорочно сдались на милость победителя и даже попытались объявить это своей победой:

В, αἱἱἱ εαὸὸδ

ε αἱἱἱαε

δαἱεβὀεε

ἱ ἱαεεεαἱἱ ἱύε ἐ ἱδεαἱἱ ἱύε,

ὀαε ἱά οδἱὸ

εε ααδἱεεὸ ἡαἱ αἱἱἱὸά

ἱἱεεε...

(Ἰ αἱεἱἱεεε)

Другие печально склонялись перед неизбежностью:

Έσάα ίάι ίτέοε? Ίασά άρέϋ άδύεά!

Άάά ού çàίΊάουΐ? Άάάϋ δεοί ίε

δανέεί ούΐ?

Ίάσ δτέίò, ίάσ ίΐΐάεΐò δανΐ δΐάάί ηέΐòεά..

Έάε οί:άουΐ- δανΐ εάΐ:ίΐ

εέε ίά άΐΐΐΐ?

(Άάδεόέεε)

Третьи приходили в отчаяние, сознавая полную безнадежность сопротивления:

À ηòάί ú ίδτεέϋò úά òΐΐεε,

Έΐάεóάά άΐέϋά άάεάòú-

À ϋ, εάε άóάε, ίά άάάάίεά

Έΐΐ ó-òΐ ίάϋçάί εάάάòú..

(Ί άΐάάέϋòάΐ)

Четвертые из последних сил пытались удержать последний плацдарм:

Ίòάάΐ άΐΐ άóóΐέòϋάδΐ εΐ άΐ,

Ίΐ òΐέϋΐΐ εέδú ì εέΐέ ίά ίòάάΐ ...

(Άΐΐΐέΐ)

Как видно из приведенных цитат, Мандельштам смотрел на положение поэта в новой ситуации безнадежнее, чем кто бы то ни было. Он не занимался самообманом, не пытался убедить себя в том, что гнусная обязанность кому-то «играть на гребенке» имеет какое-то, хотя бы косвенное отношение к поэзии. С поэзией покончено, б-жественный источник иссяк:

Έ άΐ άΐòΐ εέΐΐ:ά Έΐΐέδάΐ ú

Άάάΐέοΐάΐΐ ηò δαòά ηò δόϋ

Άΐδάάòϋϋ á óάεòóΐ úά ηòάΐ ú

Ίΐηΐάΐΐΐΐΐ çΐΐΐ æέέϋϋ.

Впрочем, разве не о том же говорят и все остальные цитаты?

Даже Маяковский не строит на этот счет никаких иллюзий. Он, правда, в отличие от других пытается уверить себя, что его уход «из барских садоводств поэзии» был для него событием скорее радостным, нежели печальным. Но это плохо ему удается. Он проговаривается. Выясняется, что процедура эта была довольно мучительной:

Í í ŷ

íííŷ

íí èðŷë

íò áí íáŷííí

í à á ð è í

íí áíò ááí í í é í áíí á

Впрочем, одно только словечко «мобилизованный» дает возможность разглядеть в радостной добровольности ухода Маяковского некую трещинку. И постепенно становится ясно, что эта радостная добровольность сильно осложнена какими-то смутными предчувствиями, прямо перекликающимися с грустным пророчеством Пастернака:

Í áí ðáíí í á áí è ááèè è í á

íí áíò á

Ááá áííò áé íò ðáíí è í ð ááí ú

í áíò á

Í íò ááè áí á ááè áí íéŷ í íŷò á:

Í í á í í áíí á, áíéé í á í óíò á

И даже отчаянная попытка Есенина сохранить за поэзией последний плацдарм была обречена, ибо как можно отдать «всю душу», оставив себе «лиру»? Ведь «лира» – это не что иное, как материализовавшаяся душа: «Душа в заветной лире...» – говорил Пушкин.

À.À. Ì ayéṣàṣéé: «...B n̄aȳ n̄ èd̄ȳ, n̄ò àí f̄aȳn̄í à ã ð̄éí n̄ àn̄ ò àáí í é í àn̄ à».

**** * ****

Итак, имели место лишь отдельные мелкие разногласия. Одни поэты считали, что источник гармонии иссяк. Другие полагали, что он искусственно замурован. Третьи склонялись к мысли, что он засыпан мусором, завален нечистотами. Четвертые соглашались со всеми предыдущими, но при этом добавляли: «Иссяк, ну и хрен с ним! И не очень-то он нам нужен!» Однако и первые, и вторые, и третьи, и четвертые одинаково сходились на том, что б-жественного источника, из которого во веки веков черпали поэты, больше не существует.

Но эта ясность пришла не сразу. Сначала возникла иллюзия, что источник гармонии просто переместился и бьет теперь в другом месте. Или, вернее, так: открылся новый источник, неизмеримо более сильный и более чистый, чем тот, прежний.

Честь открытия принадлежит, разумеется, Маяковскому.

Он первый «с высот поэзии» кинулся в революцию и от имени самой поэзии принял и благословил ее всю, целиком, со всеми ее ужасами, кровью и жестокостью – так, как это сделал за полвека до него один из ее пророков – Н.Г. Чернышевский: «Меня не испугают ни кровь, ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем...»

Маяковский был далек от того, чтобы считать свой уход на фронт революции уходом от поэзии. Наоборот! Он был уверен, что революция произошла исключительно во имя поэзии, для высшего торжества ее, что революция – синоним поэзии, что поэт, оставшийся вне революции, оказывается тем самым и вне поэзии.

Ни на секунду не сомневался он в том, что ему лучше, чем кому бы то ни было, известно, что должен делать поэт, чтобы по-прежнему воплощать в себе самое поэзию:

B àp̄ n̄āp̄

çāí éq̄p̄

n̄èéó í f̄yòà

ò àáá í ò àāp̄,

à ò àéq̄p̄ ù è é è àn̄ ì!

Соглашаясь «отдать всю душу Октябрю и Маю», Есенин мечтал оставить себе хотя бы лиру. «Я не отдам ее в чужие руки!» – иступленно кричал он.

Маяковский пошел гораздо дальше: отдав в чужие руки «всю свою звонкую силу поэта», он готов был даже предоставить обладателям этих «чужих рук» полное и непререкаемое право решать за него, когда ему следует «петь», а когда – молчать:

B òí:á

÷ ò í á è í í ó á ð à á í ò ù

ç à è í ì

ç à í è ð à è ì í è

à á ú ç à í è í ì !

Маяковский, видимо, не слишком вдумывался в жуткий смысл этой метафоры. Его вела за собой прямая ассоциация, развертывающая образ: «Я себя советским чувствую заводом...» Но когда практика затыкания поэтам рта с помощью и при активном участии разнообразных «завкомов» стала нормой советской литературной жизни, метафора Маяковского вдруг обрела совершенно иной, очень конкретный и единственно возможный смысл: «Мало ли, еще сболтну ненароком что-нибудь лишнее... А враг не дремлет... Нет уж, товарищи, вы уж, пожалуйста, со мной будьте бдительны. Заприте лучше мои губы на замок... Для моей же пользы... Так и вам, и мне будет спокойнее...»

Такое и самому Кафке не могло бы присниться. Впрочем, я думаю, что Маяковского не оскорбило бы и такое, вульгарно-прямолинейное истолкование его метафоры. Он хотел верить, что даже если и впрямь «завком» начнет запирает на замок губы поэтов, поэзии это мероприятие пойдет только на пользу.

Теперьшние хулители Маяковского вменяют это ему в вину как предательство, как измену поэзии, измену самому себе, своему предназначению.

Но Маяковский был всего лишь последовательнее и решительнее многих. Не он один наивно полагал, что победивший пролетариат, выставивший вооруженную охрану непосредственно возле самого «источника гармонии», совершил эту гуманную акцию исключительно в интересах самой поэзии.

Можно написать целое исследование, объясняющее, почему в поэтической судьбе Маяковского это трагическое заблуждение нашло законченное, наиболее обнаженное, отчасти даже наиболее уродливое свое выражение.

Но что уж говорить о Маяковском, если оно коснулось даже Мандельштама:

Í è è í ã ã , í è è í ã ã í á á í ý è á ã ã è è ð á
Ò ý æ è í ã ã ì í è í ò á á á ð á ò ñ è è ð ð è á ò !
× ò í ñ è á ç è ð ð ã ã æ í è è , ñ è á ç è è è ð á á í ò í è è :
- Á í è ñ è è í ó í ð á á á á ó í á ñ í á í á !
Á æ è í ù ï á ò ñ ï æ è á è í è í ò í è è ,
È í í ý ò , æ è á ñ è á ò è è ñ ñ ý ò í ã æ í á !
À á á ï ñ ï æ è á í ! È á í è , è í í : è
Ì ù ñ ò ð ñ è è è á ï á ò á è í á ò á ñ ï ñ ò í á !
Í í á ï á ñ è í è ñ ò ð í á ñ ò è ñ è ð ï á á á ò ð á á í : è è
Á ù ñ è ç ð í æ è í ñ ò ù á ð ý á ò ù è è á æ í á !

(1922)

Мандельштам, правда, тогда еще не опасался за свою лиру. Как только он понял, что «под маской суровости» пролетарского государства таится угроза для самого существования искусства, он сразу заговорил по-другому.

Маяковский поступил иначе. Когда и он понял, что выбор у него небольшой – верность поэзии или вера в непогрешимость пролетарского государства, – он выбрал сразу, твердо и непоколебимо: государство. Правда, сделал он это не корысти ради, а токмо волею самой поэзии и во имя ее. Ведь суровое пролетарское государство должно было привести человечество к коммунизму. А коммунизм:

... ý ò í ï á ñ ò í ,

ἄνὰ ἐπὶ-ἀγὶ τοῦ ἐῖς ἱῶν ἐεῖ

ἐ ἄνὰ ἰῶν

ἰ ἱῶν

ἰὸ ἐὸτᾶ ἐ ἰῶν.

Мандельштам на такую жертву был неспособен. Когда настала пора выбирать, он выбрал поэзию. Но сама необходимость такого выбора, как видим, даже для него не сразу стала очевидна.

Я сказал: он выбрал поэзию. Это не совсем точно. Формула «он выбрал» предполагает раздумье, спокойное взвешиванье всех «за» и «против». Коротко говоря, предполагает расчет. А тут не было, да и не могло быть никакого расчета.

Почувствовав, что «под маской суровости» пролетарского государства таится угроза его тайной свободе, Мандельштам сразу понял, что он обречен. Потому что выбора у него не было:

ῥαὶ ἐὸαὲ ἰ ἀγὶ εῖο-οῶ ἐαὲ οἰῖ ἐύ, ἁ δὲεῶ

Ἐαὲεῖ εῖ οῶν ἰεῖ ἐδῖεεὸ ἰὸ αἰᾶε...

Ἰ.Υ. ἰ ἀγὶ εῖο-οῶ : «В ἰά οἱ-ὀπῶν ἰ ἰεῖ οἰῖ ἐε-ἰ ἰὸ δᾶσι ἀγὶ εῖο-οῶ ἰ ἰεῖ εῖ εῖ ἰεῖ εῖ εῖ...»

Но когда это, предвидимое и предчувствуемое, случилось, выбирать надо было уже не между верностью поэзии и изменой ей, а между двумя полярно противоположными, враждебными представлениями о том, где нынче обретается поэзия, где находится теперь источник гармонии, божественный ключ Ипокрены.

Именно страх остаться вне поэзии привел Мандельштама к этому самогипнозу:

Βίαιος ὁ πᾶσι βίαιος ἀλλ' ἐπιούσῳ

Ἐὰν αἰετὸς ἴππῳ αἰετὸς ἀλλ' ἄσπετος,

Ἴππεύει δ' ἐπιούσῳ ἀλλ' ἐπιούσῳ ἐπιούσῳ,

Βίαιος ὁ πᾶσι βίαιος ἀλλ' ἐπιούσῳ.

Точка опоры для убеждения себя в собственной благонадежности была найдена.

НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ

Ê 10-ÊÁÒÈË ÑÎ ÁÍË ÑÎ ÁÐÒÈ ÀÍ Í Û ÁÁÐÇÁÐ

Êííá Áíðèíáá

Áííá Ñáí íèèíáíá Ááðçáð - èçáííðííé èèòáðáòðííé èðèðèè è ðáááèòð íðíçí. Áááí ááááòí èáò ííá íðíðááí ðáèá á «Ííáíí í èðá» ðááðáíáíèíá - á ííðç, èíáá á æðíáèá í á:áðáèèíí Áèèòð Íáèðáííá, Ááíèèíí Áíèíá Ëðèè Áíí áðíáíèè, Áèèíáíáð Ñíèæáíèòíí, Áèðáèèè Ñáí èí, Áèááèí èð ðáí áðçéíá, Õáçèèí Èíèáí ááð, Áíðèí Í íæááá, æííáç Áèòí áðíá, Áèááèí èð Áíèííáè», Õááíð Ááðáí íá Áíáòíèèè ðíááèíá È. Áðèíáá, Ááíèèèè Õðèèèí, Ëðèè Õðèèííá..

Áííá Ñáí íèèíáíá Ááðçáð áíí á çá ííèèí í èííí áíííí ðòíèí. Êííáò 1960-ò áíáíá

Книга Некрасова открыто и незащищенно противостояла всем законам и канонам тогдашней литературы, – пишет Анна Самойловна Берзер о повести Виктора Некрасова “В окопах Сталинграда”. – Вспоминая потом о ней, он говорил, что в его повести нет ни генерала, ни политработника. В ней нет фактически Сталина. Только солдаты и офицеры и его некрасовский сталинградский окоп.

Слово «незащищенность» в статьях Анны Самойловны, в разговорах, которые она вела, встречается постоянно – в сочетании с именем Гроссмана, с именем Трифонова, с именем Твардовского, в «Новом мире» которого она проработала 12 лет, открыв целый пласт русской прозы и вернув русской литературе достоинство большого искусства и правды. Остро и всякий раз заново она ощущала незащищенность правдивого слова от лжи и казни. Любой из них: Некрасов, Трифонов, Гроссман, позже – Шукшин, Семин, Быков, Войнович, Искандер, Домбровский, Солженицын и многие другие – по чисто житейским меркам – был защищен лучше, чем она сама, хрупкая, скромная женщина, приезжавшая на Пушкинскую площадь в свой «Новый мир» с московской окраины, где жили они вдвоем со старшей сестрой Диной Самойловной. Но не думая о себе, а лишь о том, что талантливого автора надо вывести к читателю, которого она ощущала рассеянным по огромной стране, по районным и прославленным библиотекам, она становилась на защиту талантливой вещи перед всеми инстанциями внутри редакции и вне ее, вплоть до высших государственных, ибо щупальцы запрета были эластичны и пробирались в подкорку и всепроникающим было дыхание страха. Страх в ней не было, а была выдержка и способность к атаке, даже вкус к ней, без праздного азарта и торопливости, только уверенность – раз правда сказана и пришла к ней в руки, значит ее, Аси Берзер, руками предназначено довести до людей эту правду. Восторг удачи (а вспыхнувшее дарование – всегда восторг) был для нее сигналом к действию.

книжку. Поговаривали глухо, что Ивана Василенко похвалил Вересаев. Больше защиты искать было негде. О Вересаеве говорили, пишет она: «Стар, болен, увлечен переводами “Илиады” и “Одиссеи” Гомера. Что ему Иван Василенко?» Свою статью о Василенко 78-летний Вересаев продиктовал, посадив ее за свой письменный стол, и, записывая за ним, она «уже чувствовала себя как бы изнутри его статьи, в полном слиянии с ходом его мысли и жизнью его души».

Эти слова – «в полном слиянии с ходом его мысли и жизнью его души» – формула ее редакторского самочувствия. Так было с каждой новой вещью. Это художественное перевоплощение и было ее искусством. Искусством особого рода, не имеющим наименования, но предполагающим безмолвие как условие приобщенности.

Когда спустя пятнадцать лет ей на стол легла рукопись безвестного школьного учителя под лагерным номером «Щ-854», ситуация эта была для нее уже привычной. Навык прохождения за полтора десятилетия отработан – он соотносился со шкалой ценностей, художественных и нравственных, продиктованных русской литературой. Эти ценности определяли линию поведения, и, перескочив положенные ступени, она отдала рукопись прямо Твардовскому. И пошла всходить звезда Солженицына.

«Она поняла, – писал в 1969 году, незадолго до своей смерти Аркадий Белинков, – что сейчас решается судьба новой русской литературы и что она решает эту судьбу. И от того, насколько она умна и тонка, деликатна и осторожна, зависит, что же с нами со всеми будет, потому что это все должно создать прецедент».

Здесь следует сказать еще об одной – стратегической стороне ее действий. Она всегда думала о судьбе автора, а не только о судьбе его вещи и значении её публикации для журнала. Жизнь талантливого автора, его дальнейшая литературная судьба в ее собственной душевной жизни занимали главное место, не заслоня горизонты, а необычайно расширяя и проясняя их. В своей большой работе «Прощание», посвященной Василию Гроссману, она напоминает, что «травля Пастернака по поводу Нобелевской премии началась с конца октября 1958 года и продолжалась весь 1959 год, а сам Пастернак умер в мае 1960 года, когда его имя, роман и похороны были в центре мирового внимания.

Именно в это время... на фоне этих громких событий Василий Семенович Гроссман отнес свой роман в журнал “Знамя”.

И решили: “чтобы не повторилась”...

Так родилось на свет это дикое словосочетание – “изъятый роман”, особенно противоестественное и невыносимое для того, кто хорошо знает, что значит для писателя и вообще для всей жизни грохот наших типографских машин, выпускающих пахнущие свежей краской журналы живых, думающих и всегда страдающих за людей писателей. Именно живых... Это я знаю точно, из всего опыта собственной профессиональной жизни». Позже, когда спустя три года Гроссману удалили почку, «хирург назвал время, когда появилась опухоль. И буквально совпало оно, время: катастрофа с романом...»

Рукопись романа Гроссмана «Жизнь и судьба» была арестована в феврале 1961 года. Продолжая сопоставление дат, напомним, что «Щ-854» («Один день Ивана Денисовича») лег ей на стол в начале ноября этого же года.

Как в случае с Иваном Василенко, она, литературный новобранец, не испугалась великих теней «Илиады» и «Одиссеи», так в случае с Солженицыным она не испугалась мрачной тени ГУЛАГа, которая вздымалась за его рассказом, впервые запечатлевшим ГУЛАГ. Все исчезало из поля ее зрения, кроме этих двух реалий: рассказа, который должен быть напечатан, а не «изъят», и автора, который не должен быть истреблен.

Фраза – «Рукописи не горят» – авторитета для нее не имела. И она настойчиво, неумолимо напоминала, что у Булгакова это слова Воланда, сатанинские слова, сатанинская точка зрения. То, что эта фраза быстро укоренилась в сознании общества, охотно была усвоена и циркулировала в нем, не встречая сопротивления, стало для нее дурным знаком.

А.Н. Андреев. Анонимные рассказы 1940-е годы

Написанное должно быть напечатано вовремя. Пример позднего булгаковского триумфа не был для нее убедителен. Именно в статье о первом однотомнике Булгакова она писала в 1967 году: «Даже самые испытанные десятилетиями вещи неизбежно потеряли бы что-то неуловимое в своей естественной жизни, если бы появились не в свое время, не перед своими современниками, появились не тогда, когда они были написаны. Можем ли мы сейчас представить себе, что “Отцы и дети”, например, вышли бы в свет не в свои шестидесятые годы, а сорок лет спустя вместе с Буниным и Леонидом Андреевым... И если бы “Дни Турбиных”... первый раз были напечатаны только в нынешнем однотомнике писателя, и не было бы мхатовского спектакля, и люди моего поколения не бегали бы на него по пять и по десять раз... Ведь такое и представить себе нельзя...

...Пушкин, который поставил рядом два эти слова – “усердный” и “безымянный”, – сам не мог стать летописцем Пименом. И ни один писатель не может писать лишь в “пыль веков”».

Ценность текущего и проскакивающего мгновения она ощущала очень остро. «Так в живом потоке живой литературы выплеснут этот номер», «Жить этой полосой, этим номером», «...в реальном потоке реальной жизни и истории» – это строки из разных ее статей, ее пульс.

Так выплеснут был Войнович. Безвестный автор возник возле ее стола и потребовал, чтобы рукопись была тут же прочитана, а когда она отказалась, согласился оставить рукопись, предложив прочитать первые десять страниц и бросить, если ей не понравится. В конце той же недели он получил телеграмму – прийти в редакцию.

Она прекрасно понимала, что значит первая публикация, тем более в «Новом мире» Твардовского, публикация – даже для писателей уже с именем. Это было как бы новое рождение. Новое имя для журнала – новое окно в жизнь. И она охотно распахивала эти окна. А для молодого автора это не окно, а перевернувшееся существование. Сколько судеб она счастливо изменила...

Если же напечатать не удавалось, она старалась поддержать рецензией. Новомирская рецензия в те времена – дело немалое. Так было с В. Максимовым и Ф. Горенштейном. Одна из первых повестей В.Максимова «Жив человек», в конце концов, была опубликована в журнале «Октябрь», враждебном «Новому миру». «Это нелегкая проза, концентрированная, как перенасыщенный раствор, – писала она в “Новом мире”, – с утратой порой чувства меры, такта даже и вкуса...

...Но... повесть отмечена дарованием и... неразрывно связана с жизнью, со страданием и раздумьем».

В неопубликованных воспоминаниях о В. Шукшине она пишет, как в 1962 году на столе у нее появилась вытертая папка с рассказами Шукшина, «кто-то сказал, увидев у меня эту папку:

– Знаете, он напечатался в “Октябре”.

Я стала читать рассказы. Они не имели никакого отношения к этим словам».

Она сформировала и опубликовала семь циклов шукшинских рассказов, удивляясь его восприимчивости и тому, что он никогда не повторял своих недостатков, если о них узнавал. Эти семь новомирских публикаций – крутая спираль шукшинского восхождения.

Ей не удалось опубликовать повесть Фридриха Горенштейна «Зима 53-го года». Эта история едва не окончилась уходом ее из журнала. Но Твардовский ее не отпустил. В рецензии на рассказ «Дом с башенкой», который был опубликован в «Юности» и остался единственной для тех лет российской, доэмигрантской публикацией Горенштейна, она писала: «Наивное, детское (да и не только детское) цепляние за проблеск надежды и жестокое, безжалостное, немислимое для детской души уничтожение этой надежды – вот что по существу составляет содержание рассказа “Дом с башенкой”». «Писатель отлично передает не чувство голода, а ощущение еды, столь характерное для голода и недоедания. ...Вот этого голодного вкуса сухой картошки, не пережив, не передашь никогда».

А.Н. Берзер. Аксаков. Наг о'я'ади 1973 а'аа

В статьях А. Берзер есть сюжет, сквозной для нее. Это сюжет попорченного детства, поруганной юности. Он не связан с любовью. Он связан с бедствиями, которые накатывались на страну. Говоря о Горенштейне, она писала, что опыт войны у молодых писателей – «это опыт сиротства и бездомности», и видела его маленького героя «среди массы мечущихся по перрону, страдающих людей». «Станция, больница, вагон, люди, населяющие этот вагон, их разговоры, споры, ссоры – все это написано жестко, напряженно и исключительно достоверно».

В этой же рецензии на рассказ Ф. Горенштейна она отмечает рассказы Рида Грачева, которого тоже не удалось напечатать в «Новом мире»: «Тоской об отце проникнуты... рассказы ленинградского писателя Р. Грачева о детском доме во время войны, напечатанные в первом номере “Молодой гвардии” за 1963 год».

В 1957 году в «Новом мире» под емкой рубрикой «Перечитывая книги» она напомнила о голоде в Поволжье в 1921 году, о котором внятно заговорили у нас лишь в последнее десятилетие. Перечитана была ею полузабытая, постепенно исчезающая из издательских планов повесть Александра Неверова «Ташкент – город хлебный», и Мишку Додонова, мальчишку из самарской деревни, отправившегося в хлебный Ташкент, чтобы спасти вымирающую от голода семью, она называет маленьким предшественником Моргунка и направляет читательский взгляд на то, что видел и написал молодой, в 1923 году умерший от туберкулеза Неверов: «Сдвинутые со своего места, поднятые голодом огромные крестьянские массы, толпы, осаждающие поезда, бредущие вдоль железнодорожных путей».

Говоря о трагедии безотцовщины в связи с повестью В. Максимова «Жив человек», героя которой бросил в уголовный мир арест отца – он произошел на его глазах и жег его память – она вспоминает «Судьбу барабанщика» Аркадия Гайдара и пишет о роковой развилке двух мальчишеских судеб: когда отец не вернулся и сгинул, как у Максимова, и когда счастливо вернулся, как у Гайдара.

И в повести Бориса Балтера «До свидания, мальчики!» она видит черты «чистого и безжалостного к себе поколения, которому суждено было расстаться с юностью на полях Отечественной войны».

Ее первая рецензия была напечатана в газете «Сталинский сокол». Она вернулась из сибирской эвакуации, где работала на лесоповале и элеваторе, вороша преющее, перегорающее зерно. На руках ее трое: отец, мать и старшая сестра, для которых нет работы. Она единственный кормилец в семье и работает в «Литературной газете». Что выбрала она для первого своего выступления? Записки партизанки Татьяны Логуновой. Они назывались «В лесах Смоленщины» и напечатаны были в двух последних книжках «Нового мира» за 1945 год. До первого редакторства Твардовского в «Новом мире» оставалось еще почти пять лет, а до их встречи в журнале – когда он пришел в «Новый мир» во второй раз и взял ее «на прозу» – еще целых 13 лет. А пока она пишет о своей ровеснице (Анна Самойловна родилась 1 августа 1917 года), которая, как и она, в самый канун войны, 21 июня 1941 года, закончила литературный факультет, только не блистательного ИФЛИ, как Анна Самойловна, а Смоленского педагогического института, и отправилась домой в деревню, а оттуда уже в партизанские леса. Т. Логунова пишет, что было с ней, когда она вернулась после выполненного задания – уничтожить предательницу и немецкого жандарма. Она «добежала до первого дерева на опушке, обхватила его руками и зарыдала. Теперь, через три с половиной года после той ночи, я могу сказать себе, о чем я плакала: о Петровиче, о Петушке, о Фене, о своей юности, которую немцы запятнали кровью и убийствами».

А. Берзер приводит эти слова, потому что плачет Таня Логунова и по своим погибшим, и по себе, которой пришлось убивать.

Язык искусства был для нее красноречивым и достоверным свидетельством жизни. Она с лета угадывала присутствие таланта и дальнейший его маршрут. «...Чувствуется зрелость, ощущается уверенная и точная рука художника», – писала она в 1958 году, едва появился первый, пока «один-единственный» рассказ В. Богомолова «Иван», и, называя его рассказом талантливым, мужественным, говорила о начале многообещающем. И о повести В. Максимова она писала, что повесть «раскрывает в нем писателя, заставляет предчувствовать будущие книги, их незаурядность, их серьезность». И об Айтматове, тогда только вступавшем в литературу, она писала как «о даровании свежем и поэтическом».

Когда М. М. Бахтин восхищался композицией «Хранителя древностей», он не знал, чьи руки помогали Ю. Домбровскому.

Так, уже после ее кончины – десять лет назад, в октябре 1994 года – отрезонировал Рим, чтобы мы, ее знавшие, поняли, что не знали ее. Двадцать пять лет одиночества среди блочных домов, вдалеке от московского центра и редакций, от которых сначала ее отлучили, а потом было уже не добраться, не были для нее немые и глухи. Ее способность ловить тектонику в любой фразе, доносившейся с лестничной площадки или из телефонной трубки, поражали в ней до последнего ее дня. Звучание слова оставалось для нее приоритетным. Расшифровывала она его безукоризненно. Так же и многоярусность единого ритма прощупывала она моментально, независимо от того, куда эти ярусы уходили – в небо или в преисподнюю.

Возвращаясь к незавершенной работе Аркадия Белинкова «Почему был напечатан “Один день Ивана Денисовича”» («Звезда», 1991, № 9), напомним его слова: «Ася Берзер принадлежит к числу самых ядовитых, непримиримых, самых беспощадных, блестящих и талантливых критиков и литературоведов недавней, расстреливаемой, ссылаемой, уничтожаемой под улыбки наших западных коллег России».

За год до того как перестал существовать «Новый мир» Твардовского (№ 1 за 1970 год был последний номер журнала, подписанный им), Анна Самойловна опубликовала рецензию «Загадки и ребусы Олеся Бенюха» («Новый мир», 1969, № 1) на повесть О. Бенюха «Челюсти саранчи», напечатанную в журнале «Октябрь» (1969, № 1)*.

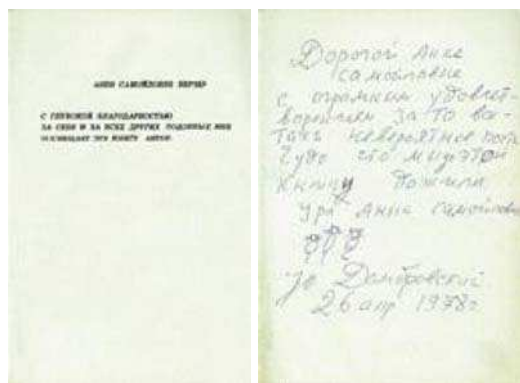
Рецензия высмеивала безвкусицу, и тогдашние читатели журнала до сих пор вспоминают веселые ее пассажи. Ирония увлекала в этой рецензии, но не исчерпывала ее. Тревога толкнула А. Берзер к мгновенному отклику. Она пишет: «Автор в течение всей повести потихоньку погружает нас в “технику”... дела: когда схему (на которой вообще ничего не видно) рассматривают в лупу – на ней все правильно, когда ее увеличивают в двадцать раз – все границы на месте, но потом делают увеличение в пятьдесят раз – и происходит незаметное, невидимое, тайное “смещение” – и из ничего, как “из пены морской”, возникает провокация. Она растет, ширится, она, как снежный ком, обрастает подробностями, требует ответов, объяснительных записок, расследований...

Надо отдать должное Олеся Бенюху – он проявил в этой истории несомненное владение материалом, понимание тайных механизмов, невидимых пружин запутывания, возникновения клеветы, разнообразных форм ее распространения.

Мрачная тень этой “операции” нависает над повестью, вносит в нее еще большую тягостность и духоту.

С чувством недоумения заканчиваешь эту повесть со странным названием и не менее странным содержанием».

В повести возникает тень «Нового мира» – некоего журнала, расположенного на Пушкинской площади, над ним свирепствует цензура, и, чтобы выйти к читателю, материалы к очередному номеру приходится готовить с двойным и тройным резервом. В таком режиме работал в стране только один журнал. Прямо он в повести не назван, как не даны подлинные названия сопредельных государств, оказавшихся втянутыми в историю с саранчой.

Νὸ δαί εὐὴ ἰ ἀδῶν ἔσῶν εὔ «Ὀὰ ἐσὴ ἰὸ ἀὸ ἰ αἰ ὀ εἰ ἰ ὀ ἰ αἰ ἰ αἰ». YMCA-Press, 1978 ἄ

В соединении этих двух сюжетов Берзер ощутила для журнала опасность, точно воспроизведя атмосферу, в которой приходилось и предстояло теперь жить, воздух, который надо было теперь вдыхать. Воздух клеветы и многослойной едкой провокации, в которую погружали журнал. Эту ситуацию она диагностировала с беспощадной внятностью и безысходно горестно, а не только язвительно. Как явление испепеляющее.

Ее книга «Сталин и литература» – это тема, а не название – создавалась в годы отброшенности от живого редакционного дня, хотя она понимала, что и «на воле» год от года этот день угасал, тускнел, истлевал. Как реалья живой духовной жизни он сходил на нет под натиском вымороченности, казуистики и празднословия, в жерновах которого истреблялось живое слово искусства («...главная моя задача – раскрыть азбуку сталинизма», – писала она в «Прощании»). И в недописанной своей книге – как завещание: «Тема великих провокаций, которую вложил в нашу жизнь Сталин, еще ждет честных и ясных умов».

Главы этой книги – в разной степени их завершенности – свидетельство того, что стремление защитить Слово от пули, плахи, «конвейерной плахи» (выражение Василия Гроссмана из его очерка «Треблинский ад») и растления оставалось прямым смыслом и содержанием ее жизни. Изменился фронт противостояния. Прожитое стало для нее полигоном, на котором изучалась система давления на литературу как система зла, воспроизводящего свои разрушительные, тлетворные ритмы.

Éléa Áííú Ááðçáð «Ñóáèéí è èèòáðàòóðà» ííóáèèéíááí à á æóðí áèá «Çáçáà», 1995, ¹ 11.

Í óáèèáðèý è èíí ì áí òáðèè Èííú Áíðèíáí è Áèáèè èðà Áéíóáðà

** Òí, ÷òí ííáííòú áíóááòý á ýíááðíéíé éíèæéá íáííá æóðí áèá, íéáçèáííí íòðááíçèðíááíííé á ýíááðíéíé éíèæéá áðááá, íáíýííýáðíý òáí, ÷òí «Í íáíé ì èð», íííòíýííí çáááðæéááí ùé óáíçðíé, áíóíáèè íáèçí áííí ñ ááóò-òðáíí áíý÷íúí íííçááí èáí. Íáðáíé ííí áð «Í èðýáðý» çà 1969 áá áúé ííáí'èíáí é íá:áòè 27 ááèááðý 1968 ááá, à íáðáíé ííí áð «Í íáíá ì èðà» çà ýòíò æááá - 26 óááðæý 1969-á.*

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ О СТРАНЕ ИЗРАИЛЕ

Шмуэль Йосеф Агнон. Новеллы.

М. : Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2004. – 544 с.

Михоэль Гринберг, создатель «Гешарим», сделал это. Первый большой сборник «самого-самого» израильского писателя появился в переводе на русский. За последние два года Гринберг вообще сделал очень много, чтобы познакомить русского читателя с элитной ивритской литературой, – но, конечно, без единственного Нобелевского лауреата серия «литература Израиля», издающаяся «Гешарим», оставалась бы неполной.

Обстоятельство, до сих пор препятствовавшее изданию Агнона по-русски, хорошо известно в переводческом мире. О нем говорилось даже в Нобелевской речи писателя: ну как можно переводить человека, который происходит по прямой линии от пророка Шмуэла, учился от Танаха, встречных евреев, зверей и птиц?! «А что критики говорят, будто еще у кого, так я те имена по большей части даже и не слыхивал».

Разумеется, в этих словах звучит известная самоирония, но, по большому счету, так оно и есть. Агнон действительно стоит особняком не только в ивритской, но даже в мировой литературе. Он в прямом смысле слова «учился от Танаха». Язык Агнона ближе к языку Писаний, даже чем у прозаиков предшествовавшего ему поколения ивритской литературы, литературы диаспоры. Не говоря уже о творчестве израильских уроженцев. Новеллы Агнона строятся очень непривычно; по сути, это художественная проза, основанная не на традиционных канонах композиции европейской прозы, а на моделях средневекового мидраша, никогда не имевшего выхода в собственно «беллетристику». И, что представляет собой гораздо более сложную проблему для перевода: практически вся языковая многозначительность агноновских текстов «замыкается» на комментариях к Танаху, никогда не выходившие за пределы специфической еврейской культурности, – Мишну, Талмуд, раввинскую литературу средневековья. Набоков в свое время говорил об изначальной непереводаемости «Евгения Онегина» ввиду невозможности вложить в перевод весь комплекс русской культуры пушкинских времен. Что же тогда говорить об изначальной непереводаемости Агнона, чьи произведения основаны на культуре, два тысячелетия развивавшейся абсолютно автономно от общеевропейского «мэйнстрима»!

Однако – глаза боятся, а руки делают. Наверное, для литературного переводчика с иврита представить агноновский текст – все равно, что для драматического актера сыграть Гамлета. Пусть даже получится как у артиста Велюрова в финале «Покровских ворот»: неважно, главное – мы тоже там были. В сборник новелл включены работы семи переводчиков, пять из них представлены несколькими текстами. Кроме того, поскольку, как ни переводы, тексты Агнона все равно нуждаются, помимо обычного ссылочного аппарата, в дополнительных объяснениях общекультурного свойства, сборник включает очень серьезную и тщательную работу одного из переводчиков, Елены Римон («Мир Агнона: поэтика парадоксальных соответствий»), статью об Агноне главного специалиста по еврейской мистике Гершона Шолема и (видимо, «на всякий случай») небольшой отрывок из воспоминаний художника Нахума Гутмана.

Пересказывать содержание рассказов Агнона абсолютно бессмысленно, как бессмысленно пересказывать сны, если ты не страдаешь неврозом и не проходишь в данный момент лечение у психоаналитика. В самом первом приближении мир Агнона поделен надвое: мир простой и мир сложный. Эти два мира могут сосуществовать на одном пространстве, а иногда даже в одном времени (точнее – в одном безвременье). В мире простом и люди простые, и животные, и вещи только нужные: там есть жизнь и смерть, любовь и Б-г. Именно присутствие Б-га в мире придает ему высший эротизм, когда даже Скрижали Завета естественно уподобляются женской груди. Зато здесь нет времени, поскольку в простом мире существуют лишь две временных координаты – «Изгнание» и «Избавление», и все происходит между ними.

В мире сложном животных нет и Б-га нет, и вместо любви – невроз, а люди видят сны. И сны их рвутся и блуждают в лабиринтах, и рождают беспокойство, и ощущение неудачи, и не кончаются никогда. Зато появляется время – правда, не у всех и не всегда, а только как проклятие дурных людей («Главное – это время», говорит склочная ребецн в «Теиле»). Лишь добродетельному порой дано становиться независимым от времени: кладбищенский сторож в «Прахе земли Израиля» не умирает до тех пор, пока не придет посылка с горстью земли из Страны Израиля, чтобы бросить ему на могилу.

Между миром простым и миром сложным (миром бытия и миром сна, или, если хотите, миром чувств и миром неврозов) лежат два мистических пути. «Отсюда – туда», путь греха, и «оттуда – сюда», путь «тшувы» (покаяния, возвращения к Б-гу). Грешник из простого мира проваливается в мир черной фэнтези в стиле Стокера или Лавкрафта – может, например, обнаружить, что его откармливает упырица. Но, будучи человеком простого, Б-жьего мира, он возвращается через покаяние, поскольку это знакомый ему путь «домой», путь к себе. Гораздо труднее совершить «тшуву» человеку мира сложного: дорога ему незнакома, он никогда не может быть до конца уверен, что не пребывает во сне, поэтому слишком редко покаяние получается настоящим (да и в этих редких случаях читатель навряд ли может быть уверен, что «тшува» совершена наяву).

Это, разумеется, самые основные координаты вселенной Агнона; все, что сверх этого, подробно излагается в статье Елены Римон, к которой и отсылаю читателя.

Что касается качества переводов – неожиданно оказалось, что переводить (точнее, «перестилизовывать») Агнона, отыскивать русские эквиваленты стилю мидраша возможно. Обнаружились даже два направления такой «перестилизации». С одной стороны, Натан Файнгольд стремится к адекватности прежде всего мелодической структуры текста, сохраняя (порой даже усиливая) ритмичность исходного ивритского материала. В результате он полностью сохраняет составляющую мидраша – «архаичность» стиля, особенно бросающуюся в глаза при сравнении с текстами авторов, пишущих на современном разговорном иврите. В свою очередь, Елена Римон создает переводы чистые, легкие, очень «русские», – и это тоже оправдано, поскольку Агнон никогда не усложняет своих текстов, их «сложность» по сравнению с нынешними писателями отражает не стилистический почерк автора, а исключительно состояние литературного языка в 20–40-е годы – годы высшего творческого подъема писателя. Литературный иврит, в отличие от литературного русского, просто еще не канонизирован, он изменяется от поколения к поколению, порой весьма значительно. Может быть, переводческая манера Файнгольда (и подражающих ему с разной степенью успешности Михаила Кравцова и Сергея Гойзмана) выглядит более оправданной при переводе произведений из «простого мира», где само общение человека с Б-гом предполагает высочайший эмоциональный накал и музыкальность. Зато стиль Римон точнее, как мне представляется, передает содержание текстов из «мира снов и неврозов». Ведь агноновский оригинал очень близок к стилю р. Нахмана из Брацлава, отличавшемуся простотой на грани аскетизма.

Конечно, не все представленные переводы равноценны. Откровенно разочаровал Израэль Шамир – первый русский переводчик Агнона. В предисловии ему приписывается «воцерковленность» русского текста; на самом деле – это стиль русских сказок в обработке Афанасьева, ничего, по-моему, не имеющий общего с намерениями Агнона. При этом иногда проявляется поистине «сказочное» дурновкусие: «врага разбить или разбиту быть» (только гусяров не хватает!), «подумалась мне думка» и даже совершенно оскорбительные «словеса(!) Торы». Такое же «своеобразное» отношение к русскому демонстрирует и Светлана Шенбрун: чего стоит одно только «...Как он нес за ней чемодан, то слышал...»

Незвизрая на отдельные переводческие неудачи сборник Агнона – событие на российском книжном рынке. Бестселлером он, разумеется, не станет – слишком сложный писатель, но в список книг, знакомство с которыми обязательно для культурного человека, безусловно, войдет.

אי עֹדֵה יִדְרֹוּן

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Èmàé Ààòáàèñ-Çèí àñ. Èàááàèèñò ñ àññò î-í îã Áðíáááñ. Ðàññéàçí.

Ì. : «Òàèñò», 2004 — 302 с.

Упрощенно творчество Зингера можно разделить на три тематических цикла – «местечковый», «польский» и «американский». «Местечковый» цикл – это истории о цадиках и демонах, о ешиботниках, скромницах и зловещих последователях лжемессии Шабтая Цви. Истории мира, существующего в вечности, вне времени (время протекает сквозь, не оставляя следов, кроме кровавых потоков от очередного появления казаков Хмельницкого или каких-нибудь других погромщиков). «Польский» цикл включает относительно реалистические истории о мире, существующем над пропастью, пляшущем на поверхности мыльного пузыря, который, как всем хорошо известно, не сегодня-завтра лопнет. Наконец, «американский» цикл – это истории в мире *post mortem*, в новом безвременье: часы остановились в Треблинке.

«Каббалист с восточного Бродвея» включает подборку рассказов из трех авторских сборников «американского» цикла (единственное исключение – новелла «Брошка», и по стилю выпадающая из общей тональности). Настаиваю на кавычках, потому что «Америка» Зингера – это не только совершенно не та Америка, которую мы знаем из произведений множества других писателей (могу себе представить персонажей Зингера в фолкнеровской Йокнапатофе!), но и вовсе не та «еврейская Америка», с которой нас знакомят, например, Сол Беллоу или Филипп Рот. У Зингера полностью отсутствуют огромные «фирменные знаки» Соединенных Штатов – супермаркеты, кинотеатры, длиннейшие шоссе, забытые семейными машинами, да и небоскребов что-то не видать. Зато, стоит только зазеваться – сразу вынырнет из-за угла «квартал, напомнивший маленький польский город: деревянные дома, узкая темная улочка». «Настоящая» Америка – наверное, она существует где-то здесь же, но персонажи Зингера протекают сквозь, не оставляя следов.

Временами невольно возникает подозрение, что все они живут в каком-то ином смысле, не таком, как мы все. Писатель как будто нарочно подчеркивает некрасивость и даже увечность своих персонажей: бородатые женщины, чудовищные носы, кривые зубы, горбы и костыли. Некоторые выглядят настоящими еврейскими демонами (например, Соня из «Пленника»), так и хочется попросить показать ступни – не гусиные ли то лапы?.. Словом – похожи на мертвецов. Если вдруг попадается кто-то красивый и ухоженный, – обязательно либо ведет себя, как бродячий мертвец (Борис из «Ловушки»), либо исчезнет без следа. Анна Барзель из «Потерянной» – не то сама не из мира сего, не то жених-демон ее унес.

Только не надо плоских выводов, что, дескать, души этих людей сгорели в печах Аушвица или что-нибудь в этом роде. Как раз с душами у «американских» персонажей Зингера все в порядке: в отличие от мертвецов они все время хотят любить и заниматься любовью невзирая на возраст и многочисленные болезни. А вот окружающий мир, может быть, и умер. Читателю, вполне вероятно, кажется, будто герои Зингера не таковы, какими должны быть живые, просто потому, что он, читатель, смотрит на них «со стороны мертвецов», из могилы? Несмотря на кажущуюся невозможность такого предположения, именно об этом говорил сам писатель в своей Нобелевской речи: «С началом второй мировой войны все мрачные пророчества Шпенглера осуществились. Это стало нашей реальностью. Огромный технический прогресс никак не компенсирует того, что произошло с отдельной человеческой личностью...» и т.д. То есть – «Европа» (как культурное, а не географическое единство) погибла, и живы остались только те, кто прошел через ее гибель, сохранив в душе культуру прежних дней.

К сожалению, даже выжив случайно при осуществлении мрачных пророчеств Шпенглера, герои Зингера много не выиграли. Ведь предупреждали их, что «если бы люди узнали всю правду, мир рассыпался бы, как карточный домик»... Вот они узнали, и мир действительно рассыпался. Остались «истории из жизни» – то, о чем каждый день в газетах пишут. «Одновременно шокирующее и банальное. Сенсация и мелодрама стали нашим каждодневным рационом. Невероятное превратилось в более чем вероятное».

Собственно, об этом все «американские» рассказы Зингера. Истории из жизни после смерти мира. Ничего хорошего не происходит. Демоны играют с людьми очередные шутки. «Нам всем приходится маневрировать между силами зла и безумия».

Как можно выжить в умершем мире? Кто-то пытается вопреки всему заниматься бизнесом – не ради денег, денег хватает, только тратить не на что, – а чтобы провести время. Например, для Израиля Данцигера и Морриса Шапирстоуна, для двух одиноких больных стариков из рассказа «Гостиница» – это единственный шанс вновь почувствовать себя живыми. Но, наверное, не случайно автор заставляет их купить не просто какую-то недвижимость, а пустую гостиницу: трудно себе представить пространство, более похожее на военное кладбище. Здесь само слово «недвижимость» обретает дополнительный, мертвенный смысл. Кроме того – как мы знаем из другого рассказа того же автора – в пустых гостиницах водятся демоны.

Кто-то пытается жить воспоминаниями (рассказы «Бегущие в никуда» и «Журнал»). Это, в основном, писатели и поэты, им есть, что вспоминать – мертвый язык и своих мертвых читателей. В результате они печальнее всех – понимают, что мир умер, а они ютятся в каком-то чулане и облизывают буквы старой еврейской книжки, как тот бедный бес из другого рассказа Зингера, что застрял в местечке, погибшем в Катастрофу.

Большинство героев Зингера ищет жизни как раз в том единственном месте, где она есть, – в любви. Возраст при этом не важен; в какой-то истории из другого сборника, пока на русский не переведенного, писатель напоминает, что «в 50 лет жизнь только начинается». У Зингера очень редки счастливые герои, но если они все-таки появляются, это только благодаря любви (в предлагаемом сборнике их нет, но в прошлом году издательство «Текст» выпустило сборник «Последняя любовь», где можно найти, по крайней мере, два рассказа о счастье, как его понимает писатель, – «Сэм Палка и Давид Вишковавер» и «Ведьма»). Беда лишь в том, что в заведомо мертвом мире, мире без Б-га, настоящую любовь легко спутать с трупной: «Если вы не верите в Б-га, вам придется жить со шлюхами».

И еще одно. В отличие от мертвецов живые люди, способные любить, смертны. Об этом – самые тяжелые рассказы Зингера. Писатель, со спокойной меланхолией описывающий погромы и Катастрофу, здесь не может договорить до конца. «Ну не надо все знать», говорит г-жа Пупко из рассказа «Борода», говорит как раз об этом. Есть нечто слишком страшное, чтоб о нем можно было написать.

...В работах литературоведов о творчестве Зингера общим местом стало утверждение, что особый мир его персонажей нельзя понять вне национальных еврейских традиций, исторического опыта евреев. А по-моему, более универсального писателя в XX веке трудно отыскать. При том, что он пишет именно о евреях, а в предлагаемом сборнике – о евреях, переживших уникальное, никаким другим народом не пережитое, испытание Катастрофой. И всякий раз оказывается, что его персонажи мучимы общечеловеческими (в культурном плане, наверное, корректнее было бы сказать «общеевропейскими»), потому что находящиеся за пределами «европейской», иудео-христианской культуры мы навряд ли можем в полной мере осознать) страхами и комплексами, одержимы универсальными желаниями. Полагаю, в этом и кроется причина чрезвычайной популярности Исаака Башевиса-Зингера в России последнего десятилетия.

Ài eòðèé ĩ ðeĩòũũ

ЭЙДЕЛЬМАНЫ: ОТЕЦ И СЫН

Р. Yéääëüü áí. Áí ááí èèè Í àò áí à Yéääëüü áí à

Ì .: Í àò áðèé, 2003 – 494 ñ

В. Yéääëüü áí. Í àçàèíí : áí í úá äèàèíäè.

Ì .: Í ñò ù éóëüò óðù, 1999; Jerusalem: Gesharim, 5760 – 160 ñ

Стоило ли называть рецензию на долгожданный том дневников известного советского исторического писателя Натана Эйдельмана «Отец и сын»? Стоило безусловно! И даже не столько потому, что в этой книге очень часто упоминается Яков Наумович Эйдельман, сколько потому, что без осознания проблемы «отец и сын» в данном случае нам автора дневников не понять. Тем более, что Н.Я. Эйдельман сам оказался частью истории эпохи «перестройки», когда отправил свое знаменитое письмо писателю Виктору Астафьеву. Письмо затрагивало болезненный вопрос межнациональных отношений в Советском Союзе.

Ответ был вполне антисемитским и грубым. Стало ясно, что «русским интеллигентам еврейского происхождения» стоит задуматься о своей роли в культуре страны, которой они отдали свой талант, труд и любовь. Так русский историк Натан Эйдельман стал частью русско-еврейской истории, в которую явно не собирался попадать. Казалось бы, у тех, для кого «Пушкин – это наше все», – а Эйдельман относился именно к такому типу русско-еврейских интеллигентов, – в России нет национальности; национальность сама определяется этой любовью. Мы не исключаем, что в определенной мере для кого-то это и так. Однако не забудем, что проект академического журнала о Пушкине был похоронен как раз в годы «перестройки» из-за слишком большого количества евреев среди его инициаторов...

Другое дело, что и среди евреев, поклонников Пушкина и русской литературы, далеко не все были лишены национального чувства. Майя Каганская заметила однажды как раз в связи с одной из книг Эйдельмана: непонятно, почему евреи так стремятся восхвалять декабристов и лицеистов. Разве им не известно, что главная доблесть декабриста – не пустить жида на порог?

Сегодня, после публикации книги Оксаны Киянской о Пестеле, где специально анализируется недвусмысленное отношение руководителя Южного общества к еврейскому вопросу, кажется странным, что всего этого можно было не учитывать... (Хотя, справедливости ради, отмечу: я слышал на одной из лекций Н.Я. Эйдельмана прямой положительный ответ на вопрос о наличии антисемитизма в декабристской среде.)

Но ведь сказано: имеющий глаза – да видит; имеющий уши – да слышит. Можно ли сказать, что Натан Эйдельман не имел ушей или глаз? Конечно, нет! Иначе бы он не записал в дневнике 2 октября 1966 года: «Споры с отцом о христианстве, в ходе которых я выхожу из себя и веду не по-христиански». Эта запись, сделанная почти в самом начале дневника, заставляет задуматься: а что у них мог быть за разговор? И что за человек отец Натана?

Неизвестно, помнил ли Натан Эйдельман, делая свою запись, слова Владимира Соловьева о том, что евреи ведут себя с христианами в соответствии со своей религией, а вот христиане – нет. Однако в любом случае самоопределение сына в разговоре с отцом очевидно.

Так кто же был отец Натана Эйдельмана? Казалось бы, ответ на этот вопрос могла дать книга, подготовленная вдовой историка. Ан, нет! Именно там, где естественно было бы найти записи сына о предсмертных днях отца, о том, как радовался отец письмам из Израиля, о праздновании тридцатилетия государства, зияют провалы и недоговоренности.

«17. VI. Отец плох. – Неужели ты хочешь нас покинуть? – Да.

Папа написал письмо в Ужгород. 18. VI/ 1978». Здесь, после обращения к родственникам вдруг видим врез Ю. Эйдельман: «Далее выпускаю о невестке, о старинной подруге Люсе, жившей в Израиле и писавшей о праздновании 30-летия еврейского государства, о чем Я.Н. замечает: “Аж сердце заныло от зависти”». После чего: «Будьте здоровы, родные! (...) На другой день написал Люсе в Израиль: “Больше писать не буду!”»

Сокращения, сделанные составителем в дневниках сына-историка там, где дело идет о его отце, поражают. Ведь отец Натана Эйдельмана вовсе не был темным, малообразованным местечковым евреем. Он был убежденным сионистом, активным деятелем сионистского подполья. Даже нескольких слов на эту тему было бы достаточно, чтобы напряженность диалога с отцом и последующие переживания сына стали ясны читателю. Ведь тот, кто сегодня читает уже не знаменитые книги Эйдельмана, а его дневники, не может не знать о переписке с Астафьевым и о том, каких переживаний вся эта история стоила Натану Эйдельману. Тем более важно такому читателю знать, что переживания русского историка и связанная с ними психологическая травма не требуют для своего обнаружения никакого фрейдистского психоанализа: все написано в открытую.

Что же мешало Ю. Эйдельман сказать об этом хотя бы кратко? Быть может, она ничего об этом не знала, даже живя в Израиле?

Знала, не могла не знать! Она даже начала рассказ словами: «Натан много говорил о сионизме отца, подчеркивая, что тот никогда не скрывал своих опасных убеждений. На фронте отказался от награждения орденом Богдана Хмельницкого и генералу прямо сказал, что не может принять орден имени ярого антисемита».

Это интересное место во вводном тексте Ю. Эйдельман к книге дневников Н.Я. Эйдельмана. Из него явствует, что публикатор не понимает различия между сионизмом и неприятием евреем антисемитизма. Последнее далеко не всегда сопровождается мечтой о воссоздании еврейского государства в Палестине.

«В молодости, – говорится далее в предисловии, – Яков Наумович собирался уехать в Палестину и там бороться за создание еврейского государства. Уже приближался день отъезда. В это время он жил в Киеве и зарабатывал театральными рецензиями. Однажды в одной студии он встретил девушку удивительной красоты – и все изменилось. Молодые люди поженились, переехали в Москву, где 18 апреля 1930 года у них родился сын, названный в честь отца жены Натаном. К этому времени о планах отъезда в Палестину пришлось забыть, хотя Мария Натановна целиком разделяла сионистские устремления мужа, но из Советского Союза никто никуда уже выехать не мог. (...) Яков Наумович не похоронил идею отъезда: сионизм был у него в крови, в мозгу; в душе навсегда поселилась надежда: когда-нибудь... позже... день придет...»

На этом обсуждение проблемы сионизма обрывается; встретится она нам только в сокращенном составителем письме отца-сиониста, переписанном в личный дневник сыном-историком.

Тем не менее, есть способ узнать о Якове Наумовиче Эйдельмане то, что осталось вне посмертно изданной книги дневников его сына. Ведь несколько лет назад именно в Израиле была опубликована биография отца, принадлежащая перу Н. Эйдельмана. Та самая, которую упоминает Н.Я. Эйдельман, подводя итоги своего последнего лета 1989 года: «Статья об отце – 27 стр.» В первоначальном тексте этой биографии не было слова «сионист». Его вставили уже при публикации, ссылаясь на высказанную автором волю. По преданию, Мария Натановна Эйдельман считала, что это слово не будет правильно понято читателями в России. Публикация, о которой речь, появилась в «Окнах», приложении к израильской газете «Вести». Здесь-то слово «сионист» выглядело уже вполне уместно. И было в статью вставлено.

Я не собираюсь, разумеется, осуждать тех, кто это сделал. Скорее всего, герою очерка это было бы лишь приятно. И приведена здесь эта история лишь для того, чтобы обратить внимание на источник, где она изложена подробно. А именно – на книгу Я.Н. Эйдельмана «Незаконченные диалоги», вышедшую в издательстве «Мосты культуры» в 1999 году. Там, во вступительной статье Шуламит Шалит «Яков Наумович Эйдельман (1896–1978)», повествуется о всех перипетиях, связанных с получением текста, переправкой его в Израиль, публикацией и т.п.

Книга представляет собой собрание диалогов, автор спорит с оппонентом, в котором легко угадывается его сын. Надо отметить, что подобные «диалоги» – или, в другом варианте, «письма» сионистов своим детям, – это своеобразный литературный жанр, имеющий истоки и традицию. Начало ему положило, по-видимому, письмо сына лидера немецкой Гаскалы Моисея Мендельсона своей дочери, где этот Мендельсон II поздравляет ее с крещением, отмечая при этом, что сам остается иудеем. Второй важный эпизод в истории «жанра» – «Письмо сиониста дочери», автором которого был М.Е. Мандельштам, соратник Теодора Герцля. Автор письма обращался к адресату со словами, прямо противоположными тем, что обратил к своей дочери младший Мендельсон. Что касается «Незаконченных диалогов», то они велись в другое время и в другой стране. За плечами автора – комсомольская юность, попытка эмигрировать в Палестину, фронты Великой Отечественной войны, сталинские лагеря. «Диалоги», ставшие важным документом самиздата, занимают свое место в истории сионистского подполья советского времени; у них свое место и в русско-еврейской истории и культуре, которые, похоже, плохо представлял себе русский историк еврейского происхождения Натан Эйдельман.

Знаменитое письмо Н.Я. Эйдельмана В.П. Астафьеву стало частью другой истории, которая не учитывалась инициатором переписки. Мы имеем в виду попытки обращения к тем русским властителям дум, которые поразили своих почитателей-евреев, казалось бы, неожиданными антисемитскими пассажами.

В свое время, когда свежа была еще боль утраты у почитателей уже Н.Я. Эйдельмана, мы прислушались к мнению одного из них и не стали печатать полный текст доклада «Три разговора: Достоевский – Ковнер; Розанов – А. Штейнберг; Астафьев – Эйдельман», который прозвучал на международной конференции «Евреи в России», состоявшейся в начале июля 1992 год в Санкт-Петербурге. Позволим себе привести здесь краткий пересказ нашей работы, опубликованный в №1 «Вестника еврейского университета в Москве» в том же 1992 году: «В докладе была предпринята попытка показать общие черты, если не “поэтику”, взаимоотношений евреев и антисемитов в России в ситуации, когда еврей позволял себе высказать неудовольствие заведомо антисемитскими выпадами деятелей русской культуры. В докладе отмечалось, что общественное значение подобные “контакты” приобретали в моменты серьезных политических сдвигов в России: нездолго до 1 марта 1881 г.; в 1913 г. – году “дела Бейлиса” и в 1986 г. – году начала “перестройки”».

Стоит обратить внимание, что в первом случае мы имеем дело с У. Ковнером – корреспондентом Достоевского – «еврейским Писаревым», который в итоге крестился и стал уже корреспондентом В.В. Розанова. А. Штейнберг – собеседник В.В. Розанова – был одним из руководителей (совместно с Р.В. Ивановым-Разумником и Андреем Белым) Волфины, оставаясь при этом соблюдающим евреем, а в итоге стал видным деятелем Всемирного еврейского конгресса. Однако вернемся к «диалогам» отца и сына Эйдельманов, тем более что спор автора знаменитых книг по русской истории (число переизданий их неуклонно растет) с отцом-сионистом стал достоянием читателей совсем недавно.

Не хотелось бы на страницах «Лехаима» обсуждать недопустимый уровень подготовки дневников Н.Я. Эйдельмана к печати. Это сделано в «Книжном обозрении» сразу по выходе книги. Но неизбежно возникает вопрос: в каком виде приходят к нам личные дневники тех, кто имел неосторожность касаться в них еврейской темы. И фальсифицированный в своей еврейской части дневник Н.Я. Эйдельмана – не первый и не последний. Подобное же произошло с печально знаменитой публикацией дневника К.И. Чуковского (Чуковский К. Дневник. 1901 – 1929. М., 1991). Из сохранившейся части дневника были изъяты все упоминания имени В. Жаботинского, сыгравшего определяющую роль в становлении будущего русского критика и детского писателя К.И. Чуковского (по отцу Левинсона). Справедливости ради следует заметить – сегодня, спустя много лет после выхода в свет этого позорного издания, в новом, 15-томном собрании сочинений К.И. Чуковского перепечатана его статья «О евреях и русской литературе» (1906), вызвавшая бурю в тогдашней России. Будем надеяться, что и дневник Чуковского придет к читателям в полном виде.

Между тем, именно для осмысления темы, ставшей заголовком статьи Чуковского еще в 1906 году, нам бы очень пригодились и диалоги Я.Н. Эйдельмана, и дневники его сына.

Мы недаром упомянули здесь и Чуковского, и Жаботинского. Ведь в упомянутой статье Шуламит Шалит приводятся и слова Я.Н. Эйдельмана: «Самое дорогое у меня сейчас – это переписка Рахили Марголиной с Корнеем Чуковским». Это та самая переписка, где Чуковский вспоминает о Жаботинском.

Немного в истории русско-еврейской мысли найдется текстов, где оценка прославленного «Доктора Живаго» дается с еврейской точки зрения, и дается резко отрицательно. Записи Я.Н. Эйдельмана

вполне позволительно сопоставить с реакцией на роман Пастернака Давида Бен-Гуриона, считавшего этот роман худшим из написанного евреями в XX веке.

Что же касается дневников Натана Эйдельмана, то записи конца 80-х годов близки по смыслу тому, что волновало Я.Н. Эйдельмана на протяжении десятилетий. Вот только один, но памятный пример. В 1987 году в Москву в качестве члена делегации от Литвы на первом съезде народных депутатов СССР приехал русско-еврейский писатель Григорий Канович: «Канович просвещает нас в еврейском смысле. Эли Визель, Мартин Бубер (1878 – 1965). Неохасидизм; откровение. Доброта. Переписка Бубера с Ланда: нужна земля, но еще важнее Цион, идеал добра etc. Отсюда нелюбовь к нему политических и религиозных ортодоксов».

Эти несколько строк ярко демонстрируют, насколько сын не мог понять отца, для которого имя Бубера (кстати, в итоге – президента Академии наук Израиля), создателя знаменитых текстов о «ренессансе современного еврейства», не могло не быть знаковым в истории сионизма.

Да и тот факт, что Н. Эйдельман записал в дневник годы жизни Мартина Бубера, свидетельствует – эта фигура была для него нова. Хотя трудно предположить, что Н. Эйдельман в годы безмерной популярности Михаила Бахтина, совпавшие с анализируемым нами периодом, ничего не слышал о связи идей этого русского философа с идеями Мартина Бубера, – правда, старательно очищенных апологетами Бахтина от чего-либо еврейского. Между тем, в «Библиотеке-Алия» сионистские тексты Бубера вместе с его же хасидскими преданиями выходили не раз и были доступны еврейским кругам. По-видимому, в записях Н. Эйдельмана отражен момент шока от непосредственного соприкосновения с истинным и целостным еврейским мировоззрением, – пусть и не самым ортодоксальным.

Более того, Н.Я. Эйдельман пытается как-то совместить свой христианский культурный багаж с хасидским восприятием бытия – естественно, в представлении Мартина Бубера: «Мысли о шем-тове (имеется в виду Баал Шем-Тов. – Л.К.), маггиде, сердитом Менахем-Мендле (1787 – 1839) – требующих радостного познания Б-га в себе и тотчас. Близко к Франциску Ассизскому».

И еще одна запись того же рода, где мысли хасидских мудрецов претерпели уже двойную трансформацию – и буберовскую, и эйдельмановскую: «Если меня спросят, почему я не (Пушкин, Моисей) – я знаю, что ответить. Но если спросят, почему я не был (Тоником, Зусей) – не знаю».

Воистину: не так уж трудно ответить на вопрос, почему я не Пушкин или не Моисей; но вот почему пушкинист Эйдельман размышляет о себе самом как о Тонике (уменьшительное «домашнее» имя автора «Дневников») одновременно с Зусей (знаменитым хасидским рабби Зусей!) ответить, действительно, нелегко. Впрочем, для человека, который ставит Пушкина перед тем, кому была дана Тора на Синае и кто привел евреев в Землю обетованную, мечтая о Сионе, любой ответ на вопрос о его еврейском самоопределении труден и вряд ли разрешим в момент первого знакомства с миром отцов и дедов, который был оставлен ради Пушкина и декабристов.

Таким образом, вольно или невольно, Натан Эйдельман стал в один ряд со своим отцом, вошел в историю русского еврейства, отразив важнейшую грань его существования: кризис ассимилированных евреев, который для поколения Натана Эйдельмана пришелся как раз на период обостренной общественной реакции на переписку с Астафьевым. Сегодня этому событию посвящаются специальные работы. (К.Азадовский. Переписка из двух углов империи. Вопросы литературы. 2003. №5.)

Жаль, что неряшливо подготовленные и едва ли не сознательно фальсифицированные Дневники Натана Эйдельмана, вышедшие, к тому же, под именем «Ю. Эйдельман», оказались прямой противоположностью книге Я. Н. Эйдельмана.

Дневники вышли в свет, когда позади уже осталась острая полемика вокруг «Двухсот лет вместе». Теперь, когда совершенно ясно, кому служили десятки евреев, помогавших создавать «Архипелаг Гулаг» и «Красное колесо», символично выглядит выбор символов отцом и сыном Эйдельманами, на который обратила внимание Шуламит Шалит в статье о Я.Н. Эйдельмане: «...любопытно, что бы сказали эти двое, Я.Н. и Н.Я., глядя на сегодняшнюю Россию и на еврейскую в ней проблему? (...) У Я.Н. на полке, – пишет Ш. Шалит, – стояла фотография почтенного старца, переписчика Торы. У Натана висел портрет, нет, не Астафьева, – Солженицына...»

Жаль, что Н. Эйдельман не дожил до полного саморазоблачения своего кумира. Что же касается Астафьева, то иллюзий у Натана по его поводу не было не только в начале «перестройки». Еще в 1978 году он записал: «"Целуются зори" Белова. Грустно, хотя и вторично от Шукшина. Мужички в городе – забылись, растерялись. 1. попытка найти гостеприимство в городском доме 2. драка в уборной 3. мальчик, охраняющий совещание 4. еврей "Урон Борисович" – "как урожай?" (неконтролируемый антисемитизм, как у Астафьева в вопросе о Гитлере: "он немец или жид?")».

В центре сухумско-новопицундского периода моей биографии: отрешение; не знаю, что ждет?».

По странному стечению обстоятельств, именно астафьевский рассказ «Ловля пескарей в Грузии» вкупе с антисемитским пассажем (впрочем, восходящим к «Моей жизни» А.П. Чехова) в «Печальном детективе» нарушили, если не разрушили, душевное равновесие Эйдельмана. Уже незадолго до смерти, явно имея в виду историю со злополучным письмом Астафьеву, он записал: «Изумительное разнообразие отношений. Шабаш». Это написано через 12 дней после встречи с Кановичем...

Как ни грустно это говорить, но превосходный историк Натан Эйдельман не обладал историческим опытом и памятью, которые были у его отца. Из-за этого он, занимающий обычно метапозицию по отношению к событиям времени, стал объектом действия вечных, как оказывается, исторических сил. Политическая «революция сверху» в нашей стране вынесла наверх вместе с остальными свободами и извечную антисемитскую пену. Русско-еврейская интеллигенция «поздней пушкинской плеяды» (Д. Самойлов) оказалась к этому неготова. Лучшее на сегодня свидетельство этого – «Дневники» Натана Эйдельмана. Хотя сам Д. Самойлов «искал – обращаясь к российской истории – некую "третью точку зрения", с которой "Астафьев не выглядит столь чудовищно, а Эйдельман столь правым"...», как сформулировано это в уже цитированной статье К. Азадовского.

И еще один момент. Он касается того, как оценивал свою позицию уже В. Астафьев: «Я подумал, что можно, значит, с ним вступить в какую-то полемику, но, во-первых, мне не хотелось, во-вторых, много чести. И тогда я по-детдомовски, по нашему так, по-деревенски (...) Что там есть, как, но я ему дал просто между глаз. Если бы он был рядом, я бы ему кулаком дал, вот».

Интересное заявление. Особенно если вспомнить, что обучение Я.Н. Эйдельмана в гимназии было прервано как раз тогда, когда он сделал с учителем-антисемитом то же самое, что В. Астафьев с его сыном, пусть и фигурально, в письме. Не покидает чувство, что Я.Н. Эйдельман, доживи он до истории с Астафьевым, не стал бы переписываться с сочинителем «Ловли пескарей в Грузии». Его исторический опыт, как было сказано, принципиально отличался от опыта сына.

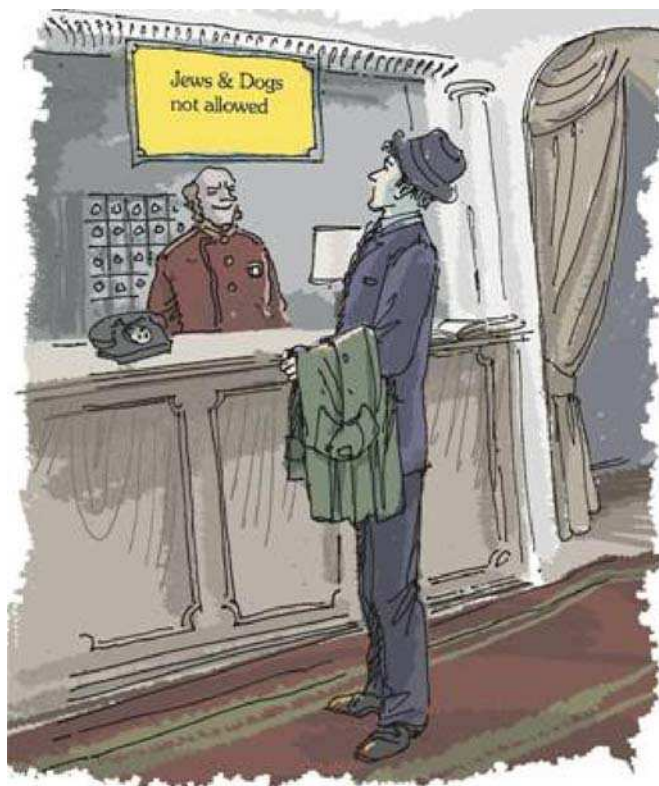
Не будем, однако, заканчивать статью о книге записей яркого и очень хорошего человека Натана Яковлевича Эйдельмана на грустной ноте. Процитируем статью Шуламит Шалит о Я.Н. Эйдельмане: «Из письма Тамары Эйдельман Шуламит Шалит: "... Конечно, дедушка очень и очень гордился его (Натана. – ред.) успехами. Конечно, он прекрасно знал и любил русскую культуру. Но при этом он, безусловно, страшно переживал папину оторванность от еврейских проблем, – это, кстати, видно и по тексту "Незаконченных диалогов"».

«Дневники Натана Эйдельмана», особенно их заключительные фрагменты, вне всякого сомнения, наилучшим образом завершили «Незаконченные диалоги» А с Б, как обозначает спорящие стороны их автор. Теперь сами собой проступили имена участников спора – Я.Н. и Н.Я. Эйдельманы. Оба заплатили за свои убеждения очень высокую цену. Таковую, что не каждому по силам...

Éàí éä Èàöèñ

ЕВРЕЯМ И СОБАКАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Брайан Гланвилл

Сколько жить буду, не забуду это объявление – «Евреям и собакам вход воспрещен». Мне всего двадцать было, и я поехал в Маргейт к одной девчонке: сам черт мне не брат, горд собой как не знаю что, в молодости все мы такие, и вот вхожу я в гостиницу – и на тебе, прямо над конторкой регистратора вижу это объявление.

Я, естественно, мигом заставил девчонку съехать. Упрекал ее: ты же видела это объявление, какого черта ты здесь остановилась, а она мне:

– Что и говорить, Джо, ты не такой, как другие.

Не такой, как другие... Эх, если б я получал по фунту всякий раз, когда мне это говорят, мне бы деньги некуда было девать.

А мысли эти у меня в голове крутятся из-за сегодняшней ссоры с Джилл. Нет, она мне ничего такого никогда не говорила: еврей – не еврей ей, по-моему, без разницы, и мне это всегда было по душе, собственно, поэтому я с ней так долго и продержался. А тут она возьми да и скажи: хочу, мол, чтоб ты на мне женился. Я в ответ только засмеялся.

– Да ты что, – говорю, – чтоб я да женился на шиксе*?

– Но ты же еврейской веры не придерживаешься? – говорит.

– Нет, конечно, – говорю. – Не придерживаюсь, только религия здесь ни при чем.

– Ты ни на ком не хочешь жениться, – говорит. – Боишься. Ты и на еврейке не женился бы.

– Правда твоя, – говорю, – чтоб я на этих стервах женился? Да ни в жизнь. Заставят тебя вкалывать от зари до зари, чтоб ни в чем себе не отказывать, а что ты получаешь взамен, я тебя спрашиваю?

– Ладно, – говорит. – Раз не хочешь жениться, я от тебя уйду. Так дальше тянуться не может.

– Раз так, – говорю, – уходи.

Знаю: как уйдет, так и вернется.

– Я не шучу, – говорит, – ты должен решить: либо так, либо этак. Мне тридцать два, и так дальше тянуться не может: не дело это. К тому же, тебе уже сорок пять стукнуло, ты что думаешь, женщины и дальше будут соглашаться с тобой жить вот так вот?

– Ладно, – говорю, – это мы еще посмотрим. Но на тебе я не женюсь, и это слово мое последнее.

Только я это сказал, она побелела, пальто набросила и – вон из квартиры.

– Захочешь меня найти, – говорит, – знаешь, где.

Ей и раньше случалось уходить, так что я особо не беспокоился, но огорчиться – огорчился: не ожидал такого. Выпил виски и сразу лег, но лечь – лег, а уснуть – не уснул. Знаете, как оно бывает: возвращаешься мыслями все дальше и дальше в прошлое и остановиться не можешь.

Школу – и ту вспомнил, а уж хуже школы в моей жизни ничего не было: гнуснее школы, чем этот интернат в Истборне, куда меня определили, не сыскать, кроме меня, евреев там не было. Помню, как-то я первым из всего класса ответил на вопрос, а учитель, тот еще антисемит, и говорит:

– Гольдман, ваша нация вечно вперед лезет, когда вас и не спрашивают.

Я швырнул в него чернильницей, меня побили. Убегал я оттуда дважды, и в конце концов отец меня оттуда взял и определил в дневную школу. Папаша мой был отец старой закалки. Попробуй только огрызнуться – вмиг схлопочешь! С ним такие номера не проходили.

Он мне бывало говорил: «Джо, никому из гоев не верь, пусть они даже к тебе и льнут: сегодня они тебе друзья, а завтра устроят погром». Кто-кто, а он про погромы все знал – до двадцати одного года жил в Польше, впрочем, он мог меня и не наставлять: я своим умом до всего дошел.

Взять, к примеру, первый раз, когда я бабу подцепил. Она была француженка, шлюха из Сохо, крашенная блондинка, груди, как два арбуза, а мне семнадцать, и я только что не дрожу – так боюсь. Как бы там ни было, поднимаемся мы к ней, я раздеваюсь, она глянула на меня и говорит: «А ты еврей». И кранты – я был уже ни на что не годен. Она деньги захотела с меня слупить, а я как двину ее и – шась из комнаты.

Поляки, французы, – все они одного поля ягоды, все сволочи, ты, надеюсь, не считаешь, что англичане – другие, в глубине души другие? Ты что, думаешь, здесь такого быть не может? Еще как может – завтра же, начнись здесь серьезная безработица. Поэтому, если евреи и селятся кучно, в гетто, вины их тут нет: во всяком случае, там они среди своих.

У меня есть племянник, сын моего брата Джека, послушать его, так животики надорвешь. Джек, после того как дело мое откупил, много денег заработал и послал сынка в Оксфорд, а малый таким всезнайкой стал – просто спасу от него нет. Евреи должны ассимилироваться. Евреи, которые не хотят смешиваться с неевреями, должны уехать в Израиль. Я ему говорю: чего я там потерял, я посмотреть на Израиль и то не рвусь.

– Раз так, – говорит он, – раз ты не хочешь там жить и еврейской веры не придерживаешься, почему ты против смешанных браков?

– Почему я против? – говорю я этому нахалуго. – Я тебе скажу, почему: не хочу целовать ногу, которая меня топчет, вот почему. Женись, если хочешь, на шиксе – дело твое, а меня уволь.

Потому что никому не известно, где прорвет. Помню, как-то перед войной в уик-энд отправились мы втроем, Чарли, Сэм и я, на взморье. Остановились у бензоколонки заправиться, следом подъезжает машина, в ней полно народу, и один из них и говорит:

– Сначала нас обслужишь, а евреев потом.

Я вылез из машины, пошел на него; я и сейчас помню его лицо. Он никак не ожидал, что из такого автомобильчика, как «моррис», вылезет такой здоровила. Окно его машины было открыто, я заехал ему куаком в нос, сел обратно в «моррис», и мы укатили. Он и не пикнул.

Я когда такое слышу – врезаю без дальних слов; как-то на вечеринке одному типу нос сломал: он антисемитскую шуточку отпустил. Теперь-то уж года у меня не те, но все равно, чуть такое от кого услышу, бью враз, и пусть он облом обломом, меня это не остановит. А Джилл меня не понять.

Я с ней познакомился в придорожной закуской на Грейт -Вест-роуд, поехал как-то вечерком – посмотреть, не удастся ли кого подцепить. Она была с подружкой, я им поставил выпивку, потом развез их по домам. И уже на следующий вечер переспал с ней. Она умная и из себя ничего, хотя перед войной у меня такие красотки бывали – она им в подметки не годится: я тогда из постели в постель перескакивал.

Когда мой старик уезжал, я раскатывал на его машине, а когда он умер и наше дельце стало больше денег давать, я себе новую машину купил. Я мог бы вам порассказать, как мы в Пэджингтоне в былые годы куролесили. Даже и теперь, если темным вечерком поехать по Оксфорд-стрит и Риджент-стрит, можно ого-го каких красоток снять. Одна откажет, другая согласится: тут что важно – какая у тебя машина.

А в пользу Джилл скажу одно – она не такая, как все они: когда я заболел, она ухаживала за мной, готовила мне и все такое. Если она уйдет, мне будет жаль – что да то да, но сказать, что я ее обманывал, она не может: я ее сразу предупредил, как и что. «Что до нас с тобой, – сказал я, – о женитьбе и речи быть не может, нет и нет! И думать об этом позабуди». Чуть погодя она стала приходить ко мне четыре-пять раз в неделю, оставалась на ночь, так что мне не приходилось ее домой отвозить. И вот ведь что странно: вообще-то я не люблю, когда они остаются ночевать, у меня правило такое: дело сделано – пожалте домой. А, может, и хорошо, если на этот раз она всерьез решила уйти, потому что я успел к ней привязаться. А с одной бабой дело иметь нельзя, начинаешь от нее зависеть, она отшивает всех других, и вдруг – на тебе, она уходит, а у тебя – никого.

И пусть даже завтра она вернется, станет, чтоб ей, на колени, я на ней не женюсь – и точка. Что она себе думает: кто я ей? Евреям и собакам вход воспрещен, я это навек запомнил.

* Шикса (идиш) – нееврейка.

ЗАХАРИЯ, КНЯЗЬ ТАМАНСКИЙ

Юлий Бруцкус

Внимание исследователей уже давно привлекает загадочный эпизод из истории русских евреев: приглашение в Москву великим князем Иваном III некоего Захарии, князя Таманского, которого сам князь в грамотах называет Евреянином, а дьяки, вносящие грамоты в посольские книги, именуют Жидовином. За последние годы этому эпизоду посвящены две работы – статья Огородникова в сборнике, изданном в память Д.А. Корсакова (Казань, 1913), и доклад Тучапского в записках Одесского общества истории и древностей (т. 32). Исследователи приходят к противоположным выводам: первый безоговорочно считает Захарию, князя Таманского, евреем и доказывает это вновь опубликованными документами; второй полагает, будто Иван III обращался в письмах к двум разным лицам.

Установление истины в данном случае представляет большой интерес с точки зрения истории евреев центральной и южной России. Для нас важно отношение Ивана III к владетельному князю, которого он считал евреем и, тем не менее, в течение многих лет неоднократно приглашал вместе с его людьми на службу в Москву. Однако еще важнее было бы установление самого факта существования еврейского князя в XV веке да еще на Таманском полуострове, где, как известно, дольше всего сохранилась власть хазар – уже после разгрома Хазарского царства Святославом в 969 году. Мы всегда полагали, что название «Хазария» (или «Газария») употреблялось с XI до XVI века в восточной части Крыма только как географический термин, что там не было уже и помину о каком-либо хазарском и, тем более, еврейском княжестве. Последний князь Хазарский, упоминаемый летописями, – это Георгий Цулу. Тмутараканский русский князь в союзе с греками разбил его войско в 1016 году. Судя по имени, Георгий едва ли был иудеем и родственником хазарских каганов, потомки которых, по еврейским источникам, переселились в Испанию. Тем более странным кажется появление еврейского князя в Тамани в XV веке. Но что Захария, приглашавшийся в Москву, был действительно владетельным правителем, видно по обращению к нему в письмах Ивана III, а также по содержанию писем. В посланиях самого Захарии говорится об осаде и взятии турками его замка, о его враждебных отношениях с султаном, о желании переселиться с многочисленной свитой в другие края. Вот почему столь необходимо для нас выяснение точных данных о личности князя Таманского Захарии и его касательства к евреям.

Переписка между Иваном III и Захарией напечатана в 41-м томе сборников Русского исторического общества и приведена в подробных извлечениях в «Регестах и надписях» (т. I).

Впервые Захария обратился с письмом к московскому правителю в 1483 году через купца Гаврилу Петрова, побывавшего в Крыму. Это письмо не сохранилось, но в сборнике грамот сохранился ответ Ивана III. Приводим его дословно.

«Б-жиею милостью, великий осподарь русския земли, великий князь всея Руси Иван Васильевич... Захарие Евреянину. Писал к нам еси с нашим гостем с Гаврилом Петровым о том, чтобы ты у нас быти. И ты бы к нам поехал. А будешь у нас, наше жалование к себе увидишь. А похочешь нам служити, и мы тебя жаловати хотим, не похочешь у нас быти, а всхочешь от нас в свою землю поехати, и мы тебя отпустим добровольно, не издержав».

Письмо это не дошло до Захарии, о чем государевы дьяки в посольских книгах сделали следующую запись: «Сякова грамота послана была в Кафу (Феодосию. – Ю.Б.), к Захарье к Скарье, к

жидовину, с золотою печатью, с Лукою с подьячим, с князем Василием вместе; а Скарьи тогды в Кафе не было, был в ту пору за морем, и Лука ту грамоту назад привез».

В 1486 году Захария вновь обратился с той же просьбой к великому князю через купца Сеньку Хозникова и опять получил то же любезное предложение приехать – в специальной грамоте, обращенной к «Захарии Евреянину». Приказные дьяки внесли и ее в посольские книги с заголовком: «А се сякова грамота послана была к Захарье к Скарье к жидовину... с Дмитрием Ильиным вместе». Из приведенных двух документов несомненно явствует, что как сам Иван III, так и его дьяки считали Захарию, князя Таманского, евреянином, или жидовином, и, тем не менее, великий князь усердно звал его на службу в Москву. Огородников объясняет это влиянием дьяка Федора Курицына, ведавшего всем посольским приказом, то есть всеми иностранными делами. Федор Курицын вместе с братом своим Иваном Волчком, как свидетельствует Иосиф Волоцкий, принадлежал к жидовствующим: однако он пользовался таким огромным влиянием на Ивана III, что тот до смерти этого дьяка в 1504 году не соглашался принимать какие-либо меры против еретиков. Но в приглашении еврея в Москву не следует видеть ничего необычного. И дело не только во влиянии Федора Курицына. В 1489 году князь Иван Васильевич пригласил из Венеции врача Мистра Леона Жидовина, который лечил его семью. До гонений на жидовствующих и агитации Геннадия, Иосифа Волоцкого и Максима Грека московское правительство относилось к евреям так же, как и к другим иноверцам. Московские великие князья в то время приглашали татарских князей с их дружинами, и Иван Васильевич на тех же основаниях звал в Москву на службу евреянина, или жидовина, Захарию, князя Таманского, желавшего переселиться из Крыма вследствие притеснения турок. Магометан и евреев в те времена в Москве меньше боялись, чем латинян, угрожавших православной вере. Так было до истории с ересью жидовствующих. Любопытна в этом отношении обширная переписка Ивана III с кафинским евреем Хозей Кокосом, служившим по дипломатической части и бывшим агентом князя у царя Менгли-Гирея. Князь с величайшим уважением относится к еврею Кокосу и посвящает его во все государственные и даже в свои семейные дела.

В дальнейшей переписке московского князя с Захарией мы уже не встречаем упоминаний о том, что он евреянин или жидовин. Второе приглашение еще не успело дойти до князя Таманского, а он в июне 1487 года уже обратился с третьим письмом к Ивану III, обратился через армянина Богдана. Письмо это, написанное на латинском языке, дошло до нас в сборнике грамот в русском переводе. Мы узнаем из него, что фамилия Захарии была Гуйгурсис и жил он в то время в Копарио, городе, расположенном поблизости от Тамани. В письме Захария напоминает, что уже дважды писал в Москву из Копарио и Кафы, но не получил ответа. Далее говорится:

«Шел есмь найти господарства твоего, и на пути меня Степан воевода ограбил да и мучил мя, только что не до конца, также мя отпустил нагого, и того ради есмь не мог итти к осподарству твоему». Потом Захария спрашивает, приехать ли ему одному «с некими малыми людьми или со всем своим домом»

Ааеёеё ёіуаі Ааааёі ёоіеё, І ііеіаіеё ё І іаііоіаіеё, аііааоіі аіау Доіе Еааі ІІІ Ааіеёііае-.

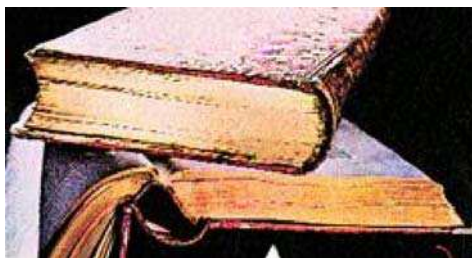
Аііааоііо ааі і ау і а- аоіі Еааі а ІІІ.

Иван Васильевич в третий раз посылает милостивое приглашение Захарии (через того же армянина Богдана) и одновременно с тем пишет послу Дмитрию Шеину, дабы он отрядил из своей свиты татарина, «которого пригоже, чтобы: того Захарию проводил ко мне». Одновременно великий князь просит царя Менгли-Гирея послать в Черкасию к Захарии двух татар, которые «знают дорогу полем из Черкас в Москву».

Однако и на этот раз поездка Захарии не состоялась, хотя великий князь особой грамотой от 6 сентября 1489 года предупредил его, что проводники будут ждать в определенный день возле устья Миуса. Как потом сообщил князь Рамодановский, татары действительно ждали Захарию Черкачина в условленном месте долгое время, но тот не явился, а прислал уведомление, что у них большая смута, и он не может подняться, так как «семья его велика». Вместе с тем посол докладывает, что и царь Менгли-Гирей не в силах помочь Захарии, ибо тот «турьскому великий грубник».

В последний раз мы встречаем упоминание о князе Таманском в наказе послу Ивану Кубенскому от апреля 1500 года.

Здесь Захария уже называется Фрязином, жившим раньше в Черкасах, а ныне служащим у Менгли-Гирея. Князь всея Руси снова настойчиво приглашает Захарию на службу. Но, по-видимому, Захария не согласился, так как больше о нем нигде в русских источниках не упоминается.

І ііеііеа ёі еаё ёі і оа XV аіаа

Спрашивается, кто же все-таки был этот Захария, князь Таманский, которого Иван III называет евреянином, посольские дьяки жидовином, а затем черкасином и, в конце концов, – фрязином? Если

название «черкасин» легко объясняется тем, что Захария жил по другую сторону Керченского пролива, как говорится в грамоте, в Черкасах, где жили главным образом черкесы, или зихи, как их называли генуэзцы, то название «фрязин» прямо указывает на западноевропейское происхождение и принадлежность к католицизму. С чем вполне сочетается и единственное дошедшее до нас послание Захарии, написанное «латинским письмом»,

Почти все историки, интересовавшиеся этим вопросом, до сих пор не сомневались, что князь Таманский Захария был евреем. Панов в своем исследовании о ереси жидовствующих отождествляет его с евреем Захарией, родоначальником этой ереси в Новгороде. Того же мнения в новейшее время держится и Гессен в своей «Истории еврейского народа в России». Автор статьи в английской Еврейской энциклопедии полагает, что Захария, князь Таманский, был потомком генуэзского еврея. Очень подробно останавливается на вопросе о происхождении Захарии уже упомянутый Огородников, написавший статью «Сношения Ивана III с зарубежными евреями». Он считает ересиарха Захарию и князя Таманского одним и тем же человеком – богатым еврейским купцом, жившим сначала в Тамани, а затем в Кафе и Копарио, имевшим свои владения и промыслы в различных местах на Кубани. Главное доказательство своей версии Огородников находит в послании инока Саввы против жидовствующих, опубликованном Белокуровым в 1902 году.

Инок Савва, как доказывает Белокуров, не кто иной, как Спиридон-Савва, назначенный киевским митрополитом в 1475-м, а затем вернувшийся в Москву в 1482 году. Новгородский архиепископ Геннадий, жестокий преследователь жидовствующих, называет этого инока столпом церкви. Послание Саввы против жидовствующих адресовано Дмитрию Васильевичу Шеину, служившему послом в Кафе с 1487-го до 1489 года. Начинается оно так: «И ты, господине Дмитрий, коли был еси послом и говорил еси с тем жидовином с Захарией-Скарою. И я, господине, молюся тебе: что еси от него слышал словеса добры или худы, то пожалуй, господине, отложи их от сердца своего и от уст твоих, якоже некое скаредие; несть с ними Б-га, уже не действует Б-г ими, ни на молитву их не внемлет: изриновени быша и не могут стати, якоже Давид глаголет... Тако и жидовское сокрушенье, встати им не мощно сокрушенным, и погребленным, и разметанным яко прах от лица ветра»...

Одно из главных доказательств инока – рассеяние евреев: «жиды рассеяны по всей земле». Плохого о еврейской вере Савва ничего не говорит; наоборот, во время пребывания в Киеве он, по-видимому, убедился в учености евреев и очень боится за своего близкого знакомого Дмитрия Шеина, который рассказал ему о беседах с Захарией и о своих сомнениях. Он горячо убеждает его: «Да не последуеши тем, иже в отца веруют, а в сына не веруют». И говорит далее: «Аще человек будет добр и украшен всеми добродетелями, и примесит к ним мало нечто жидовского семени, ино то все его житие не потребно перед Г-сподом и человеки, и Б-г не стерпит ему и обличит его, яко же и новгородских попов, учение жидовское приимших».

Ī īīāēā ēā ēāāēāē īā ×ōōō-Ēāēā

Đāāāēēē ī ū āū ūāēēēā ēāē ēā XV-XVII āēēā Nōāāē

Ÿēāī āī ò āāēēā ēāī āīīī (ī īēēō āāī īīā āīī ā ēāāēāē īā). ×ōōō-Ēāēā

Ī īīāō ū ōāī ā Ī āī āēē-Āēēāē.

Ēēāāēēēā Ī āāāīāēē ēāāāī āāāēēēēēē ē īāāīēēēē ē. ×ōōō-Ēāēā

Из текста послания инок Саввы очевидно, что посол Дмитрий Шеин во время пребывания в Кафе беседовал с евреем Захарией Скарою, хорошо знакомым самому иноку, и затем высказывал сомнения в вере и еретические мысли перед Саввою. Известный историк Соболевский предполагает, что посол Дмитрий Шеин по дороге в Крым, должно быть, заехал в Киев, где жил ересиарх Захария Скара, приезжавший в 1471 году в Новгород вместе с князем Михаилом Олельковичем и начавший там пропаганду еврейства. Огородников вполне разумно возражает, что дорога из Москвы в Крым не могла лежать через Киев, куда посол к тому же никаких поручений не получил; поэтому Захария Скара, с которым беседовал Дмитрий Шеин, должен был жить в Крыму, в Кафе. Однако вывод, который отсюда делает Огородников, что ученый еврей Захария Скара, собеседник Шеина, и Захария-Скара-Гуйгурсис тождественны, является совершенно необоснованным. В Крыму могли жить в то время одновременно и Захария, князь Таманский, и ученый Захария из Киева. Очень вероятно, что последний после разорения Киева татарами и бегства или пленения всех его жителей очутился в Кафе наряду со многими другими киевскими евреями. Мы знаем, что в том же 1482 году семья известного киевского ученого Моисея Гаголе была уведена татарами в Кафу, в плен, а через некоторое время он и сам переселился в Кафу. На основании многочисленных рукописных материалов той эпохи, хранящихся в Петроградской Публичной библиотеке, А. Гаркави пишет: «В 1482 году город сделался добычей татар, опустошивших и ограбивших имущество всех жителей, часть которых они увели в плен, главным образом, детей и женщин. Пленных уводили в Крым согласно существовавшему у них обычаю продавать пленников у себя дома; кто был в состоянии, откупился за большую сумму».

На кладбище в Чуфут-Кале (около Бахчисарая) сохранились два надгробных памятника, говорящих о том же. На одном, датированном 5243 годом (1482), читаем: «Сей камень поставлен на могиле Даниила бен Иошуа из Манкермана». Второй памятник принадлежит «Хане, дочери Якова из изгнанников Манкермана». Как известно, татарские племена называли Киев Манкерманом; это название было распространено и среди крымских евреев, говоривших на татарском языке. Тесная связь между общинами Киева и Кафы поддерживалась все время, и это подтверждают любопытные документы, собранные Фирковичем и хранящиеся в Публичной библиотеке под общим заглавием «Документы о Польше». Из одного русского документа видна и постоянная экономическая связь между евреями Киева и Кафы.

Ἀπέλαση εἰς τὴν XIV αἰ. καὶ ἑξῆς

При изгнании евреев из Киева литовским князем Александром (1495 год) все они – как раввинисты, так и караимы – переселились в Крым.

Очень вероятно, что Дмитрий Шеин в Кафе беседовал с изгнанным или добровольно переселившимся из Киева ученым Захарией и затем сообщил о своих беседах инок Савве. Тот, кстати, будучи в Киеве до его разорения в 1482 году, мог и сам иметь сведения об опасном ересиархе. Во всяком случае, довольно трудно отождествлять ученого Захарию, хорошо знавшего писания, астрономию и логику, с Таманским князем, который воевал с турками и был «великим грубником» турецкому султану.

Для выяснения личности князя Таманского необходимо обратиться к другим источникам, оставив на время русские грамоты. Естественнее всего искать разгадку всего сюжета в итальянской историографии, так как с начала XIII и до конца XV века порты Крыма и побережья Черного и Азовского морей были под властью сначала Венеции, а потом Генуи и находились в постоянных сношениях с метрополией. Богатейшие материалы по истории итальянских колоний в Южной России находятся в Генуе. К этим первоисточникам и обратился для разгадки личности Захарии, князя Таманского, прилежный исследователь прошлого южной России Ф. Брун.

Его ранняя работа на интересующую нас тему появилась в «Трудах первого археологического съезда» в 1866 году. Дальнейшие сведения можно почерпнуть в двухтомном собрании статей Ф. Брауна, носящем название «Черноморье, сборник исследований по исторической географии» (Ч. I и II. Одесса, 1877 и 1880). Однако серьезный этот ученый, добросовестнейший собиратель данных, остался почти неизвестен историкам, писавшим о евреях в России. Между тем, документы, приводимые Бруном, проливают яркий свет на личность Захарии Гуйгурсиса, князя Таманского, ведшего переписку с Иваном III.

Семья Гвиксульфи, или Гвизольфи (имя это русские дьяки переделали в Гуйгурсиса и в Гуилгурсиса), оказывается, с XIII века жила в Тамани. Предок их, Бискарелий де Гвизольфи, «civis Januensis» (генуэзский гражданин), еще в 1289–1290 годах фигурирует в разных записях как посол грузин в Европе и упоминается в письмах папы и английского короля Эдуарда. Дед Захарии, Симеон де Гвизольфи, был владельцем города Матреги, который также назывался Таманью. В 1424 году при посредстве брата своего Ивана Галеаццо он заключил договор с Генуэзской республикой. Матрега всегда была независимым владением, и это видно из того, что там жил лишь резидент Генуэзской республики, но никогда не было консула. После смерти Симеона де Гвизольфи в 1446 году опекуны его наследников поднесли кафинскому консулу живого сокола в знак их зависимости от «Великой Общины». Сын Симеона де Гвизольфи, Викентий, в 1448 году женился на девушке, которую звали Бика-Канон, – дочь Берзехуха, правителя города Копарио, известного в то время своими рыбными промыслами. От этого брака и родился последний владелец Тамани Захария де Гвизольфи. В Матреге, хорошо укрепленном замке, он держался даже потом – после взятия Кафы турками в 1475 году и подчинения всех генуэзских колоний турецкому вассалу, царю Менгли-Гирею. Только в 1482 году турки одолели Тамань. Дальнейшая судьба Захарии явствует из интересного и важного письма его от 12 августа 1482 года. Он обращается к протекторам банка Святого Георгия, которому Генуэзская республика передала все свои колонии на Черноморском побережье, и сообщает, что после взятия турками принадлежавшей ему Матреги он хотел сушей перебраться в Геную, но на пути своем был ограблен воеводою валахским Стефаном и вынужден возвратиться в Матрегу, где искавшие у него убежища готские князья до такой степени его разорили, что ему теперь приходится просить у протекторов банка 1000 червонцев.

Содержание письма владельца Матреги (т. е. Тамани) Захарии де Гвизольфи, рассказ о сухопутном путешествии из Тамани и нападении воеводы Стефана настолько совпадают с текстом письма князя Таманского Захарии Гуйгурсиса, адресованного в 1487 году Ивану III, что не остается никаких сомнений в полном тождестве этих лиц. Единственное разночтение состоит в том, что в письме великому князю Захария говорит, будто направлялся в Москву, а протекторам банка рассказывается о путешествии в Геную. Последняя версия, конечно, более соответствует реальности, и легкое уклонение князя Таманского от истины объясняется желанием разжалобить князя Ивана. А если так, то Захария был правоверным католиком генуэзского происхождения по отцу и черкесского по матери, которая принадлежала к черкесскому племени зихов, исповедовавших тогда христианство. Отсюда понятно, почему Захария в некоторых русских актах называется Черкасином, так как он не только жил в Черкасах, но по матери был черкесского происхождения. В грамоте, датированной апрелем 1500 года, он правильно поименован фрязином, ибо является генуэзцем и католиком и писал князю на латыни. Неясным остается только один вопрос: почему великий князь в первых двух грамотах от 1484-го и 1487 годов называет Захарию Евреянином, а государевы дьяки Жидовином? Брун объясняет это, во-первых, местом жительства Захарии за морем, на кавказском берегу, а во-вторых, постоянными связями рода Гвизольфи с Грузией, именовавшейся в средние века Иверией. Уже родоначальник семьи Бискарелий де Гвизольфи, посланник грузин в Европе, во многих актах сам называется грузином. Иван III название «Иверианин», вероятно, спутал со словом «Евреянин», а дьяки, вслед за великим князем, дважды записали Захарию «Жидовином». В дальнейшем ошибка выяснилась, но лишь по получении от Захарии третьего письма на латыни в 1488 году, написанного из Копарио, где он жил тогда у своих родственников-черкесов.

Все эти документы, собранные Бруном, были приведены автором настоящей статьи в докладе о «ереси жидовствующих», читанном в 1900 году в Еврейской историко-этнографической Комиссии в Петербурге. Тем не менее, как сказано вначале, заманчивая легенда о еврее, княжившем в Тамани в XV веке, снова и снова повторяется пишущими еврейскую историю и нашла защитника даже в ученом труде Огородникова.

Νόδαί εὐὰ ἐς «Οἰκίεθιέα», γὰί τε ἐς ἰαεῖεῖα ἱί-εὐαῖ πὸ Σαοῦεῖς Νεαθῖε ἐ αἰ πὸ ἰθῖί ἰεεῖα ἐ εῖεῖ

Статья Огородникова встретила возражения со стороны другого исследователя, Тучапского, который посвятил ей специальный доклад в одесском Обществе истории и древностей. Тучапский держится того взгляда, что первые два письма Ивана III от 14 марта 1484 года и от 18 октября 1487 года были действительно посланы еврею Захарии Скаре, родоначальнику новгородской ереси, который сначала выселился в Крым, а затем просился в Москву. Последующие же письма касались генуэзца Захарии де Гвизольфи: именно ему принадлежала Тамань. Однако это предположение противоречит как латинскому тексту дошедшего до нас письма Захарии Гуйгурсиса, где он упоминает, что ранее уже дважды писал великому князю из Кафы и из Копарио, так и наказу, данному послу князя Ивана Шеину, где также речь идет о повторных предложениях Захарии приехать. В самом приглашении (в первых двух письмах) говорится о службе и жаловании, какие положены князю, выходящему в Москву вместе с своими людьми, а не о разрешении на приезд. Поэтому предположение Тучапского о разных адресатах следует отвергнуть. Великий князь и его дьяки вначале действительно ошиблись, приняв иверианина за евреянина (или жидовина).

Приходится, таким образом, раз и навсегда отказаться от мысли о существовании еврейского князя на Таманском полуострове в XV веке, потомка хазарских царей. От мысли о еврее, выходе из Генуи. Вернем Захарию Гуйгурсиса (он же Гвизольфи) в лоно католической церкви. Назовем его итальянцем, кем он и был в действительности, и возвратим Италию, где род его существовал, по крайней мере, в течение двух веков.

Ààí óγγίεαŷ ààσίŷ á Óàí àíτèè (Èàòà).

Тем не менее, вся история с Захарией, князем Таманским, представляет для нас интерес в том смысле, что лишний раз доказывает терпимое отношение московских князей к евреям в XV веке, резко отличавшееся от фанатичной нетерпимости следующего столетия, вызванной гонениями на жидовствующих.

Вместе с легендой о еврействе князя Таманского должна быть похоронена и гипотеза о его тождестве с родоначальником ереси жидовствующих Захарией Скарою, жившим в Киеве. В 1482 году, в связи с разорением Киева татарами, этот Захария Скара, вероятно, переселился в Кафу, где московский посол Дмитрий Васильевич Шеин мог вести с ним богословские беседы, пошатнувшие его правоверие и вызвавшие такую тревогу у инок Саввы. Более подробных сведений об этом ученом еврее, смутившем умы новгородцев, мы, к сожалению, не имеем. Известно только, что он пришел из Киева, знал хорошо Священное писание, был знаком с астрономией и философией. Может быть, в сочинениях другого киевского ученого XV века, Моисея Гаголе, имеются сведения об этом более близком нам Захарии и о других киевских евреях – Иосифе, Самуиле, Скарии, Моисее и Хануше, приехавших вместе с ним в Новгород. Но многочисленные труды этого первого еврейского писателя на Руси, равно как другие любопытнейшие документы той эпохи, лежат под спудом в Петроградской публичной библиотеке и вряд ли скоро увидят свет.

«Ààòàíεαŷ òò àòèí à». 1917-1918

ПЬЯНИЦА

י עֹבְדֵי נְאֻלֵּי אֵיבֵעֵי

Раз в году еврей обязан напиться. Напиться до умопомрачения, чтобы никого не узнавать. Не в красный день календаря и не «по поводу», которых, слава Б-гу, хватает в жизни каждого, а в Пурим, в еврейский праздник Пурим, чтобы забыть все ужасы времен правления царя Артоксеркса, когда Эсфирь и Мордехай спасли евреев от полного истребления.

Но с недавнего времени Шухман напивался трижды и совсем не в Пурим, и не в день Победы. Случалось это в дни рождения его сыновей Бореньки и Семы и Васьки, сына нового соседа Чунина. Правда, он никогда не видел этого Васьки – только на фотографии, но отмечали они с Чуниным этот день регулярно.

Собственно, с этого дня рождения Васьки и началось их знакомство, а потом и родилась замечательная семейная традиция: напиваться в дни рождения сыновей...

Однажды утром Чунин окликнул проходившего мимо забора Шухмана и похлопал по карману своего пиджака. Шухман не понял, в чем дело, он шел к себе в сапожную кибитку, сарайчик вроде туалета около станции, шел на работу, но подвинулся поближе к забору и молча смотрел на незнакомого мужчину. Тот снова похлопал по левой стороне пиджака, явно обозначив бутылку во внутреннем кармане, и мотнул головой куда-то налево. Шухман оценил намерение человека, его фетровую шляпу, сдвинутую на брови, и спросил, какой на сегодняшний день выпал неизвестный ему праздник. Чунин слегка задумался, поскольку уже был под небольшим градусом, и поднял вверх указательный палец. Он подумал еще немного и, почувствовав, что ему сегодня повезет на собутыльника и не придется напиваться одному, пригласил: «Заходи!» и распахнул калитку. Шухман постоял несколько секунд тоже в раздумье, разглядывая теперь пиджак незнакомца, распахнутую калитку и, чувствуя, что непонятно почему, действительно, хочет принять приглашение, хотя так и не припомнил ничего примечательного в календаре.

– Чунин! – протянул руку мужчина, когда Шухман, наконец, вошел во двор.

– Исаак, – протянул он свою ладонь в ответ.

– Михаил, – исправился Чунин, и они пошли в глубь двора. Хозяин обогнул дом, продвинулся по тропинке к сараю, миновал его и на задах жестом пригласил садиться – впереди лежал штабель досок с

торчащими разнодлиными концами, и видно было, что место уже не раз использовалось для трапез, судя по обрывкам газеты на земле и сальным пятнам на самих досках. Они удобно устроились друг против друга, положили прямо на шершавую доску два огурца, тут же сорванных с грядки, Чунин вытащил из щели два граненых стакана, вытряхнул из них нападавшие занозы, налил по половинке, засунул бутылку обратно в карман, сказал, глядя Исааку в глаза :«Со знакомством» и тут же выпил. Шухман чуть повернул стакан в своей огромной руке с черными ногтями, будто выбирая грань поудобнее, и тоже опрокинул. С этого все и началось. Бутылку они разделали молча, больше ничего не говоря. И если Чунин, очевидно, имел повод выпить, Шухман удивлялся, почему он здесь и зачем это делает, но вслух ничего не говорил и не уходил. Потом Чунин достал из другой щели еще припрятанную бутылку и тогда услышал вопрос:

– Какой сегодня праздник, скажи мне?

– Васькин день рождения, – односложно ответил Чунин.

– Васька – кто? – спросил Шухман.

– Ты – Исаак! – ткнул Чунин пальцем в Шухмана

– А Васька – сын. Понял?

– А где он? – не унимался любознательный Исаак.

– Под Курском.

– Живет? – поинтересовался Шухман.

– Лежит, – опять односложно ответил Чунин, сосредоточенно разливая и сравнивая уровень в стаканах.

Шухман слегка задумался и продолжил: – Давно?

– С сорок третьего, ровно с сегодняшнего дня – у него день рождения было! – откликнулся Чунин. – Пей, пей, – подбодрил он, заметив нерешительность собутыльника.

– Нет, – отказался Шухман.

– Почему? – удивился Чунин.

– Пойду переоденусь, – ответил Исаак и показал на свои разбитые сандалеты. Чунин чуть наклонился, внимательно их изучил и ответил твердо:

– Не надо! Пей!

– Неудобно! – запротестовал Шухман. – День рождения, а я в таком виде.

– В хорошем! – убедительно ответил Чунин.

– Ты бы мне сказал, я бы оделся...

– Когда? – удивился Чунин.

– Что?

– Когда сказал? Ты шел мимо... У тебя есть дети?

– Есть.

– У них есть день рождение?

– Есть, – подтвердил Шухман.

– Когда?

– Теперь 10 октября и 20 апреля...

– Вот и выпьем, – утвердил Чунин. – Пей. – И Шухман выпил.

– А где они, с тобой живут?

– Нет, – Шухман отрицательно покачал головой. – Один под Воронежем, а Боренька – на Висле.

– Хорошо, – тихо откликнулся Чунин, и непонятно было, что ему так понравилось. – Пей.

Подбадривая друг друга, они выпили по две бутылки, ходили к Клавке в магазин и добавляли, но на портвейн не согласились и от пива отказались. На солнце их крепко разморило, и они уснули тут же на досках, полусидя и опираясь спинами на острые ребра необрезного теса.

Когда уже пала роса, Голда, жена Шухмана, наконец, разыскала своего мужа и была так возмущена и разгневана, что слова у нее пресеклись вовсе. Она смотрела на двух спящих мужчин и не знала, что делать.

– Исаак! – громко начала она и потянула мужа за рукав. – Исаак! – закричала она и стала трясти Шухмана. Но тот спал, и только голова моталась из стороны в сторону согласно усилиям жены. – Исаак, фарбренин золсти верн^[1]! – заорала она, понимая, что у нее не хватит сил сдвинуть его с места.

– Ты кто? – Неожиданно откликнулся Чунин.

– Я – кто? – возмутилась Голда. – Ты кто? – Перешла она в атаку.

– Чунин Михал Ильич, – представился Чунин. – А это Исаак. – Он подумал немного: – Фамилие не знаю... но вот такой мужик, – и он поднял большой палец.

– Э-э, – покачала головой Голда, – а почему он в одном ботинке? Что, вы уже и ботинки пропили?

– В одном? – удивился Чунин. – Действительно в одном, – рассмотрел он. – Это ничего... выпейте с нами, – галантно предложил он и попытался встать, чтобы уступить место, но у него ничего не получилось.

– Исаак, – обратилась она к спящему, – вос фар а ионтов гайнт? Ду бист дох нит а шикер! Мит вемен тринксти?^[2]

– Что? – не понял Чунин и стал трясти собутыльника. – Исаак, она тебе что-то сказала! Ты ее знаешь?

– Ты кто такой? – угрожающе закипела Голда. – Я тебя спрашиваю: ты кто такой?

– Я – Чунин, Михал Ильич, столяр, сосед, живу тут, справляю день рождение сына... с ним, с Исааком, вот такой мужик! – И он поднял большой палец.

– Бессовестный, – тихо сказала Голда и отпустила рукав мужа. – Бессовестный. Ему нельзя пить. Вы же видите... у него сердце... день рождения... а у него оба сына погибли... и он...

Чунин вдруг выпрямился, икнул и совершенно трезво произнес:

– Я же не знал. Я всегда напиваюсь в этот день. И больше ни-ни целый год – ни в Октябрьскую революцию, ни первое мая, ни восьмое марта... мы его сейчас в дом положим и укроем... вот такой мужик, – он виновато бормотал и трогал одним пальцем Голду за рукав. – Я же не знал... а если что починить или стол со стульями – я, пожалуйста... вот такой мужик...

– А жена где? – спросила Голда примирительно.

– Она поехала к сестре в Курск, там они на могилу к сыну пойдут поправить и все такое. – Он замолчал и стоял чуть покачиваясь.

– Это его рождение? – спросила Голда, и Чунин молча утвердительно мотнул головой.

– И чем вы закусывали? Огурцом? – Голда ткнула пальцем в газету. Чунин снова молча подтвердил.

– А гой из а шикер – их кен форштейн. Нор а ид из а шикер – эс фейнт мир...^[3]

– Что? – поинтересовался Чунин.

– Сидите тут и никуда не ходите! – скомандовала Голда и отправилась обратно по тропинке. Она обернулась через несколько шагов, убедилась, что сдвинуться с места они все равно не в состоянии, и пошла, переваливаясь и ворча вслух: – Куда он дел другой ботинок, холера...

Через полчаса она вернулась с хозяйственной коричневой дерматиновой сумкой, с которой всегда таскалась на рынок, и скатанным одеялом на плече. Она деловито, по-хозяйски поставила две тарелки на широкую доску, потом из кастрюли налила половником до краев зеленый густой щавельник, разрежала яйцо вдоль пополам и положила в тарелки и из маленькой баночки вывалила, наклонив ее, по огромной капле сметаны, отчего тарелки сразу переполнились и из одной плеснуло на доску.

– Ешьте! – пригласила она Чунина. Тот помешал рукой перед своим лицом воздух, взял протянутую ложку и спросил: – А вас как зовут?

Голда провела ладонью по черным непричесанным волосам и просто ответила: – Голда... я с ним уже двадцать три года живу, но он никогда не пил...

– Сегодня день рождение, – извинительно начал Чунин и полез в заветную щель между досками за бутылкой.

– Нет, – отказалась Голда. – Я не могу. Я один раз попробовала, так думала, что умру... – Она присела на корточки, потянула Исаака к себе за лацкан пиджака и ласково сказала: – Исаак, ты же с утра не ел... поешь немного, – но ответа не последовало. – Исаак, ты слышишь меня? Все клиенты тебя искали, Малке же не в чем ходить...

Это произвело магическое действие, и сапожник Шухман сразу открыл глаза. Он долго смотрел на жену, соображая, что происходит, и только выдавил:

– Ты кто?

– Я? – возмутилась Голда.

– Ты женщина! – предположил Шухман.

– Это твоя жена! – помог Чунин.

– Моя? – удивился Шухман. – Хорошо.

– Жена! – подтвердил Чунин.

– Моя жена Голда! – сообщил Шухман. – Ты?

– Я, – подтвердила Голда

– Это Михаил...

– Я знаю, – перебила Голда. – Вот такой мужик, – и она подняла палец. – Ешь! Поешь немного!..

– Ладно, – согласился Шух

ман. – У него сына день рождение... сегодня...

– Я знаю, – перебила Голда. – Ешь!

– Ага, – удивился Исаак. – ты слышишь, – обратился он к Чунину, – она уже все знает... а ты волновался...

– Где твой второй ботинок? – спросила Голда, когда муж поднес первую ложку ко рту.

– Ты знаешь, Голда, так неудобно получилось... у него сына день рождение, а я пришел в таком виде... не переоделся... и в старых сандалетах... – Он опустил руку и тоже из щели в досках достал недостающую обувь.

– Ешь! – скомандовала Голда. – Смотри, он ест! Ешьте, ешьте! – ободрила она Чунина. – А у вас есть где лечь? Я же не дотащу его до дома...

С тех пор оба они празднично одевались, причем Шухман неизменно в парусиновые довоенные белые туфли, начищенные зубным порошком, заранее запасались выпивкой и вдвоем исчезали, как за ними ни следили жены, и напивались до умопомрачения, до неузнавания родных лиц. Они никогда не буянили, не приглашали с собой никого. Ставили фотографию с мальчишеским лицом перед собой и пили до тех пор, пока не отключались.

Верка, жена Чунина, обнаружив его очередное исчезновение, страшно матюкаясь во весь голос, бежала к Голде, и они начинали поиски, обходя сначала излюбленные места, потом выясняя у Клавки в магазине, сколько и когда они добавляли, но каждый раз не достигая фантазии мужей и находя их в новом романтическом месте – то в курятнике у лесника, то в старой гнилой бане Пестовых у реки, то в разбитой и разграбленной церкви, пол которой был усеян засохшими кучами дерьма бывших прихожан... да мало ли мест в обычной заброшенной среднерусской деревне, решившей превратиться в поселок из-за близости к городу, да так и застывшей на полпути к обещанному счастью и благоденствию.

Сипел колокольчик на углу правления. Исаак шлепал по лужам в заляпанных парусиновых штиблетах. За ним переваливалась Голда в черных ботиках с войлочным верхом, и до следующего праздника через три месяца в июле можно было быть уверенным, что он не возьмет в рот ни капли

спиртного. Даже глотка пива из бочки в палатке у станции, рядом с его сарайчиком, в котором он проводит свою жизнь, склонившись над чужими подметками и каблуками.

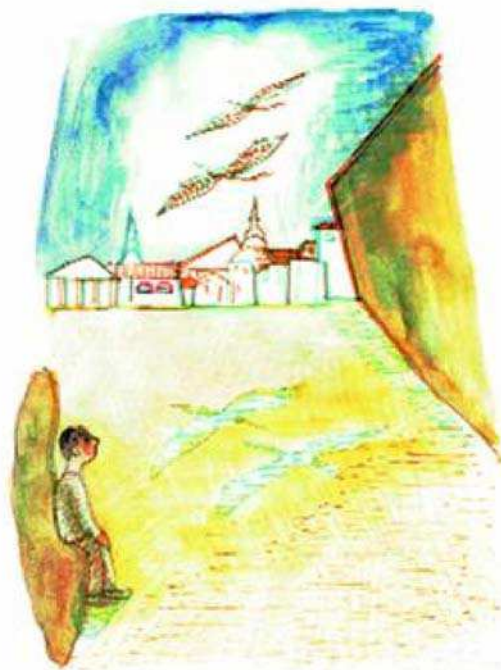
^[1] *χὸ ἴα οὐ μῖ δαέ!*

^[2] *χὸ ἴ γὰ ἰθαυῖ ἐέ μῖ αἶ ῥ? Οὐ αἰ ἴα ἰυῖ ἐοᾶ? Νέαι οὐ ἰῦαοῦ?*

^[3] *Ἄτε (ἴα αἰαῖ) - ἰυῖ ἐοᾶ, ῥ ἰ ἴα ἰῖ ῥοῦ ἴ ἴ αἰαῖ - ἰυῖ ἐοᾶ, οἰ ἴ ἴ αἰ ἴ οἰ αἰ ἴ..*

СВИДЕТЕЛЬ

Bêlâ Oiañò áð

За два перехода дошел Навузардан от границы до стен Святого города. Второй стеной из блестящих щитов окружили вавилоняне Иерусалим.

Утром двадцать третьего июня они пронеслись сквозь местечко на запыленных мотоциклах, посверкивая круглыми стеклами очков. Уже на выезде пулеметчик, сидевший в коляске последнего мотоцикла, аккуратно тронул приклад, и школьный учитель Захария осел на землю, теряя привычную строгость осанки.

На следующий день всех собрали на площади. Литовцы ходили по домам и выгоняли тех, кто прятался. Никого не убивали, только били тяжелыми деревянными палками. Немецкий офицер сидел на балконе второго этажа и пил чай. Мы стояли на площади с восьми утра почти до темноты.

Тридцать возов с железными молотами послал Навуходоносор вместе с войском, и все они раскололись о первые ворота Иерусалима. В страхе хотел Навузардан бежать от стен города, но ангел остановил его.

– Разрушай разрушенное, – сказал ангел. – Пришло время сжигать сожженное.

Ударили древком копья в ворота Иерусалима – и упали ворота.

Они вывели из толпы раввина и раздели его на глазах у всех женщин местечка. Свиток Торы расстелили перед ним на земле и приказали мочиться. Раввин отказался. Тогда они оскостили его острыми краями старого пергамента. Раввин умер на следующий день там же на площади, примотанный к столбу святыми словами.

Утро двадцать третьего тамуза Навузардан встретил внутри стен Иерусалима. Он убивал и шел, шел и убивал, продвигаясь по улицам города, пока не вступил на Храмовую гору. Когда же увидел кровь пророка Захарии, бурлившую на мраморных плитах пола, спросил у жрецов:

– Что это?

– Кровь жертв, – ответили жрецы.

– Приведите жертвы и зарежьте передо мной, – приказал Навузардан.

Принесли в жертву быков, но не успокоилась кровь.

Около пяти часов вечера офицер встал.

– Всю жизнь вы водили за нос литовский народ, – сказал он. – Теперь пришло время поработать.

Через два часа литовцы отобрали всех мужчин моложе сорока лет и увели. Остальных отпустили по домам.

– Вы обманули меня, – сказал Навузардан. – Это не кровь жертв.

– Мы обманули тебя, – признались жрецы. – Это кровь пророка.

«Возвратитесь к Нему, и Он вернется», – говорил он; но его не слушали.

«Отвратитесь от путей ваших злых и мерзостных деяний ваших», – взывал он; и его убили.

– Такое злодейство требует отмщения, – усмехнулся Навузардан.

Привели и зарезали два миллиона мудрецов Израиля, но не успокоилась кровь.

Принесли и зарезали два миллиона грудных младенцев, но не успокоилась кровь.

Привели и зарезали два миллиона юношей и девушек, но не успокоилась кровь.

Тогда спросил Навузардан:

– Захария, Захария, ты хочешь, чтобы я убил всех?

Перестала кипеть кровь, ровной струей хлынула она из храмовых плит. Ручейком зазвенела она, зажурчала, заструилась, ища проход между телами.

Через два дня увели оставшихся мужчин. Сказали – тоже на работу. Потом девушек и молодых женщин. Потом стариков, старух и детей. Уцелела лишь моя мать. Ее спрятала Вирга, наложница офицера.

Сегодня в нашем местечке живут только литовцы.

Перед отъездом я предупредил Аушру: в Израиле есть всего две национальности – евреи и арабы. Она согласилась. Мы поселились в Реховоте, я быстро освоил язык, нашел работу. Уходил рано, возвращался поздно, измученный жарой. Аушра училась. Через год она прошла гиюр. Мы поставили хупу, и тут мою жену словно подменили. Ребеле, который обучал Аушру, предупреждал, что такое возможно. Я не верил. Как могут четыре деревянные палки и кусок бархата повлиять на наши отношения?

Вскоре выяснилось, что Аушра допустила Закон слишком близко к сердцу. Со своей немецкой педантичностью она принялась исполнять не только его букву, но и все знаки препинания. Наш дом наполнился бесконечными запретами и ограничениями. Мы стали ругаться из-за молочных и мясных чашек, курения в субботу, чистых и нечистых дней. Увы, человек не ценит того, что ему дано, воспринимая счастье только как переход от одного состояния к другому.

После развода жизнь потеряла для меня вкус. Ребеле оказался прав: разрушение семьи подобно разрушению Храма. Но Аушра думала иначе. Теперь никто не мешал ей наслаждаться запретами. Она переехала в Бней-Брак и прервала со мной всякую связь.

Лишь иногда, через ее мать в Литве, мне перепадает крупница информации. Я посылаю Вирге деньги, и она всегда отвечает мне открыткой, исписанной крупным почерком крестьянки. В последней сообщалось, что Аушра вышла замуж за ешиботника, и у них родился сын Захария.

«Сколь велико искупление за одну погубленную душу, – подумал Навузардан. – Что же будет со мной?»

В страхе оглядел он руки свои, скинул пурпурный плащ полководца, бросил войска и бежал в Галилею. Там он принял гиор и остаток дней прожил как праведник. Потомки его, говорит Талмуд, учат Тору в Бней-Браке.

БРАТЯ ВЕЙНБЕРГИ

Аדיא-עאָע

*נוֹאָדוֹעֶע - יָאָדוֹ עֵינְבֵרְגֶע (1831 - 1909). יֵעֲאָוֶע - יָאָעֶ עֵינְבֵרְגֶע (1846 - 1904). יָאָוֹ
וֵי אָדוֹעֶע אַ יָאָדוֹאָדוֹרֵי, יִי יָאָעֶ עֵינְבֵרְגֶע: דִּיאַעֲרִי אַ יָאָרִי, אַ יָאָדוֹ עֵינְבֵרְגֶע - אַ יֵעֲרֵעֵאָאָאָ יִי נֹאָע
עֲרֵאָנְדִּי וִי יִיגוֹי עֵ יֵאָדוֹאָ-עֵי, אִינְעוֹעֶע אִי אָדוֹעֲרֵעֶע עֵי (אָעֵנְאָעֵוֹאָעֵוֹאָע נֹאָדוֹעֶע
מֵאָדוֹעֶע), אַ 1905-י עֲרֵאָדֵי יִי-אָדוֹי וִי אֵעֵאָאָ עֵי. אֵעֵאָרִי אָדוֹ נֵאָדוֹעֶע: אָדוֹרִי וֵאָעֵעֶע יִי עֵרֵעֶע יֵאָ
יֵוֹעֵוֹ יֵעֵאָי וֵעֵאָ נֹאָעֵוֹ אִי דוֹאָי עֵאָ יָאָדוֹ עֵינְבֵרְגֶע: אַ, עֵוֹ עֵאָעֵוֹ אִי נֵעֵמִי עֵי יֵאָדוֹרִי יִי נֵעֵ אִי יֵ*

יִי אִי עֵוֹ עֵוֹעֵוֹי וֵעֵ מֵאָדוֹעֶע,

יִי אַ - אִי אָדוֹעֲרֵעֶע אִי-וֵ..

יֵוֹי נֹאָדוֹעֶע אָעֵי אָדוֹ יָאָדוֹ עֵינְבֵרְגֶע, יִיגוֹ עֵ אֵעֵאָאָ עֵעֵ

יֵוֹי יֵעֲאָוֶע אָעֵי אָדוֹ יָאָעֶ עֵינְבֵרְגֶע, אֵעֵוֹאָד עֵ פִי יֵדֵעֵוֹ.

Павел Исаевич Вейнберг работал на железной дороге, играл в Одесском русском театре, выступал с концертами и быстро приобрел, говорит современник, «громкое имя как рассказчик сцен из еврейского, русского и армянского быта».

Другой актер – Иван Федорович Горбунов (1831 – 1896) – зачинатель российского устного рассказа («Кажинный раз на этом самом месте!»), и произведения его неоднократно издавались в XX веке: 1904, 1926, 1962, 1965... Чего братья Вейнберги (даже старший, академик) не удостоились.

Между тем, «сцены из еврейского быта» изобрел младший Вейнберг – Павел Исаевич. А по его стопам пошли молодые да ранние – Владимир Хенкин, Леонид Утесов... И жанр еврейского анекдота, хотя бы печатной легализацией, обязан во многом Павлу Исаевичу.

Подобно Ивану Горбунову, он записывал свои сценки «фонетически», имитируя местечковый южнорусский говор: «вже» (уже), «шделал, шкажал», «брыльянт», «каравул», «мене», «з вэкселями» и т.д. и т.п., извлекая комический эффект из акцента, из неправильного своупотребления, из неверного построения фразы...

Тексты эти (спустя полтора года) имеют скорее историческое значение. Правда, коллизии вечные. И кто-то, быть может, вспомнит легендарный телебоевик и что приключилось там с радисткою Кэт в далеких весенних мгновениях...

DI'AI'AB DA'U

I'aaie Aaei'aaia

Богатый еврей приглашает известного доктора. Тот приезжает.

– Чем могу служить?

– Видите, я должен вВам, во-первых, сказать, что имею дочка, настоящий бриллиант. По-французски разговаривает, танцует, на фортепьянах играет и уже год, как выходит замуж.

– И что, она нездорова?

– Позвольте все по порядку. Она уже давно, слава Создателю, в интересном положении. Не сегодня-завтра должна разрешиться... И раз вы такая известность, то я вас и пригласил...

– Можно осмотреть больную?

– Сделайте милость. Пожалуйста, в спальня.

Доктор уходит и через некоторое время возвращается.

– Будьте, – говорит, – совершенно спокойны! Все кончится благополучно и, кажется, весьма скоро.

– Скоро? Господин доктор, садитесь, пожалуйста!

Сели, поговорили. Из спальни раздается стон:

– O mon Dieu!

– Господин доктор! Слышите, уже пора!

– Не беспокойтесь, еще ничего нет.

Дочка опять застонала:

– O mon Dieu!

– Доктор, уже теперь пора!

– Да не беспокойтесь! Еще не время.

Вдруг из спальни несется крик:

– Ой, мама, тата, гевалт! Караул!

– Вот теперь пойдёмте. Когда на своем языке заговорила – значит, пора.

Í Î Æ È Ì È...

Тут, в Петербурге, есть одного человека, который прежде ужасно какой был богатый, но только ужасно как кутил. Потом с нами, евреями, познакомился, начал деньги на большие проценты брать и все прокучивал.

Когда он проходил, то я говорю:

– Жалко – совсем человек разорился...

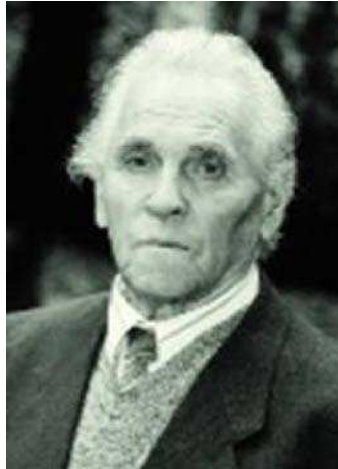
– Что ты? – евреи смеются. – Наши векселя его на ноги поставили.

– Как? – спрашиваю. – Разве опять поправился?

– А ты не видишь? С наших векселей снова на ноги встал... пешком ходит... Раньше-то на каретах раскатывал.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Áààèä Áóòíáàöèèè

1

Î ò äö ääðí öéñý ñ áíéíè

Ñ èí ö ääèíþ ñáí áé.

- Ááðàì, ñéó:-èèàññí ááí éíý! -

Èðè:-àèè ó ääáðáé.

Áíçáàá Õáíðóó çà ì èéíñòü

Ñéäáé ìí ì à áíçá

È ñéííóøéí èó:-èéíñí

Á ääèíñò ááí í ñí äéçá

Î ì áúè áááíýè-áéíáþæí èé,

È ááé ááí áçáðò.

Β áúäéýí óé ì áððæé

À ò àì áóóáò ì áðò!

Èáçáéíñí ìíéáí áì ýðéèì

Áñááíóí èé ñ áéèæí èó ñð

Î à ñéííá:-ííé áðááðéá

Áéàò èé á ááðáéíñéè ááí ð

Î ðèøéè òíáá, ì à ñ:-áñòüá,

*È ì ìyè, è òàíí èé,
È, íá òàáŷŷ ÷ àñà,
B ì ìáíŷè àñì èèé èðèé
- Ì áðàæüòá ì èí òü Áààèäá -
Ñèàçàè òàààéí èðŷòòŷ, -
È Á-áíá ààñò á íáéáó
Ááàèéíéíá àèòŷ.
Ñòààè Áààèáíá áúèè
Áàèèèá òí ù,
È ì í òàñí òààèò èðùèŷŷ
È ññ-éíèò ì ñàèí ù.
Ì òáá ì òááòèé: - Ìááá,
Ó íáñ òàñò áò ñáí ùŷŷ,
Ì òñòü áòí ààò ì òéááá
Ì áññííí, èàè è ŷ.
Ì ìŷò ìá íá ááááò,
Èò áñòü ñààè èpááé,
À ì íé ñíííé ì òñòü ááááò
Òíçèí èíòáááé...
Ì òáá ì íé æèè áññò íéíí,
Èàè ñííí ŷ ÷ òó áñ
È áñáíæó èç ñò íéèá
Ì ááñá ñáí áñ.*

Á äáí üí ðeçí ää

2

Í açí äé ì áí ý Á ääé äí ì

Í ò äö ì í é, ðä ä Á ää äí .

B äöí äé: ñ ää ö í ü é äí äí ö

Í ò ä: äí ö äö í ò ää í .

È ää açé ääí ì í á ò ðeçí ä

Á ðí äé ì í é ñ ö í ðí á

Á ä äí ä í á, Í ò: èçí ä,

× ö í ÷ äí ö í ñ è ääí ì í á? .

Í ñ ö äé äí ü ç ä í í ðí ä í

Ó ä ä á é ä ä ä ä ä ä ä í ,

Á ä ä í ä í ä - í ä è í í é ä

Á ä ä í ä í ä - ç ä « ä ä ä ä ä í » .

Í í é ü í ü ä í é ä ä í í ä í ö ä

È í ý ö ä, è ÷ ä ä ä ä ä .

È, ä ä ç ö ä ä ö í ü é, ä ä í ö è

Ç í ä ö ì á í ý í ò ä ä .

Òdè ñàà òdù (ñéàà - ì àì à)

3

Ámù ì íeèà ì àì à ì òdù ì íá

Óòdù íáà òì ódù Ìíáí òdù :

Íááí èèí àèí íáà ì íá

Bòí òàíe àò ù áàè òdù .

Áééày ì ùyí ày óóó àà

Í òdù òyí ñ èòé àì è «ááé!» ,

Í òyí : òòyí ì àì à , è Óóáò

Èí ò çàe èì ààò ááàé .

Èòù ì àì è àíyò òyí á ì íáàáá

Á ì yò èè òòí àèò áóóà

Óáí òòù , óèé àì ùá , íéòé èè :

- Yé , ámù íé íé ì àéù óà!

Ñ ì àì íé òàé àáíéí áòò èéú

× ì íéàò òáíéòp áòáú

Ì íáé íá àòò òòé òòù ì í Óáí óéú

Ì íáé íááíéè ámù óòù

Ì àì à òòíéè áíó òò áòí ñéà

Á óáé èèó àì áé ì íòù .

...Áíéí ñ ì àì è í ù ì òí ñááíp

Ì á : áí ù ñyò íé ì íòù .

Áááéé è Áðéáðéé - áðáòúÿ-ííáááéòáéé.

4

Áðáò, íá áéÿáé ñóéíðéçí íé,

Ì ááéáí íí òáÿ, éáé áúí.

Ì áñòí íááááíí íé òðéçí ú

Ñ èí áí áí ñéèòí òáí èí.

Áááááòú áòíðíá éþíÿ,

Á í áðáá á óòðí áí éí ú,

Ì í ñéá óðí éá éèòáðáòóðú ñ ó: áí ééáí è - «éðáñí úí è ñéááí í úòáí è».

Éáðéá í: è óñí óéé

Ñ : óáñòáíí íáÿñí íé áéí ú

Ì áðáá ñòðáí íþ ðí áéí íé:

Òú áá í á çáí èòéé,

Ì áðáá ñáíáþ éþáéí íé:

Òù áá í ááí'è'p'áéé.
Áíò è σῶí'áè'σῶú'òú, í ó-áúí
Í ááéáí'íí'ò'áγ', é'áé'áúí,
Áúí'ò'δ'áááá'á'δ'úé'σ'p'ó-áú'òú
Áú'òú'í'áá'íááá'í'í'ε'í'áú'í.

Á'σ'ε'í'ε'ú'í'í' í' ó'z'á'á'í'á'á'í'ε'í'ε'á'á'í, í'í'í'á'á'í'í'í' á'á'ò'í'δ'í'í.

5

B'á'ε'ò'á'p' á'í'á'ε'á'ε'á'ó'á
Í'ò'á'á'-á'í'í'ú'ε'í'ò'ç'á'í'í'á'í,
È'δ'á'á'γ'-é'ε'á'í'á'í'ε'í'á'í
Ò'ε'ó'í'í'γ'í'-ó'í'á'δ'ε'á'á'ó
Ν'ε'í'á'í'á'ú'δ'á'í'ò'á'ò'á'í'ε'ú'κ'ε'í,
Ν'ε'í'á'í'í'í'á'ε'á'ε'í'í'á'í'á'á'á
È'ò'í'á'á'á'í'í'δ'í'σ'ó'ý'δ'á'á'á
×'ò'í'α'á'á'á'ε'ú'κ'á'á'á'ε'á'ò'ú'í'í'ε'í.
Δ'á'á'á'á'í' è'σ'í'ó'ú'ε'ú'σ'á'ε'á'í,
Δ'á'á'á'í'í'ò'δ'ε'ò'í'á'á'í'δ'í'á'κ
- Á'í'á'í'ε'í'á'á'á'á'í'á'á'ý'ò' é'Á-á'á
Á'í'á'í'ó'ε'ε'á'á'á'ó'á'Ν'ε'í'í.
Í'í'á'ε'í'í'á'í'á'ε'á'ε'á'í'á'δ'ε'ò'ú

Áεάα̃, εδ̃ιέú.οεέ̃ α̃ι̃π̃ο̃α̃ε̃ε̃ι̃ι̃.

Δάα̃ í̃ááááα̃ο̃ ο̃α̃ε̃α̃ι̃-

Άδ̃α̃ι̃ γ̃ η̃ Α̃-α̃ι̃ α̃ι̃ α̃ι̃δ̃ε̃ ο̃ú

Έα̃ε̃α̃úε̃ ς̃ι̃α̃ε̃ η̃α̃ι̃ρ̃ ο̃δ̃ι̃ι̃α̃

Νέú.ο̃ ς̃ι̃α̃ι̃ áεα̃α̃ι̃α̃δ̃ι̃ í̃ε̃

Έ̃ í̃ε̃α̃ο̃ú̃ι̃ ε̃α̃ε̃ í̃ ο̃ε̃ í̃δ̃ε̃ι̃ α̃δ̃ι̃ú̃ε̃,

Í̃ α̃δ̃α̃ι̃ε̃α̃ο̃ú̃ ε̃δ̃δ̃ι̃α̃

ИСААКУ БАБЕЛЮ – 110 ЛЕТ

ÈëüŸ Ýðáí áóðá

Ðá:ú ï ïñüüáí í áŸ ïáí èááŸðèèáòèŸ Èíñáèá Ýí ï áí óèèíáè:à ÁáááèŸ.

Ï ïñáá, Óáí ò ðáèüŸ ï é áí ï èèòáðáòíðíá 1964 ãá

Я не мог не выступить, хотя здесь многие хорошо рассказывали об Исааке Эммануиловиче и хотя я писал о нем. Это самый большой друг, которого я имел в жизни. Он моложе меня на три с половиной года, но я шутя называл его «мудрый ребе», потому что он удивительно глубоко смотрел на жизнь.

Понимал, что взгляд человека не способен охватить бесконечность, и относился с брезгливостью к авторам (даже очень почтенным), которые пытались увидеть всё. Говорил часто: «А лучше поглубже». Хотел видеть то, что глубоко.

Любил окружать себя неизвестностью, что-то скрывать. В Париже как-то пошел ко мне и не пришел. А я ждал... Дочь, оказывается, спросила: «Куда ты идешь?» А у него не хватило силы соврать... И уже не мог прийти ко мне – направился в противоположную сторону.

/.../

Он не был романтиком в искусстве. К нему абсолютно применимо слово «реализм», но /.../ реализм человеческий. Ту жестокость, которую можно найти во всех рассказах Бабеля, – чем он ее смягчал?

Любовью, соучастием, огромной душевной добротой.

Был очень добрым и очень хорошим человеком. Не в обывательском смысле, а по-настоящему. И то, что не верил в удачу писателей душевно небрежных, – это выражает всю природу Исаака Эммануиловича.

Как-то раз ждал меня в Париже и перечел маленький рассказ Чехова.

– Знаете, что удивительно? – сказал мне. – Чехов был очень добрым человеком.

Ругался с французами, которые смели критиковать Мопассана. Полагал, что Мопассан безупречен... А в одном из последних разговоров сказал:

– Все у Мопассана хорошо, но сердца не хватает.

Вдруг почувствовал эту стихию страшного одиночества и отъединенности Мопассана.

///

Не могу сказать, что знал веселого Бабеля. Он не был ни весельчаком, ни бодрячком – ничем, что требовалось для того, чтобы быть одобренным. Он был печальным человеком, который смеялся. Его особенно интересовало то двоякое и загадочное, что вообще интересует людей, – смерть и любовь... Сколько наслушался исповедей, которые умел вызывать!

Очень любознательный... В Париже, когда не было денег, готов сколько угодно заплатить девушке, чтобы поболтать с нею в кафе, а самому не пойти обедать. Не мог видеть женскую сумку без просьбы, часто безуспешной:

– Не разрешите ли заглянуть, что внутри?

///

Бабель старался быть осторожным. Его никак нельзя назвать человеком, который лез напролом. Знал, что не должен ходить к Ежову, но хотел разгадать тайну нашей жизни и смерти.

В одну из последних встреч, когда меня в конце концов выпустили в Испанию, мы сидели в ресторане «Метрополь». Там танцевали, играла музыка, и он, наклонившись, сказал шепотом:

– Ежов – только исполнитель.

Вот единственная мудрая фраза, которую я вспоминаю из всего, что слышал в то время. Бабель больше нас видел и разбирался в людях. Никогда не мыслил категориями и абстракциями – всегда живым человеком.

/.../

Трагична судьба того, который сейчас перед вами (показывает на портрет). Он был одним из самых преданных революции писателей и верил в прогресс. Верил, что все пойдет к лучшему.

Его убили...

Помню, в начале тридцать восьмого пришел ко мне мрачный. Сел, осмотрелся...

– Пойдем в другую комнату. – Боялся разговаривать при телефоне... – Я расскажу вам сейчас самое страшное.

И рассказал, что его повели на фабрику, где книги превращаются снова в бумагу, – рассказал с необычайной силой и выразительностью, как сидят здоровые девки и вырывают бумагу из переплетов.

– Страшно!

Я был подавлен, а он сказал:

– Может быть, только начало...

То была одна из его тем. Об очкастых. О тех, кто читает книги. О тех, кто думает. О тех, у кого есть мнение... И рассказал о девушках, как их увидел Довженко, – как о стихии, поднявшейся с земли...

/.../

Что значит реабилитация? Не те, скажем, глупости, что написаны в папке его дела, которым удивлялся прокурор и которые действительно глупости... Мы – живые – перед Бабелем и читателем обязаны. Разве не удивительно, что страна языка, на котором он писал, – эта страна издает его в десять раз меньше, чем социалистические страны и Запад. Ведь это страшно.

Я вчера получил письмо от Ивашкевича. Он написал много хорошего о Бабеле. Сообщил, что в Польше дважды напечатан перевод книги, изданной в Москве, а недавно маленький двадцатитысячный тираж разошелся в течение дня.

У нас в 1957 году издали – и крышка, ничего нельзя поделывать. Разве не страшно, что мы просили устроить вечер в Политехническом, а нам ответили:

– Нет, только в Доме литераторов.

И стояли люди на улице, не могли попасть сюда.

/.../

Если бы был жив, если бы был бездарен, то уже десять раз собрание сочинений переиздали бы. (Продолжительные аплодисменты).

Не думайте, что кричу впустую! Хочу, чтобы наконец мы, писатели вмешались, чтобы заявили, что нужно переиздать Бабеля, чтобы добились устройства вечеров. Почему поляки, чехи устраивают вечера, а у нас, не будь Журавлева, которому я глубоко признателен, не знали бы и имени Бабеля.

/.../

Я хотел раньше привести отзывы многих зарубежных писателей, – и то, что прислали сейчас, и то, что помню по памяти. Я помню, как в мадридской гостинице Хемингуэй, который впервые тогда прочитал Бабеля, сказал:

– Никогда не думал, что арифметика важна для понимания литературы. Меня ругали, что я слишком кратко пишу. А я нашел рассказ Бабеля еще более сжатый. Значит, можно еще крепче сжать творог, чтобы ушла вся вода.

/.../

Не знаю страны и больших писателей, которые бы не чувствовали силу бабелевской искренности, человечности и которые бы его не любили. Такими могут быть только злые враги.

И вот семьдесят лет. Мы как бы на празднике. Я согласен встать и служить, как пес, перед всеми организациями, сколько скажут, для того, чтобы вымолить переиздание книг, которые стали редкостью теперь, когда препятствий нет.

Я хотел бы, чтобы все писатели помогли в осуществлении одного – чтобы Бабеля смог прочитать наш народ. Мало бумаги одну книжку издать?.. Это не будет собрание сочинений, да еще длиннейшее. Должна найтись бумага! (Аплодисменты.)

5. *Ái èòðé Í ééíéääé: Éóðáééá - ÷òáó, í áðíáí úé àðòéñò ÑÑÑÑ*

6. *«B ññáñí ññòàòü è ñéóéèü, éàé íáñ/.../ ÷òíáú áñí íéèü/.../». Ááçéí ì áíòàðéáá*

7. *«/.../è áúéà ó éàéáíá ññý æéçú è ññý íðááá». Áíò ýòíá (÷òí ó éàéáíá - ññý íðááá) ññòðéáý áéáñü, áàçáííçúíý, íá íðéçí ááéá*

ПОСТ 17 ТАМУЗА

Èëáí à Áððè

17 òàì áà á yòíì ãáó àíí ááááò í à ò è ò è ÿ.

Ýòí ááí úí ïòà ó ááááá í áéüý í è áíðü í è í è òü

17 тамуза еврейский народ перенес много бед:

1. Моше уронил и разбил первые скрижали у горы Синай.
2. Из-за осады Иерусалима Навуходоносором в первом Храме прекратились жертвоприношения.
3. Был сожжен свиток Торы.
4. Антиох-Епифан установил идола во втором Храме.

Â Î Ê Ð Ó Ä Å Í È Ë Ä Å

Три недели между постами 17 тамуза и 9 ава называются «бейн а-мцорим», что значит – «в окружении бед».

Это траурные дни, когда мы скорбим о разрушении Храма. Не устраиваем свадеб, не говорим благословения на новые плоды или одежду, не стрижемся и не бреемся.

А начиная с 1 ава, траур становится еще строже: не стираем и не гладим, моемся по частям, не горячей водой. Не покупаем и не надеваем новую одежду. Не едим мяса и не пьем вина с 1-го по 9 ава.

Ì Ì ÑÒ 9 ÀÀÀ

Ñ àá: àðà 26-ã ì ì àá: àð 27 èpèy.

Накануне поста совершаем «сеуду мафсекес» – заключительную трапезу, состоящую из одного вареного блюда. Можно съесть сырые овощи и творог. Садимся на землю, едим яйцо, посыпанное пеплом в знак разрушения Храма. Кожаную обувь меняем на кеды, тапочки и т.п. 9 ава не умываемся, не пользуемся мылом и прочей парфюмерией. 9 ава такой день, когда не приветствуют друг друга. Если с вами все-таки поздоровались, можно лишь кивнуть в ответ. Изучение Торы тоже отменяется, так как оно веселит сердце. Что делать? Читать о страданиях Иова.

ДЕВЯТОГО АВА произошли трагические события.

1. Вернулись разведчики, посланные Моше, и оговорили Израиль в глазах евреев. Те заплакали и отказались входить в Землю обетованную.
2. Были разрушены первый и второй Храмы.

ÐÀÇÀÁÁ×ÈÈÈ

Подошел к концу невероятно долгий путь из Египта. Великое множество людей раскинули стан и расположились на отдых у восточной границы Ханаана. Так назывался Эрец Исроэл. Лагерь уже успела облететь радостная весть: они вот-вот войдут в «землю, текущую молоком и медом».

Моисей сидел возле своего шатра. Внезапно послышались крики, пыль тучей за клубилась над дорогой. Спустя несколько минут вождя окружила возбужденная толпа. Стоял невообразимый шум. Потом, наконец, все стихло. Из толпы вытолкнули вихрастого парнишку. Он проговорил волнуясь: «Моше, пошли разведчиков! Пусть они осмотрят страну, в которой нам предстоит жить!»

– Я и пальцем не пошевелю, не посоветавшись с Творцом. Если Он согласится на вашу просьбу, тогда другое дело, – сказал Моше и удалился.

– Посылать ли разведчиков? – спросил Моисей Б-га.

– Если считаешь нужным, – пошли разведчиков от себя, я от этого устраниюсь, – был ответ.

Вернувшись, Моисей объявил: «Я получил согласие. Можете выбрать от каждого колена по одному человеку. Потом пусть все они придут ко мне».

Образовалась группа из двенадцати человек. От колена Иеуды выбрали Калева, сына Иефуны. В его имени скрывалась похвала: «Калев» на иврите – «как сердце». По возвращении из похода он и поведал народу то, что лежало на сердце, – вознес хвалу земле Эрец Исроэл.

От колена Эфраима выбрали Иеошуа, сына Нуна. Свое имя он получил от Моше, и означало оно «Да спасет тебя Всемогущий». А Нун по-арамейски – «рыба». Иеошуа был безгрешен, как рыба, дозволенная нам в пищу... Среди разведчиков не оказалось никого только от колена Леви.

Моисей обратился к ним:

– Войдите в Ханаан с востока и пересечете его, двигаясь на запад, до самого моря, потом повернете на север, пройдете вдоль северной границы и возвращайтесь. Посмотрите – какова земля: тучна или тоща, хороши ли плоды, произрастающие на ней? Приглядитесь – каковы люди? Узнайте – окружены ли города крепостными стенами или нет? Выясните – жив ли праведник Иов. Если он умер, то мы легко одолеем жителей этой страны.

Маленький отряд отправился в путь. Местные жители не обращали на евреев никакого внимания. В этот день умер Иов, и люди занимались тем, что оплакивали его.

К полудню евреи подошли к предместью Хеврона и остановились на привал возле огромного куста. Он был весь усыпан алыми цветами и большущими плодами. Напившись студеной воды из ручья и наевшись сочных плодов, разведчики уселись в кружок и принялись обсуждать положение.

– Города у них укреплены, – сказал один, – значит, придется воевать. А сколько надо пролить пота, чтобы возделывать здешние поля и сады? Зачем это нам? Нам и так хорошо. В пустыне над нами стоят Облака Славы. Они создают превосходный климат: солнце не палит, песок ноги не жжет. И одежда к тому же не пачкается. Облака скрывают нас от врагов, как шапка-невидимка. Ковчег со скрижалями впереди дорогу ровняет и гадов всяких убивает. Как лагерем встанем, так из «Колодца Мирьям» сразу вода вокруг разливается. Оазис возникает: деревья, трава... Что еще человеку потребно?

– Вот именно, – поддакнул другой, – нам и так хорошо! Подумайте: теперь мы вожди, а когда весь народ войдет в Ханаан, предводителем нашим станет Иеошуа. Он возьмет себе других помощников, а нас сместит. Надо оговорить страну, чтобы все евреи отказались в нее входить! Давайте унесем с собой самые большие плоды, чтоб слова наши показались правдивыми.

Калев и Иеошуа пытались их переубедить, но толку не добились. Они вернулись все вместе, таща кто гранат, кто финики. Восемь человек несли на шесте гигантскую кисть винограда.

– Что такое? Все живы. Не может быть. Наверное, ошиблись.

Наступило новое утро. Снова все живы. И так до ПЯТНАДЦАТОГО АВА. Когда они убедились, что прощены, устроили грандиозный праздник.

Обосновались в Эрец Исроэл. Пятнадцатое Ава не было забыто. В этот день устраивались пиры. Девушки надевали самые нарядные свои платья и шли танцевать и петь в виноградники. Парни глядели на них и выбирали себе невест.

ІНІАА

Однажды римский император Нерон собрался в поход против евреев. Но сначала решил проверить, будет ли кампания удачной.пустил стрелу на запад. Она легла острием в сторону Иерусалима. На восток – то же самое. И на остальные стороны света. В общем, все стрелы легли острием в сторону Иерусалима. Нерон счел, что город будет взят, а народ покорен. Но захотел испытать свой жребий еще раз. Пошел на улицу и попросил первого попавшегося еврейского мальчишку:

– Прочти мне отрывок из святых текстов.

– И отдам мою месть Эдому* в руку народа моего, Израиля**.

Нерон понял, что римлянин разрушит Храм и будет за это наказан. Оставил Нерон войны и обратился в иудаизм.

Тогда о «еврейском восстании» доложили новому римскому императору. Он доверил осаду Иерусалима одному из лучших своих военачальников – Веспасиану.

В трудное для евреев время трое именитых людей решили помочь родному городу и объявили, что обеспечат жителей Иерусалима пшеницей, ячменем, вином, солью, маслом, а также дровами. Всего этого могло хватить осажденным жителям на долгие годы!

Но все оказалось не так просто. Большинство иудеев готово было последовать совету мудрецов и пойти на мировую с римлянами. Однако в городе жили также сиккарии, по-нашему – разбойники. Они отбирали у крестьян землю под угрозой смерти. Несчастные молили: оставь жизнь и «си кара» – возьми землю.

Сиккарии себя считали патриотами и хотели вынудить народ дать бой Веспасиану. Для этого они сожгли склады с продовольствием и захватили власть в городе. Начался голод.

Три года войско Веспасиана осаждало Иерусалим. Люди вымирали целыми кварталами. Сиккарии выпускали из ворот только похоронные процессии.

Жил в Иерусалиме известный мудрец рабби Йоханан бен Закай. Вызвал он племянника Абу Сикру, «отца» сиккариев, для серьезного разговора.

– Чего вы ждете? Хотите, чтобы город вымер целиком? Предложи своим пойти на переговоры, – сказал рабби Йоханан.

– Если я сунусь с этим к моим головорезам, мне самому не сносить головы, – ответил Аба Сикра.

– Хорошо, тогда найди для меня способ выбраться из города, – сказал рабби Йоханан.

Аба Сикра предложил дяде пустить слух через учеников, что рабби Йоханан слег, а через некоторое время – что умер. Затем поместить на дно ящика тухлое мясо, поверх него уложить рабби.

– Только пусть несут тебя твои верные ученики. Чтоб никто ничего не заподозрил. Остальное беру на себя.

«Траурная» процессия добралась до ворот.

– Надо проверить тело, – проворчал один из стражников и поднял копье.

– Не трогай покойника, – сказал Аба Сикра, – зачем показывать римлянам, что сиккарии не полностью контролируют положение в городе?

Побег рабби Йоханана прошел успешно. В сопровождении учеников он благополучно достиг римского стана.

Рабби привели к палатке главнокомандующего. Веспасиан сидел на складном стуле. Рядом валялся позолоченный шлем. Алая шелковая туника мягкими складками облекала мощный торс полководца. Мускулистые волосатые руки опирались на воткнутый в землю меч. Он посмотрел на рабби с любопытством. Что привело сюда этого щуплого старикана?

Внезапно рабби вместо положенного приветствия дважды воскликнул: «Мир тебе, кесарь!» Веспасиан расхохотался, а затем сказал:

– Ты заслуживаешь смерти по двум причинам. Первая – называешь меня кесарем, зная, что я не кесарь. Тем самым ты смеешься надо мной и оскорбляешь императора. Вторая – если я кесарь, почему не пришел ко мне раньше?

– Во-первых, ты говоришь, что ты не кесарь, но это неправда: кесарь ты! Во-вторых, в святых книгах сказано, что «Леванон от могучего падет»*. Нет другого значения для «могучего» (адир) кроме как царь и нет иного значения для «Леванона» кроме как «Храм», – отвечал рабби Йоханан.

Тут снаружи послышался шум, раздались крики. Как из под земли, вырос перед главнокомандующим гонец из Рима. Прежний кесарь умер. Сенат решил назначить новым императором Веспасиана!

Очень довольный Веспасиан обратился к рабби Йоханану:

– Я возвращаюсь в Рим и пришлю вместо себя другого человека. А ты, пророк, проси у меня чего хочешь. Ты заслужил награду.

– Дай мне город Явне и его мудрецов; пощади потомков царя Давида, – ответил рабби Йоханан.

До конца дней он жалел, что не попросил сохранить Храм и снять осаду. Но, с другой стороны, потребуй он этого, мог вообще не получить ничего.

Девятого ава сын Веспасиана Тит взял город, осквернил и разрушил Храм, нагрузил корабли золотом, рабами и отправился в обратный путь.

Легенда рассказывает, что, когда началась буря, Тит крикнул:

– Ты, Б-г евреев, силен только на море, а вот попробуй-ка сразиться со мной на земле.

Буря тут же прекратилась. Все корабли благополучно добрались до суши. Тит ступил на пристань, где его встречали как триумфатора. И вдруг ему в нос вроде бы залетел комар. С тех пор начались у Тита страшные головные боли.

Как-то Тит проходил мимо кузницы, и «комар» затих. Он решил, что нашел выход, и велел привести к нему в спальню молотобойцев. Но это помогало недолго. Тит умер. Когда вскрыли его голову, в ней оказалось чудовище с железным клювом и когтями.

Исполнилось предсказание, данное императору Нерону и гласившее, что осмелившийся разрушить Храм будет наказан.

Небольшой городок Явне стал духовной столицей разгромленной Иудеи. Туда собирались все, кто хотел изучать Тору. Рабби Йоханан бен Закай воссоздал там новый Синедрион и возглавлял его до самой смерти. Благодаря этому мудрецу учение Моисея дошло до наших дней.

ÍÀÏÎËÁÏÍ È ÁÁÐÁË

Идет Наполеон мимо синагоги. Слышит плач и стоны. Заходит. Спрашивает:

– В чем дело?

Служка отвечает:

– Сегодня 9 ава, плачем о разрушенном Храме.

– Этот Храм тоже я развалил?

– Нет. То было 1800 лет назад. Остался только кусочек ограды.

– Народ, две тысячи лет скорбящий о своей потере, достоин того, чтобы его храм восстановили.

ÑÒÁÏÀ ÏËÀ×Á

Когда я первый раз прилетела в Израиль, друзья меня отвезли на Шабос в Иерусалим и поселили в старом городе. Вечером по узким улочкам они повели меня к Западной Стене. В России ее

называют «Стеной плача». Площадь перед Стеной, разделенная на женскую и мужскую половины, вся была заполнена народом. Какие-то хасиды, обнявшись и образовав большой круг, весело танцевали и пели.

Желтая луна выглянула из-за башни Давида и осветила Стену. Я прижалась к ее большим и теплым камням. В голове вспыхнула мысль: как мечтал мой прадед приехать в Эрец Исраэль и помолиться на этом месте... Повернув голову направо, я увидела, что несколько женщин в платках уходят с площади, пятась. Это было странно. Я остановила одну из них и выяснила, что поворачиваться спиной к Стене нельзя.

Именно этот кусок стены был построен царем Давидом. Как раз этот фрагмент стены пощадил Тит, когда сравнивал Иерусалим с землей. Теперь на площади перед Стеной молятся евреи. Конечно те, что умеют. А те, кто не умеет, – пишут записки с просьбами и вкладывают их в щели между древними камнями.

КНЯЗЬ ИЗ КУСИ

Маркус Леман

Продолжение. Начало в № 5, 6 за 2004 год

XII

Фатима честно пыталась исполнить просьбу отца – изгнать из сердца страстную любовь к рабу из Франции и желание соединиться с ним навсегда. Сначала ей казалось, что у нее получается: ведь рабби Шимшону не разрешалось покидать ту часть поместья, куда его сослали и которая была расположена далеко от дворца, а дочь эмира никогда там не бывала. Были приняты различные меры предосторожности: ничто не должно было напоминать бедняжке о том, кого ей следовало позабыть. Но скоро Фатима поняла, что усилия напрасны. Глубокая тоска все сильнее овладевала ею. Украшения и цветы, которые прежде так ее радовали, теперь были бессильны вызвать у нее даже улыбку. Она не плакала, не жаловалась, ни о чем не просила, переносила свою боль с молчаливой покорностью, но щеки ее ввалились, и она таяла прямо на глазах. Эмир, конечно, все это видел, и его сердце преисполнилось глубокой печали. Наконец, он решился сделать то, на что так долго не мог решиться. Для спасения жизни дочери он решил выдать ее замуж за еврея, даже если тот и дальше будет упорствовать и откажется принять ислам.

В один прекрасный день Саид вызвал рабби Шимшона во дворец. Все это время рабби Шимшон тоже ужасно страдал. Тяжелая, непривычная работа, а особенно жестокое обращение согнули его стан, но запавшие глаза на изможденном лице светились еще ярче.

– Еврей, – сурово сказал эмир, увидев перед собой сгорбленного, измученного раба, – преодолел ли ты свое упрямство?

– Господин, – ровным голосом отвечал Шимшон, – речь идет не об упрямстве. Разве это упрямство, если я отказываюсь изменить вере моих отцов, а вместо того с радостью переношу все страдания, на которые ты меня обрек?

– Конечно, упрямство. Ты ведь противишься моей воле. Я твой господин, и твой долг – повиноваться мне.

– Судьба человека подобна колесу: спица, которая сейчас наверху, в следующее мгновение оказывается внизу. Если бы ты, господин, попал в плен и тебя продали в рабство, а твой хозяин – христианин или иудей – потребовал бы от тебя, чтобы ты отрекся от своей веры и тоже стал христианином или иудеем, послушался бы ты его?

– Не будем спорить. Я просил свою дочь, чтобы она постаралась забыть тебя. Она, как послушный ребенок, пыталась выполнить мою волю, но я вижу – это выше ее сил. Глубокая тоска овладела ею. Она не жалуется, не плачет, чтобы не огорчать меня, но она страшно исхудала и едва держится на ногах. Всё радовавшее ее раньше, теперь стало ей безразлично. Я боюсь... Я боюсь, если так пойдет и дальше, Фатима станет добычей смерти.

Саид умолк. Сильный муж, храбрый воин, он закрыл лицо руками, чтоб не было видно слез, текущих у него по щекам.

– Господин, – сказал Шимшон, – я уже давно заметил: смерть свила себе гнездо в груди твоей достойной дочери. Ведь ее мать, наверное, умерла от чахотки, и дочь унаследовала предрасположенность к этой страшной болезни.

– Ты удивительно проникателен, Шимшон. Все именно так, как ты говоришь, и именно поэтому я всегда прежде всего старался ничем не огорчать бедного ребенка. Огорчение для нее – смертельный яд. И я готов совершить самое трудное для меня на свете. Я отдам ее тебе в жены, даже если ты будешь продолжать упорствовать и останешься иудеем.

Услышав эти слова, рабби Шимшон испугался.

– Господин, – дрожа, сказал он, – я и здесь не могу быть послушен твоей воле. Моя религия запрещает мне брать в жены девушку, которая не принадлежит, как и я, к тем, кто исповедует веру моих отцов.

– Ты что же, хочешь в своем упрямстве выполнить все, что предписывает твоя религия до последнего установления?! Я приношу величайшую жертву из всех, которые когда-либо приносил человек моего ранга, – я готов выдать за тебя, раба и иудея, свою дочь и не требую, чтобы ты перешел в веру Пророка. Ты же возражаешь, ссылаясь на положения своей религии, и не хочешь поступиться ни одной буквой!

– Господин, я согласен служить тебе так, как ты прикажешь. Моя жизнь в твоих руках, и если ты потребуешь, чтобы я отдал ее, служа тебе, я готов это сделать. Но от исполнения священных заповедей Б-жьих я не откажусь. Никто на свете не сможет заставить меня сделать это.

Эмир поднялся и принялся расхаживать по комнате. Потом раздвинул занавеси, отделявшие его покои от соседних, и прошел к Фатиме.

– Дочь моя, – сказал Саид, – Шимшон не хочет брать тебя в жены, потому что ты другой веры. Готова ли ты оставить свою веру и ради него сделаться иудейкой?

– Его Б-г – мой Б-г.

Лицо эмира потемнело.

– Дочь моя! – повторил он. – Ты согласна ради этого иудея отказаться от того, что для твоего отца – высшая истина и негасимый свет? Знай, если ты отречешься от веры в единого и истинного Пророка, то открыто я никогда не смогу дать своего согласия. Ты должна будешь тайком бежать со своим евреем и никогда уже не сможешь вернуться ко мне. Фатима, неужели отец для тебя так мало значит, и ты готова навсегда меня оставить? И даже когда я умру и попаду в рай, как Пророк обещал мусульманам, и там нам не придется свидеться: ты, отступница, будешь обречена на вечные муки в аду! – Стоило Саиду произнести последние слова, как дочь его, страшно побледнев, без чувств упала на землю.

Увидев у своих ног безжизненную Фатиму, Саид громко вскрикнул. Он дернул за шнур, привязанный к звонку, и в комнату поспешно вбежали слуги. Служанки привели девушку в чувство, однако она все равно была слишком слаба, и ее пришлось уложить на диван. Мрачнее тучи вернулся эмир к рабби Шимшону.

– Еврей, – сказал он, – ты убиваешь мое дитя.

– Я слышал, господин, о чем ты говорил с дочерью. Я не решился прервать тебя, но ты совершенно напрасно мучил Фатиму. Даже если бы она была еврейка, я все равно не мог бы жениться на ней: дома у меня уже есть жена.

Эмир с удивлением смотрел на него.

– Поистине твои отговорки не имеют конца! – сказал он. – Ты что, христианин, и тебе приходится довольствоваться одной женщиной? Разве у Авраама не было двух жен, у Иакова – трех, у Давида – шести, а у Соломона – семисот? Разве многие евреи в землях султана Саладина не имеют по нескольку жен?

– Да, господин, прежде всем евреям было позволено брать в жены по нескольку женщин; в странах Востока это делают и по сей день. Но вот уже сто лет, как раввины Запада приняли решение объявлять вне закона каждого из живущих там евреев, если он отважится стать хотя бы двоеженцем.

– Твоему упрямству нет границ. Решение раввинов для тебя важнее жизни моей дочери. Но и эта отговорка ничего не значит. Ты можешь поступить так же, как граф Эрнст фон Гляйхен: граф бежал с дочерью иконийского султана, и папа римский позволил ему назвать ее «супругой», а ту, что осталась дома, – «женой».

– У евреев, мой господин, нет священников, которые могли бы нас от чего-то освободить или что-то нам разрешать.

– Но ведь ты можешь послать жене на родину разводное письмо.

Рабби Шимшон побледнел. Его хотят заставить расстаться с любимой женой, со славной, верной, доброй Диной, бесценной спутницей юности, матерью его детей!..

– Господин, – помолчав немного, сказал он, – зачем ты терзаешь себя и меня? Разве ты позволишь твоей дочери бежать со мной?

– Тогда перестань упрямиться и прими ислам.

– О господин, не требуй от меня невозможного.

– Ступай, но помни: если Фатима умрет, ты мне заплатишь за это.

Рабби Шимшон снова вернулся туда, где с ним обращались чудовищным образом.

Саид весь отдался заботам о дочери. Фатима была очень больна, и спешно вызванный врач сказал, что состояние девушки внушает ему самые серьезные опасения. У нее начался сильный жар. Она бредила, вскрикивала, и было понятно, что сердце ее разрывается от боли и горя. Незадолго до смерти сознание ее прояснилось. Она попросила позвать к себе отца и сказала ему:

– Я причинила тебе боль. На пороге смерти я прошу, чтобы ты простил меня.

Склонившись над своей умирающей девочкой, Саид заплакал навзрыд.

– Отец, – сказала Фатима, – выполни еще одну мою просьбу перед тем, как мы навеки расстанемся.

– Проси чего хочешь, моя радость, и твое желание исполнится. Только одного не запрещай – отомстить за твою смерть тому, кто стал ее причиной.

– Именно об этом я и хотела просить тебя: откажись от мести. Будь великодушен, отец, прости его и отпусти. Подари ему свободу.

– Никогда! После того как он отнял у меня главную радость моей жизни? Ведь я теперь буду несчастен до конца дней, а он... Он станет радоваться!

– Тогда, по крайней мере, пообещай не убивать его.

– Глупое дитя, ведь это за тебя я буду мстить ему. Нет, он должен умереть!

Бедняжка услышала эти страшные слова, и лицо ее исказила судорога. Она начала надрывно, мучительно кашлять; кровь потоком хлынула изо рта. Эмир громко закричал. Прибежавший врач пытался хоть немного облегчить страдания умирающей.

Когда приступ прошел, Фатима приподнялась и нашла глазами отца. Тот стоял поодаль, опустив голову. Взгляды их встретились, и она еле слышно произнесла:

– Не убивай его, отец. Пообещай, что не убьешь.

И тут произошло невероятное. Жалость к дочери пересилила.

– Обещаю, – с трудом заставил себя произнести Саид.

Взгляд больной прояснился. Со словами: «Спасибо, отец» она тихо отошла в лучший мир.

Тело Фатимы предали земле со всеми возможными почестями. Скорбь эмира не знала границ, но больше всего мучило его то, что он связал себя обещанием не убивать рабби Шимшона. Ему казалось, что, задуши он убийцу дочери (так Саид называл рабби) собственными руками, его боль стала бы меньше. Но сделать это было нельзя, и он велел надсмотрщику обращаться с рабом-евреем как можно более жестоко и подвергать его любым изощренным истязаниям, однако, с тем условием, чтобы сохранить ему жизнь. Словом, теперь участь рабби Шимшона оказалась еще ужаснее, нежели участь страдальца Иова, – хотя бы потому, что последний, по крайней мере, не был жертвой человеческой злобы и произвола. Несмотря на это присутствие духа не покидало пленника. Его вера в заступничество и помощь Всемогущего была непоколебима. И в пору самых тяжелых испытаний он утешал себя мыслью, что в один прекрасный день вернется домой и снова увидит своих близких. Между тем, в мире готовились важные события, которым предстояло потрясти человечество. Речь о них пойдет в следующей главе.

XIII

Германский император, старый вояка Фридрих Барбаросса, собрал в Регенсбурге германских вальдбрудеров. Они вместе с ним подняли крест. Из этого города он собирался выступить в поход – величайший из всех крестовых походов, какие видел мир. Семнадцать князей церкви, герцоги, графы и бесчисленные рыцари, среди которых был и собственный сын императора герцог Фридрих Швабский, изъявили желание участвовать в сражениях. Сотни тысяч храбрых воинов заявили, что дело веры вдохновило их и они готовы завоевать Святую землю или принять мученический венец в битве с неверными. Несмотря на строжайший приказ императора поддерживать в рядах крестоносцев порядок и благонравие, распущенность, воровство и разгильдяйство были там совсем не редкостью. Византийский император Исаак и султан Иконии отправили послов в Регенсбург с сообщением о готовности предоставить германскому воинству безопасный проход через свои земли. Со всей торжественностью заключили и скрепили клятвами договоры. Но едва крестоносцы вступили на землю Византии, повсеместно учиняя разбой и грабежи, у них начались величайшие неприятности с греками, так как византийский император, со своей стороны, не чувствовал себя больше связанным договором. Писатели того времени воспользовались этим, и обвинили византийского императора в вероломстве и нарушении договора. Но тот, кто согласится смотреть на вещи беспристрастно, поймет, что крестоносцы сами виноваты во всех неприятностях, свалившихся на их головы. Ведь те же самые писатели признают, что «благочестивые пилигримы жестоко злоупотребили полученным от императора в нужде разрешением для мародерства». В землях Византийской империи и в землях, находившихся под властью султана, на долю войска паломников выпали жестокие, самими крестоносцами заслуженные страдания. Уже незадолго до того как желанная цель была достигнута, 6 июня 1190 года в водах реки Каликадн утонул их предводитель. Пав духом, многие после этого повернули домой. Остальные под командованием герцога Фридриха Швабского подошли к Антиохии, где тело императора было предано земле. Здесь сильно поредевшее воинство приняло решение дожидаться прихода английского и французского королей с их людьми.

Когда умер король Генрих Английский, душевно сломленный неудачной войной и вынужденным заключением унижительного мира с Францией, корону унаследовал его сын Ричард по прозвищу Львиное Сердце. Еще при жизни отца Ричард поднял крест. Воодушевление, с которым крестоносцы готовились отправиться в поход против мусульман, воодушевление, в основном, опиравшееся на желание грабить, убивать, мародерствовать и развратничать, прежде всего обратилось против миролюбивых и добродетельных, занимавшихся полезными ремеслами евреев (особенно в Англии). Их крестоносцы хотели истребить и их имущество забрать себе. В день коронации молодого короля, 3 сентября 1189 года, когда Ричард после церемонии в церкви вернулся во дворец, пришла еврейская делегация присягнуть новому королю и поднести положенные подарки. По наущению Балдуина, епископа Кентерберийского, евреям в аудиенции было отказано, и слуги короля выставили их вон. Для черни это был знак, что сам король благословляет ее на убийства и грабежи евреев. Начались страшная резня и разбой, люди поджигали дома, где жили евреи, убивали и сжигали живьем мужчин, женщин и детей. Лондонского раввина, рабейну Якова Орлеанского, так же, как и его учителя, известного под именем рабейну Там, друга и прежнего соученика рабби Шимшона из Куси, собирались заставить принять крещение. Он предпочел принести в жертву и во славу имени Б-жия собственную жизнь. Молодой король тщетно пытался положить конец отвратительной бойне. Это удалось ему только на следующий день. Тогда он велел предать суду всех грабителей и убийц, попавших в его руки. Он издал строгие законы, они должны были не допустить повторения подобного кошмара. Но когда король отправился во Францию, чтобы оттуда начать свой поход против неверных, вооружавшиеся для войны крестоносцы снова набросились на евреев. Самой ужасной смертью погибли тогда целые общины Израиля в Линне, Норвиче и Стэдфорде. Жуткая участь постигла евреев Йорка, где существовала весьма благополучная община. Когда послышались угрозы крестоносцев, йоркские евреи укрылись в королевском замке, где в течение шести дней выдерживали настоящую осаду, защищаясь с достойными удивления мужеством и упорством. Поняв, что недостаток продовольствия рано или поздно заставит их оказаться в руках врагов, несчастные решили лучше убить себя, чем погибнуть от рук необрезанных. Мужчины с радостью принесли в жертву своих женщин и детей, после чего убили друг друга. Последние оставшиеся в живых сожгли себя вместе со всем имуществом. Это случилось 17 марта 1190 года, в ночь на Великую субботу. Пятьсот мучеников умерли в Йорке смертью героев во славу имени Б-жия.

Король Ричард, узнав об этих жестокостях, впал в ярость и сурово наказывал разбойников и убийц, если только те не успевали спастись бегством от его карающей длани.

Между тем, короли Англии и Франции готовились к крестовому походу. Они тоже издали самые строгие распоряжения, которые должны были удержать в повиновении диких и разнузданных пилигримов, именовавших себя святыми воинами Христовыми. О том, насколько это удалось, можно судить по такому случаю. Шестьдесят три корабля английского флота прибило к берегам Португалии, где король Санчо принял паломников с распростертыми объятиями. Они же в благодарность за это предались в Лиссабоне самому дикому разврату. Они насиловали женщин и девушек, они выгнали евреев и сарацин, живших в городе под защитой короля, из их домов, а дома подожгли. Они разорили все виноградники в окрестностях Лиссабона.

И все-таки королю Ричарду, которого его солдаты боготворили за невиданные мужество и храбрость, удалось навести относительный порядок в рядах этих необузданных людей. Подобно льву, Ричард не отступал перед опасностью. Однажды в сопровождении только одного слуги проезжал он через деревню в Калабрии, и вот между ним и жителями вспыхнула ссора. Все население деревни, где никто раньше не видел короля, взяв в руки палки, набросилось на него, и он с единственным своим спутником выдерживал натиск десятков людей, пока не подоспела свита. Подобные доказательства неслыханной смелости снискали молодому королю всеобщую любовь, тем более, что он был справедлив и благожелателен по отношению ко всем, даже к самым простым людям.

Пока не миновали Сицилию, англичане

и французы двигались сообща. Но оба короля плохо выносили друг друга. Это дало многочисленные поводы к ссорам между войсками. Когда же Ричард разорвал помолвку со своей прежней невестой, сестрой повелителя Франции, и обручился с дочерью короля Наварры, между английским и французским королями исчезла всякая видимость дружбы и доверия. Получилось так, что войска разошлись, и отныне в одиночку старались достичь пределов Святой земли.

Французское воинство прибыло в гавань Акко 13 апреля 1191 года. Там оно соединилось с немецкой армией, осаждавшей город, носивший название Птолемаиды. У англичан дела шли не так гладко. Только после множества опасностей суждено им было добраться до Святой земли. Едва Ричарду стало известно, что правитель Кипра не выказал должного гостеприимства по отношению к матери и невесте английского короля (их корабль прибило к берегам острова), а также и ко всем другим англичанам, он приказал своим кораблям пристать к кипрскому берегу и, несмотря на огромное численное превосходство защитников острова, одержал над ними блестящую победу. За пятнадцать дней ему удалось подчинить своей власти весь остров, взять многочисленные укрепления и города, захватить неисчислимы сокровища, которыми он затем с истинно королевской щедростью оделил своих соратников. Покорение Кипра еще больше укрепило его славу; его превозносил весь Восток, щедро расточая похвалы храброму молодому королю с сердцем льва. Его великодушие и благородство не уступали его храбрости. Молва о Ричарде достигла даже того удаленного замка в Леванте, где рабби Шимшон влачил свое жалкое существование. И когда английское войско, в свою очередь, прибыло к стенам Птолемаиды и город почти сразу же оказался в руках христиан, никто не сомневался, что то была заслуга именно Ричарда Львиное Сердце.

Мусульмане пали духом, они решили, что их владычеству пришел конец. Только Саладин прежнему оставался тверд и неустрашим. Зато приближенные и военачальники султана потеряли почти всякую надежду на благополучный исход событий. И тогда эмир Саид отважился на отчаянный шаг с целью убрать с дороги опаснейшего врага ислама.

Вместе с двумя сыновьями эмир отправился в Птолемаиду и попросил аудиенции у Ричарда Львиное Сердце.

– Великий правитель, – сказал он английскому королю, – я и оба мои сына наслышаны о твоих богатырских подвигах, о твоей достойной восхищения доблести. Служить тебе – самое заветное наше желание. Очень скоро ты станешь хозяином этой земли, все вокруг будет брошено к твоим ногам. Именно теперь мы могли бы оказаться тебе весьма полезны: мы ведь превосходно знаем страну, знаем Саладина с его военными хитростями, знаем войско, знаем планы полководцев. Мы готовы всячески помогать тебе и в доказательство своей искренности изъявляем полную готовность перейти в твою веру.

Короля Ричарда неожиданное предложение очень обрадовало. Он осыпал эмира и его сыновей подарками. Епископу Сейлесберийскому было приказано еще до наступления вечера совершить над будущими христианами обряд крещения.

Король-победитель бесстрашно разъезжал по стране. Он не боялся приближаться почти вплотную к позициям Саладина. Саид вместе с сыновьями сопровождали его в этих поездках. Эмир объяснял Ричарду, как в случае возможного сражения выгоднее расположить войска, как сделать, чтобы крестоносцам удалось малой кровью завоевать побольше чужой земли.

Во время одной из таких поездок Саид сказал королю:

– Владыка, видишь вот тот холм? За ним находится мой замок. Твой слуга почел бы за счастье, если бы ты позволил ему принять у себя своего высокородного повелителя.

– Согласен, – ответил Ричард. – Я и моя свита с радостью воспользуемся твоим гостеприимством. Я голоден, меня томит жажда, хорошее угощение пришлось бы сейчас как нельзя более кстати. Езжай вперед, Саид, мы следуем за тобой.

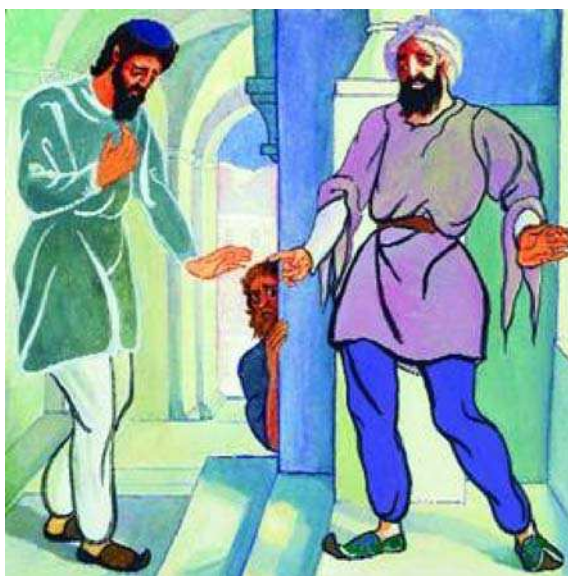
Эмир прищпорил коня. Спустя короткое время Ричард, сопровождаемый лишь десятком рыцарей и немногочисленными слугами, перешагнул порог дома человека, которого считал верным другом и который на деле был злейшим и непримиримейшим его врагом.

XIV

Что касается рабби Шимшона, то жизнь его день ото дня становилась все невыносимее. Сколько раз был он близок к тому, чтобы изнемочь под бременем ужасных страданий, на которые обрекли его гнев Саида и жестокость надсмотрщика. Однако вера рабби в Б-га не поколебалась ни на миг. Всякий раз именно она помогала ему устоять, выжить. «Б-г взирает на землю, – ободрял он себя словами Псалмопевца, – со святой высоты своей. С небес глядит Он на землю, чтобы услышать стоны узников, облегчить муки сынов смерти. Ах, исчезли, как дым, дни мои, сердце мое иссохло, словно трава, и от

стенаний моих кости мои прильнули к плоти. Я уподобился пеликану в пустыне, я стал, точно филин на развалинах. Но ты, Б-же, обращаешь слух к рыданиям одинокого страдальца, ты не оставишь без ответа моей горячей мольбы». Так несчастный пытался утешить себя, ища в молитве источник сил, мужества и терпения.

При осаде Птолемаиды в плен к мусульманам попал некий английский рыцарь, приближенный короля Ричарда. Пленник достался Саиду и стал рабом эмира. Его отправили в левантийский замок, и дворецкий эмира распорядился послать англичанина в тот же дальний конец поместья, где должен был выполнять непосильную, поистине каторжную работу и терпеть небывало жестокое обращение рабби Шимшон. Иудей и христианин, оба осужденные влачить тяжкое ярмо рабства, скоро подружились. Рыцарь Хэмфри из Олд-Касла (так звали нового раба Саида) с радостью признал в рабби Шимшоне подданного своего короля. Он рассказал ему обо всех событиях, происшедших за это время на английской и французской земле, – о смерти короля Генриха и восхождении на престол Ричарда, о воинском мужестве, о справедливости и благородстве молодого короля, о том, как тот сурово пресек преследования исповедующих единого Б-га, как наказал гонителей евреев. Рабби Шимшон плакал, слушая рассказ о страданиях своих братьев в Англии, а известие о гибели друга юности, лондонского раввина, наполнило его душу глубокой печалью. Молодой английский король, явивший доброту и справедливость к несчастным, презираемым и униженным иудеям, пробудил в его сердце искреннюю любовь и восхищение.

Вечером того дня, когда король Ричард поддался на уговоры посетить замок эмира Саида, надсмотрщик (это его удары так часто приходилось испытывать на своей спине рабби Шимшону) вернулся домой пьяным. Когда Хэмфри увидел его из окна, бредущего к дверям в сильном подпитии, качающегося, точно дерево под ветром, из стороны в сторону, он сказал своему другу:

– Послушай, Шимшон, сдается мне, пробил час нашего освобождения. Давай нападём на этого негодяя, вопреки запретам Корана явно выпившего слишком много вина, и убежим. До меня дошли слухи, что войско англичан взяло Птолемаиду и теперь находится где-то в глубине страны. Надеюсь, это так и есть. Тогда мы в два счета сумеем добраться до своих.

Пылкий рыцарь уже хотел от слов перейти к делу, как вдруг надсмотрщик испустил радостный вопль, вздев руки к небу, и что-то проорал на своем языке. Англичанин не понял ни единого слова, поскольку тот кричал по-арабски. Но у еврея, знавшего арабский язык, от ужаса кровь буквально застыла в жилах.

– Ради Б-га, – прошептал он рыцарю, – молчи и не двигайся. Он выкрикнул нечто такое, что испугало меня до смерти. Дай я поговорю с ним, надо попробовать выяснить, что произошло на самом деле. Не привиделось ли ему это спяну.

Надсмотрщик вошел к ним, еле держась на ногах.

– Поди сюда, ты, еврей вонючий! – заорал он, едва переступив порог. – Иди сюда, в мою комнату, сукин сын, с тобой, по крайней мере, разговаривать можно. Ты хотя бы понимаешь, что говорит верный ученик Магомета и можешь что-нибудь сказать в ответ на нашем прекрасном языке, а вот собаки-христиане только или воют, как шакалы, или кукарекают, как петухи. Сегодня у моего господина праздник. Сегодня всемогущий Б-г отдал в наши руки самого страшного и жестокого врага мусульман – английского султана, которого его люди называют Львиным Сердцем.

– Он пал в сражении? – спросил рабби Шимшон.

– Нет. Его взяли в плен. Заманили в ловушку. Мой господин, эмир Саид, да продлит Всемогущий его дни, сделал вид, что отрекается от учения Пророка и переходит вместе со своими сыновьями в стан неверных. Английский султан, может, и храбр, как лев, но умом глупее барана. Он сходу угодил в западню, которую приготовил для него мой хитроумный повелитель. Саид заманил его сюда, в этот замок. Еще до рассвета его закуют в цепи и доставят к султану Саладину.

– Как, король Ричард в замке?

– Видишь, вон там, в левом крыле, светится окно? Теперь он, наверное, ложится спать, воображая себя свободным человеком и английским султаном, а ведь на самом деле он уже пленник эмира! Да погубит Б-г точно так же и всех остальных врагов Аллаха! А теперь я пошел спать. Убирайся прочь, погань еврейская...

С этими словами он пнул рабби Шимшона ногой, рухнул на ложе и почти мгновенно захрапел.

На цыпочках выскользнул рабби Шимшон из его логова и пробрался к своему английскому другу.

– Рыцарь Хэмфри, – тихо сказал он, – надсмотрщик сообщил мне страшную новость. Король Ричард – пленник эмира Саида, его заманили в замок хитростью, и теперь он здесь и ни о чем не подозревает.

– Что? – изумленно вскричал Хэмфри. – Это невозможно!

– И все же это так. Не станем терять драгоценное время на разговоры, позже я расскажу вам все подробности. Сейчас дорога каждая минута! Быть может, Б-г пошлет нам небывалое счастье стать спасителями короля Ричарда и самим спастись вместе с ним. Послушайте, какой план созрел у меня. Надсмотрщик и рабы спят глубоким сном. Мы подкроемся к надсмотрщику, вы вытащите у него из-за пояса кинжал и одним ударом покончите с ним, но так, чтобы он не успел издать ни звука. Сумеете справиться с этим делом?

– Сумею.

– Потом мы возьмем ключи, отопрем нашу тюрьму, вырвемся отсюда и проникнем в замок. Там, проявив всю ловкость, на какую мы способны, преодолев все препятствия, все трудности, мы доберемся до спальни короля и предупредим его.

– Вы считаете, это реально?

– Нам остается надеяться на Б-га, на то, что Он не оставит нас Своим покровительством, и тогда мы выручим короля, попавшего в сети гнусного предательства. Я неплохо знаю замок и представляю себе, какие покои эмир обычно отводит для знатных гостей... Но поспешим, время действительно не ждет.

Они тихонько подкрались к ложу надсмотрщика. Громко храпя, тот спал тяжелым пьяным сном. По своей всегдашней привычке надсмотрщик сжимал в руке остро наточенный кинжал, обнаженное лезвие поблескивало в лунном свете. Рыцарь протянул руку и быстрым движением вырвал у спящего оружие, да так быстро, что изверг даже не проснулся. Еще секунда – и Хэмфри бестрепетно вонзил кинжал ему прямо в сердце, из горла убитого не вырвалось ни единого звука. Они забрали у мертвого надсмотрщика ключи, торопливо покинули дом и бегом бросились ко дворцу. Однако, добравшись до ворот, Хэмфри и рабби Шимшон обнаружили, что те наглухо заперты.

– Единственное, что можно сделать, – проговорил рабби Шимшон, – это написать на куске пергамента предупреждение об опасности. Мы завернем в него камень, а камень бросим в окно королевской опочивальни.

– Но, во-первых, – возразил рыцарь, – я не большой мастак писать, а во-вторых, где мы возьмем пергамент и чернила?

– У меня с собой табличка и палочка для письма; при свете луны я смогу написать все, что надо. Только бы вы сумели метким броском отправить камень в комнату короля.

– Я не промахнусь, будьте спокойны. Вытаскивайте свою табличку, пишите, а потом покажите мне, за каким окном почивает Его величество.

Рабби достал из складок одежды навощенную табличку и начертал на ней по-французски железной палочкой:

«Ричард, великий король! Ты в страшной опасности! Эмир Саид только для того перешел в христианскую веру, чтобы заманить тебя в свой замок. Еще до наступления утра тебя свяжут и доставят к Саладину. Двое верных тебе людей, два раба, живущие в поместье, предупреждают тебя и просят: будь начеку!»

После этого рыцарь Хэмфри взял табличку, обернул ею камень, завязал и бросил сверток, целясь в окно, которое указал ему рабби Шимшон.

Ричард Львиное Сердце только что отошел ко сну. На полу возле его кровати спокойно спал Эдмонд, верный телохранитель и оруженосец. Внезапно в комнате раздался звон разбитого стекла, и прямо на грудь оруженосцу что-то упало. Тот, испуганный, мигом вскочил на ноги. Король тоже проснулся.

– В чем дело, Эдмонд?

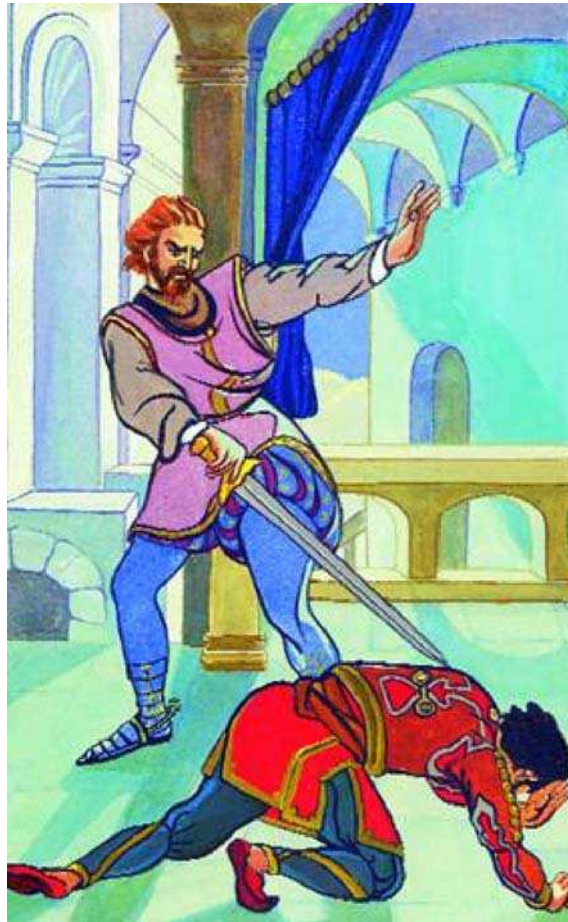
Но Эдмонд уже отвязывал от камня табличку. Потом вслух прочел записку.

Лишь только до Ричарда дошел смысл слов, нацарапанных железом по воску, как он тут же поспешил к разбитому окну, распахнул ставни и в свете луны увидел обоих мужчин. Те глядели вверх, и каждый прикладывал палец к губам. Это был знак королю, что следует хранить молчание. Ричард все понял и велел оруженосцу будить спавшую в соседней комнате свиту. Потом приказал всем как можно быстрее надеть доспехи и разобрать мечи. Сам король тоже без промедления оделся и спустя несколько минут уже стоял в шлеме и латах, держа в правой руке широкий меч. Верные слуги, окружив его, ждали приказаний.

Понизив голос, Ричард передал им содержание записки, тайно брошенной в окно. Англичане стали держать совет, решая, как вернее избежать плена. Одни полагали, что следует забаррикадироваться и ждать. Другие ратовали за то, чтобы силой проложить себе дорогу и вырваться из замка. Оба варианта были опасны, каждый по-своему. Разумно ли засесть в комнате и ждать нападения? А если врагов будет слишком много? Однако выбравшись за пределы дворца и не зная здешних дорог, рано или поздно легко попасть в руки эмира...

Воины еще совещались, когда внезапно распахнулась дверь и в спальню вошел вооруженный до зубов эмир, сопровождаемый сыновьями и слугами. Саид полагал, что справиться со спящими вряд ли будет слишком сложно. Но едва его глазам предстал облаченный в доспехи король, вокруг которого столпились рыцари, как он тут же в испуге попятился к дверям. Король же, подняв свой могучий меч, бросился на эмира с криком:

– Получи свою награду, предатель!

Меч с силой обрушился на голову вероломного хозяина дворца и снес ее с плеч. Началось побоище. Ричард и его рыцари явили чудеса храбрости. От руки короля с сердцем льва уже пали сыновья эмира, но рыцари отправляли к праотцам все новых и новых приверженцев Магомета. Однако и англичане несли тяжелые потери. Некоторые были убиты, многие истекали кровью от бесчисленных ран. Дело вполне могло кончиться поражением, и англичане уступили бы противнику, сильно превосходившему их числом, но тут нападавшим неожиданно нанесли удар в спину. А случилось вот что. Когда до рабби Шимшона и рыцаря Хэмфри донесся шум битвы, они тотчас кинулись назад, к воротам, и трясли их до тех пор, пока петли не ослабели и ворота не поддались. Затем оба смельчака проникли в помещение, где эмир хранил оружие; расположение его рабби Шимшону было прекрасно известно. Взяв себе по мечу, они пришли на помощь землякам и королю. Мусульмане, увидев, что их атакуют с двух сторон, дрогнули и обратились в бегство. Но спастись удалось лишь немногим сынам Аллаха. Большинство пало от руки рыцаря Хэмфри, пытаясь проскочить мимо него. Один из уцелевших бросился в сад, чтобы позвать на помощь рабов эмира вместе с надсмотрщиком. Но надсмотрщик был мертв, а рабы предпочли воспользоваться случаем и сбежать.

Когда наступило утро, Ричард и его люди уже были хозяевами замка.

Ī ādāā nī āi āwēā Ī ādēē āēōēāāēē.

Ī ēīī :āīēā nēāāōō.

«БАЗАР ЗА РЫНОК»

Марьян Беленький

Перевод с иврита автора

Иерусалимский базар Махане Иеуда!.. Любите ли вы его так, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем иступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить базара больше всего на свете, кроме блага и истины?.. Какое из всех искусств владеет такими могущественными средствами поражать душу впечатлениями и играть ею самовластно...

На базаре тысячи глаз устремлены на один предмет, тысячи сердец бьются одним чувством, тысячи грудей задыхаются от одного упоения. Тысячи Я сливаются в одно целое Я в гармоническом сознании беспредельного блаженства... О ступайте, ступайте на базар, живите и умрите в нем, если можете!..

Лишь ничего не понимающие в жизни люди предпочитают мертвую стерильную тишину суперов. Но те, кто знает и любит жизнь, разумеется, идут на рынок. И вовсе не обязательно, чтобы что-то купить. Ведь рынок Махане Иеуда в Иерусалиме – это клуб, университет, театр. Здесь можно встретить знакомых, обменяться новостями, сыграть в игры разной степени азартности, окунуться в поток жизни во всех ее проявлениях. Сотни продавцов особым гортанным голосом пытаются привлечь внимание к своему товару. Чтобы обрести такой голос, нужно годами заниматься у педагога по вокалу. Иначе ведь вы не сможете кричать непрерывно с 7 утра до 8 вечера. Причем, у каждого продавца своя, зарегистрированная в комитете по авторским правам мелодия и слова на каждый вид товара.

Я рад, я рад, – орет продавец, пританцовывая за прилавком. Чему же он так рад? Тому, что цены снизились. Ведь на иврите ярад – опустился, снизился (не в смысле «как мы опустились», а в смысле цены). Здесь все самое свежее, все привезено сегодня утром. По каждому из прилавков можно слагать отдельную поэму. Эпос о сыре. Эссе о колбасе. Стансы о шашлыке. Эпопея о рыбе. Еще сегодня утром она весело ныряла, строила далеко идущие планы, жизнь казалась ей прекрасной и удивительной, а океан – бесконечным... И тут вдруг какая-то жуткая сеть, и ты судорожно пытаешься выбраться из нее, и задыхаешься в жутком безводном пространстве, и тесный душливый концлагерь бассейна, и последний удар по голове деревянным молотком... В этот момент остается надеяться лишь на то, что душа твоя воплотится в прекрасной Золотой рыбке, переливающейся всеми красками радуги.

Здесь – карпы из кибуцных прудов, лосось норвежский и канадский (русского нет почему-то), форель из ручьев Галилеи, ну а о морской рыбе и говорить нечего – веретенообразная аспирина, бакала, вардит, гитаран – морской скат, гамамит, дусмар дионон, дакар александри, рыба-дракон, морской черт ицтаггон – не устали еще? – кефаль, лаврак пятнистый, макрель, красная мулит (хороша с розмарином), мусар королевский, – наберитесь терпения – муриган, мурена ядовитая (кто из нас в определенный период жизни не брызжет ядом?)... это ж мы еще половину алфавита не прошли... И все это ежедневно плавает, ловится, продается и поедается народом Израиля. А в море его от этого не убавляется...

Большой упитанный карп стоит 10 шек. кило, а минимальная зарплата в стране – 18 шек. в час. Из чего понятно, что нищенство в нашей стране – это профессия, а не образ жизни. При таких ценах не то что с голоду умереть – проголодаться не получится. Впрочем, благотворительные столовые (на иврите – 'езовь – тамхуй, хотя еда там вполне приличная) в Иерусалиме на каждом шагу, а еда там такая же, как и в ресторанчике напротив за 59 шек.

Ни в чем так не проявляется разница в ментальности между советским и израильским народом, как в приготовлении рыбы.

Почти любую рыбу в ресторанах и домах Израиля готовят одинаково – суют ее в гриль целиком, не чистя, сделав пару диагональных разрезов для сохранения формы. Шкурка и внутренности вынимаются уже едоками. Заметьте, что рыбу, приготовленную таким образом, одному есть нельзя – нужна компания.

В России исторически сложился принципиально иной способ жарки рыбы – разрезать на порционные куски, панировать яйцом, мукой, кляром, и жарить на растительном. Мороженое филе другим способом и не пригостишь, разве что любую рыбу можно до приготовления немного замариновать кислой средой – годится уксус, лимонный сок, соевый соус, сухое вино, причем можно брать для маринада самое дешевое. Травки в маринад добавляются в меру умственного развития рыбы и хозяина.

Рыба ищет где глубже, а человек – где дешевле. Морская рыба в Израиле довольно дорогая – в 4 раза дороже курицы. На базаре рыба свежая – на льду, в лавках и суперках – замороженная, причем на базаре еще и дешевле. Но главное – это, разумеется, божественная Сельдь Матиас. Каждый раз, когда я вкушаю этот дар Б-жий, мне приходит мысль о величии Г-спода. Ведь каждому понятно, что это чудо природы никак не могло быть создано случайным сочетанием молекул: для создания такого чуда нужна целенаправленная воля Высшей силы. Стоит попробовать лишь маленький кусочек, и вам сразу станет ясно – человек – это лишь промежуточный этап для создания Венца Творения в пряном маринаде.

Я бы на месте Сохнута закупал матиас тоннами и отправлял в Россию, тогда у тамошних евреев исчезли бы всякие сомнения – надо ли ехать? Государство, где делают такую селедку, победит любых врагов и решит любые проблемы!

Да разве только рыба! 12 лет я прихожу на рынок отдохнуть и развеяться, порой дважды в день, и каждый раз вижу какие-то новые, вчера выведенные сорта овощей и фруктов. Названий этих штук нет ни в одном словаре, что с ними делать, никто не знает, тем не менее, по-видимому, кто-то все это покупает и , надо думать, поедает.

Владельцы овощных лавок к вечеру опустошают весь наличный запас нераспроданного товара в ближайший мусорник – завтра новый товар привезут. Sapienti, как говорится, sat, благодаря чему я имею возможность регулярно знакомиться с новейшими достижениями израильских мичуринцев.

Вот, скажем, пицца миллионеров – свекольная ботва, упакованная в красивую коробку с длинной таблицей содержащихся в этом на диво полезном и, по-видимому, съедобном продукте витаминов и минералов и подробной инструкцией, как варить из этого a borshtsh и a shtshee. В отдельных коробочках живописно выложены лебеда, крапива, листья одуванчиков. Тоже с таблицами и инструкциями. Эти продукты, кстати, дороже говядины, но стоит отойти пару шагов – все это растет здесь же, на обочине... Но мы, что ли, ботву жрать сюда приехали? Нет уж, пойду лучше в русский магазин, возьму кусок сала, капусты квашеной и бутылку «Горілки з перцем» киевского разлива, тямну с кем-нибудь по интернету он лайн за процветание родины любимой.

Здесь же, на рынке, можно получить наглядный урок рыночной экономики. Вот мясной ряд, в нем пакет сосисок – 16 шт. стоит 10 шекелей, а рядом – киоск с горячими сосисками, где одну точно такую же сосиску продают за 6 шекелей. Разница в 10 раз!

Поддон яиц 30 шт. стоит 12 шекелей, а рядом в кафе яичница из двух яиц стоит 7 шек. Разница в 9 раз! Не знаю, какой вывод из этого сделал бы лауреат Нобелевской премии по экономике Мильтон Фридман, но свой вывод из всего я сделал уже давно. Какой? Не скажу – обидитесь.

Обман покупателей на рынке не в ходу. Вот буквально сегодня продавец вернул мне сотню, которая случайно попала внутрь сложенной 20-шекелевой купюры. А когда я, задумавшись над очередной нетленкой, забываю сдачу, мальчик от продавца гонится за мной до автобусной остановки, а то и до Рамота добегают (полчаса на автобусе). Кстати, мальчику этому в такое время вообще-то надо быть в школе, но разве рынок – это не школа жизни?

Странное дело – на рынке всё дешевле, чем в любом магазине, а я за 12 лет ни разу нигде не видел рекламы рынка. Впрочем, реклама рынка – это то же самое, что реклама типа «Дышите воздухом!», «Пользуйтесь деньгами!» или «Питайтесь едой!» А на самом рынке рекламы полно. Не могу отказать себе в удовольствии привести одну из них:

«В государстве, где каждый норовит объегорить ближнего прямо у него на глазах, рекомендуется есть морковь».

Любителям шары и халявы (оба слова – ивритского происхождения: www.berkovich-zametki.com/Nomer24/Belenky1.htm) на рынке – раздолье. Пройдешь по рядам, пробуя маслины разных сортов, фрукты, овощи, пирожки, печенье – уже вроде как пообедал.

Бомжи и нищие берут товар с прилавков открыто, хозяева им ничего не говорят, видимо, обычай такой. А во время демонстраций матчей всемирного чемпионата по футболу (у каждого прилавка, разумеется, телевизор с подведенным кабелем) товар с прилавков можно было уносить мешками.

На рынке есть свои сумасшедшие, воры, пророки, свой язык и фольклор, свои, приписанные к базару кошки.

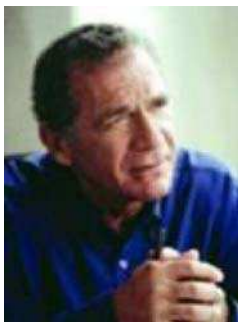
Постоянным покупателям продавец на рынке заменяет психотерапевта. Если продавец вас знает (то есть запомнил после двух – трех посещений) он будет считать вас своим – будет предлагать лучший товар, давать скидки, а случись, что нет денег – отпустит в долг. Записать? Ну что вы? Мы же свои люди! Принесете, когда будет.

Вы уже взвесили, расплатились, а тут хозяин сует вам в мешок еще парочку отборных фруктов. Чтоб запомнили его, в следующий раз пришли к нему, а не к соседу. Каждый продавец, даже если вы купили у него один лимон, пожелает вам хорошего дня, в пятницу – хорошей субботы, а в воскресенье – хорошей недели.

Мне остается лишь присоединиться к этим пожеланиям.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИЮЛЯ

1 ИЮЛЯ

70 *éàò ìí áíý ðáæääíéý* режиссера, поставившего фильмы «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», «Такими мы были», «Три дня Кондора», «Без злого умысла», «Тутси» и др., **Сидни Поллака** (Pollack; р. 1934, Саут-Бенд, США).

2 ИЮЛЯ

85 *éàò ìí áíý ðáæääíéý* биохимика, иностранного члена РАН, АН США, профессора Гарвардского университета, автора трудов по исследованию протеолитических ферментов и белков в мембранах эритроцитов **Элкана Блоута** (Blout; р. 1919, Нью-Йорк).

4 ИЮЛЯ

115 *éàò ìí áíý ðáæääíéý* оператора, снявшего фильмы «Ярость», «Большой вальс» (премия «Оскар» за лучшую операторскую работу 1939 года), «Филадельфийская история», «Мост Ватерлоо», «Доктор Джекиль и мистер Хайд», «Миссис Минивер» (премия «Оскар» за лучшую операторскую работу 1943 года), «Газовый свет», «Энрико Карузо», «Кто-то там наверху любит меня» (премия «Оскар» за лучшую операторскую работу 1957 года), «Жижи» (премия «Оскар» за лучшую операторскую работу 1958 года), «Автострада» и др., **Джозефа Руттенберга** (Ruttenberg; 1889, Петербург – 1983, Лос-Анджелес).

5 ИЮЛЯ

45 ёаò ìí äíŷ ìí äòòè ученого в области горного дела, члена-корреспондента АН СССР, изобретшего турбобур, автора трудов по крекингу нефти, повышению нефтеотдачи пластов **Матвея Алкуновича Капелюшникова** (1886, Аббас-Туман Кутаисской губ. – 1959, Москва).

7 ИЮЛЯ

75 ёаò ìí äíŷ ðíæääíèŷ физика-теоретика, академика РАН, автора трудов по теории элементарных частиц (слабые взаимодействия, составные модели и др.) **Льва Борисовича Окуня** (р. 1929, Сухиничи Калужской области).

8 ИЮЛЯ

180 ёаò ìí äíŷ ðíæääíèŷ предпринимателя, основателя и владельца ведущей чаеоторговой фирмы России, одного из крупнейших благотворителей своего времени **Клонимоса-Вольфа Высоцкого** (1824, Старые Жагоры Ковенской губ. – 1904, Москва).

13 ИЮЛЯ

75 ёаò ìí äíŷ ðíæääíèŷ физика-теоретика, академика РАН, профессора МФТИ, автора трудов по физике элементарных частиц, установившего (совм. с Я.Б. Зельдовичем) закон сохранения векторного тока в слабых взаимодействиях, верхний предел массы мюонного

нейтрино, развившего теорию мезомолекулярных явлений, **Семена Соломоновича Герштейна** (р. 1929, Харбин).

14 ИЮЛЯ

105 ёаò ìì äíÿ ðíæääíéÿ физика, члена АН США, профессора университетов в Нью-Йорке, Висконсине, Йеле и Буффало, автора трудов по ядерной физике, квантовой теории, ускорителям и физике элементарных частиц, рассчитавшего (совм. с Ю. Вигнером) сечение взаимодействия частиц в случае изолированного резонанса, предложившего (совм. с Э. Кондоном) теорию рассеяния протонов на протонах, предложившего (совм. с И. Раби) метод измерения магнитных моментов ядер, объяснившего аномальный магнитный момент электрона, **Грегори Брейта** (Breit; 1899, Николаев – 1981, Сейлем, США).

15 ИЮЛЯ

70 ёаò ìì äíÿ ðíæääíéÿ живописца, одного из лидеров московских художников-«нонконформистов», автора масштабных гротескно-сюрреалистических полотен, отличающихся интенсивным как бы светящимся колоритом, – «Групповой портрет с медалью», «Автопортрет с Рембрандтом в день рождения 15 июля» и др. **Олега Николаевича Целкова** (р. 1934, Москва).

16 ИЮЛЯ

120 ёаò ìì äíÿ ðíæääíéÿ ботаника и географа, руководившего геоботанической инвентаризацией кормовых угодий СССР, разработчика количественных методов в геоботанике, одного из основоположников учения о морфологии географического ландшафта **Леонтия Григорьевича Раменского** (1884, Петербург – 1953, Москва).

17 ИЮЛЯ

45 èàò ì àÿ ì àðè предпринимателя, владельца издательского концерна «Вашингтон пост» Юджина Айзека Мейера (Meyer; 1875, Лос-Анджелес – 1959, Вашингтон).

20 ИЮЛЯ

195 èàò ì àÿ ðæääéÿ анатома, описавшего петли почечных канальцев (петли Генле), трубчатые железы в конъюнктиве век (железы Генле), железы в слизистой оболочке бронхов, строение сосудистых стенок, семенных канальцев, надпочечников, волосяных мешочков и др., составителя фундаментальных руководств по общей анатомии и анатомии почек Фридриха Густава Якоба Генле (Henle; 1809, Фюрт, Бавария – 1885, Геттинген).

165 èàò ì àÿ ðæääéÿ патолога, выдвинувшего т. н. зародышевую теорию происхождения опухолей, автора трудов по патогенезу туберкулеза, эмболий, инфаркта и воспалительного процесса Юлиуса Фридриха Конгейма (Cohnheim; 1839, Деммин, Померания – 1884, Лейпциг).

22 ИЮЛЯ

70 èàò ì àÿ ðæääéÿ гребца на байдарках и каноэ, обладателя двух золотых олимпийских медалей 1956 года Леона Роттмана (Rottman; р. 1934, Бухарест).

25 ИЮЛЯ

20 ёаò ìì äíý ìì äòòè юриста, академика АН УССР, Героя Социалистического Труда, члена Международного суда ООН, директора Института государства и права АН УССР, автора трудов по международному праву, всеобщей истории государства и права **Владимира Михайловича Корецкого** (1890, Екатеринослав – 1984, Киев).

26 ИЮЛЯ

05 ёаò ìì äíý ðìæääíèý физика-теоретика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по оптике полупроводников и диэлектриков, кинетическим явлениям в полупроводниках, фазовым переходам металл-диэлектрик, сверхпроводимости **Аркадия Гиршевича Аронова** (1939, Ленинград – 1994, Петербург).

28 ИЮЛЯ

10 ёаò ìì äíý ìì äòòè композитора, народного артиста СССР, автора оперы «Белоснежка», музыкальных комедий, песен «Я люблю тебя, жизнь», «Хотят ли русские войны», «Алёша», «Мужчины» и др., лауреата Государственной премии СССР **Эдуарда Савельевича Колмановского** (1923, Могилев – 1994, Москва).

60 éàò ìí àíÿ ìí àðòè офтальмолога, академика АН СССР, одного из организаторов и директора Офтальмологического института им. Г. Гельмгольца, автора трудов по физиологической оптике, офтальмохирургии, профессиональным повреждениям глаз, лауреата Государственной премии СССР **Михаила Иосифовича Авербаха** (1872, Мариуполь – 1944, Москва).

29 ИЮЛЯ

85 éàò ìí àíÿ ìí àðòè деятеля революционного движения 1870 – 1910 гг., одного из основателей народнического кружка «чайковцев» и организации «Земля и воля», организатора и главы партии «Народное право», одного из лидеров партии левых эсеров, создателя и руководителя партии революционного коммунизма **Марка Андреевича Натансона** (псевдоним – Бобров; 1850, Свенцяны Виленской губернии – 1919, Берн).

ИЗ НАШЕЙ ИЮЛЬСКОЙ ПОЧТЫ

< I I B > N O A U A A

В 1997 году более трех часов я давал видео-интервью западному телевидению. После него я получил благодарственное письмо от Стивена Спилберга.

Я говорил о том, что Сталин не уступал Гитлеру, имея в виду геноцид евреев.

Пятьдесят лет я был «униженный, оскорбленный», считался врагом Советского Союза только за то, что, когда евреев стали увозить из гетто на расстрел (нас было 1200 человек), я и Борис Пукшанский, ныне живущий в Петербурге, бежали и с большим трудом перешли линию фронта. Армейская контрразведка арестовала меня и держала около двух месяцев в железной клетке.

Я в то время был похож на скелет. Надеялся, что, наведя справки, меня отправят в Свердловск, где жили родственники. Так и получилось: снабдили документами, и я поехал в Свердловск. Казалось бы, жизнь стала человеческой... Но через полгода меня арестовал НКВД и предъявил обвинение по статье 58 (антисоветская агитация). 270 ночей держали у стенки стоя: «С каким заданием пришел?» А днем спать не давали – брали измором, чтобы я подписывал им документы. Следователь мне говорил: «Все равно подпишешь, у нас все подписывают». Он был еще жуткий антисемит. Я ему отвечал, что подписывать ничего не буду, так как ничего дурного не совершал. После этого меня возили к уголовникам, избивали так, что я терял сознание, потом обливали водой, чтоб я оклемался. И так много раз. Сажали в камеру смертников, а там полно крыс, я был весь искусан...

Когда началась война, я был комсомольцем. Я тогда очень любил Сталина и думал, что он тоже любит евреев. Я жил в Витебской области в поселке Лиозно. Фашисты появились уже в июне. Организовали гетто, всех мужчин-евреев гоняли под охраной на тяжелейшие работы. Не платили за работу, не кормили. По приказу коменданта евреев периодически вешали или расстреливали.

Когда я ездил на родину в Лиозно, то возложил цветы на две могилы. Там, где лежит плита, но нет имен расстрелянных, и там, где погребены убитые фашистами мои родители и сестра. Возле рва, рядом с речкой Мошна, уничтожены 1200 евреев. В этом месте установлен маленький памятник. На нем написано: «Здесь зверски расстреляны 1200 советских людей».

Какое сердце могло выдержать то, что я перенес! У меня давно работает третий по счету кардиостимулятор. У меня вырезали 2/3 желудка (рак), много у меня и других болезней. Но я не сдаюсь – радуюсь каждому прожитому дню.

У вас прекрасный журнал. Я читаю его регулярно и с удовольствием. И мне очень захотелось рассказать вам о себе.

E. Oei am i,

Aeàò àdèí áóðã

Î ÑÒÁÐÁÁÀËËÓÀÑÛ ÒÐÁÎÎ Î ÒËË Û

Представляю недоумение, а то и досаду взыскательного читателя, когда в надежде на свежие мысли, важные авторские откровения он должен преодолевать горы пустословия и общие места. Пользуясь снисходительностью редактора, кому-то удастся «пробить» нечто второстепенное, выдавая его за нечто новое. То сулят неизвестное о гибели С. Михоэлса, то, пытаясь оживить написанное, разбавляют его водой. В очередной раз твердят: Сталин – антисемит (во что я лично не верю).

Иные авторы до бесчувствия разгоняют текст, который можно уместить на одной – двух страницах. Скажем, относительно депортации евреев. Не только не осуществленной, но и не оставившей ни единого подтверждения ее подготовки. Разумеется, по прихоти Сталина депортацию могли осуществить и без плана. Но, слава Б-гу, до этого не дошло.

Проблема литературного уровня никогда не уходит в песок. Будь то творчество ныне работающих авторов или тех, кто ушел от нас. Только не нужно тасовать засаленную колоду, не давить на пустые тубики. Нужны и новые имена. Тогда и раздел «Бекицер» проявит признаки жизни.

Объяснимое, в конечном счете, редакторское неведение позволяет более напористым и не отягощенным избытком совести авторам подсовывать свои опусы, не стесняясь сомнительности иных из них. Делать нелепые открытия (громоподобное, например, уподобление выдающегося пилота, но вполне среднего литератора Марка Галлая Антуану де Сент-Экзюпери, автору «Маленького принца»). Вполне профессиональная халтура выдается порой за сенсацию и растягивается из номера в номер.

Стремление собрать с каждого надела два-три урожая вряд ли достойно поддержки. Нужна немалая твердость, дабы ей противостоять. Силы-то не совсем равны. Редактор – да не покажется странным – в более уязвимом положении, чем авторы, не всегда отказывающиеся от собственного преимущества и упорно навязывающие свои тексты. Умеющие сесть на голову и добиться своего, не считаясь с интересами журнала.

Совершенно не обязательно заполнять журнальные страницы абы заполнять. Раздел «Бекицер» вызывает чувство искреннего сострадания. Словно он изготавливается на необитаемом острове, где единственный хохмач Пятница меняет псевдонимы. Словно, например, критика нынешней эстрады, где хватает евреев, запрещена. Высмеивать некого.

Беспомощность сатирико-юмористического раздела журнала сама по себе комична. Уж коль в порядке исключения обращаться к давним публикациям, грешно забывать И. Ильфа, В. Бахнова, не привлекать В. Войновича. А разве не комична ситуация в одном русскоязычном журнале, потрясенном возвращением в еврейство Л. Млечина?

«Лехаим» выходит в зоне русскоязычной культуры, культуры высокого уровня, достигнутого не в последнюю очередь благодаря И. Ильфу, Л. Лиходееву, В. Войновичу, Г. Горину... Как же оправдать присутствие в журнале явной тягомотины, наводящей на мысль, что ее создатели преследовали – прошу извинить – прежде всего свои чисто коммерческие цели?

Подобная угроза неумолимо нависает над каждым гонорарным изданием.

Но на то и щука в море, чтоб карась не дремал. Лаконизм – профессиональная добродетель. Даже когда уменьшает авторский доход. Оставляя в выигрыше не только редактора, но и читателей, освобожденных от занудства, многословной тягомотины.

Не для «Лехаима» миссия землепроходца. Только досадное незнание журнальной практики последних десятилетий, в частности «Нового мира», побуждает открывать Америку, порой попадая впросак. Отдел критики «Нового мира» (В. Лакшин, А. Лебедев, Ю. Буртин – его постоянные авторы) уже показал, как надлежало бы выглядеть критике «Лехаима».

Журнал, на мой взгляд, миновал стадию становления. Овладел русским языком. Дело, видимо, в том, чтобы поднять планку, перекрыть доступ многословию, тягомотине, нагоняющим объем и – еще раз прошу прощения – увеличивающим чьи-то доходы.

Мы дожили до дней оголтелой коммерции. Журналу ничего не остается, кроме как противостоять ей.

У. Адеи́а

Ì ñéáá